

Слова БУДДЫ

СОБРАНИЕ ВЫДЕРЖЕК ИЗ «ВИНАЯ-ПИТАКИ»,
ЧЕТЫРЕХ «ВЕЛИКИХ НИКАЙ»
«ДХАММАПАДЫ»,
«ИТТИВУТТАКИ»,
«УДАНЫ» И «СУТТАНИПАТТЫ»
ПАЛИЙСКОГО КАНОНА
«КХУДДАКА-ПАТХА»

Москва 2012

УДК 1 (540)

ББК 87.7

Б 90

Перевод с английского Н. фон Бок

Б 90 Слова Будды/ пер. с англ. Н. фон Бока. — М.: Ганга, 2012. — 384 с.

ISBN 978-5-98882-156-4

Собрание выдержек из «Виная-питаки», четырех «Великих никай» и отдельных частей кратких никай из «Дхаммапады», «Иттивуттаки», «Уданы» и «Суттанипатты» Палийского Канона. В книгу полностью включена «Кхуддакапатха», которая, как считается, содержит долг буддиста во всей его целостности. Для широкого круга читателей.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-98882-156-4 © ООО Издательство «Ганга», 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Введение	6
Глава 1. Начало	28
Глава 2. Ранняя сангха	55
Глава 3. Кхуддака-патха	81
Глава 4. Поучения	96
Глава 5. Язык	118
Глава 6. Устойчивость общины	130
Глава 7. Во время болезни	153
Глава 8. Благотворительность	165
Глава 9. Счастье в этом мире	177
Глава 10. Советы мирянам	189
Глава 11. Жизнь, смерть – и что дальше?	206
Глава 12. Путь святости	232
Глава 13. Девадатта	299
Глава 14. Истинные и ложные учения	305
Глава 15. Будды указывают путь	316
Глава 16. Водитель	336
Глава 17. Что такое ниббана?	345
Глава 18. Последние дни	359

АРАХАНТ

*Сквозь множество кругов рождений и смертей
я прошел,
Не находя строителя, которого я искал.
Поток жизни есть рождение и смерть и новое
рождение, наполненное скорбью.*

*Теперь, строитель дома, посмотри, —
ты больше ничего не построишь.
Разрушены все твои стропила, расколоты
балки.
Нет больше соединения:
разум уничтожил страстные желания.*

(Дхаммапада 153–154)

Пояснения:

Строитель — это желание, жажда — палийское «танха» — включает жажду бытия, жажду существования. Дом — имеется в виду тело. Все эти желания для своего удовлетворения строят дом-тело. Желание жить вовлекает в свою сферу все новые формы желаний и строит из них новые формы бытия. Так создается цепь рождений, привязывающая к круговороту существования. Стропила — страсти, страстные желания. Балки — неведение, незнание, непонимание причин страданий и круговорота бытия, незнание механизма и принципов возникновения существования.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это собрание состоит из выдержек из «Виная-питаки», четырех «Великих Никай» («Дигха», «Мадж-джхима», «Самъютта» и «Ангуттара-никая») и отдельных частей кратких никай — из «Дхаммапады», «Итивуттаки», «Уданы» и «Суттанипатты»; последний из названных текстов содержит некоторые из самых старых частей палийского канона. В этих текстах Будда изображен говорящим как прозой, так и стихами. Я включил в книгу также и всю «Кхуддака-патху»; считается, что ее традиция содержит долг буддиста «во всей его целостности».

Какая часть всех этих текстов представляет собой подлинные высказывания Будды, какая является разработкой и вложена в уста Учителя — особенно в случаях стихотворных вставок, — решить в точности невозможно.

Пользуясь терминами, я обычно принимал те из них, которые были выработаны в результате многолетних трудов покойным профессором Рис-Дэвидсом и его женой, доктором С. Э. Рис-Дэвидс. Ссылки, особенно ссылки на «Винаю», даются по изданию Общества палийских текстов.

Считаю необходимым выразить большую благодарность моему другу мистеру Питеру де Эбру (Колombo, Цейлон), ибо я начал эту небольшую книгу по его настоянию и благодаря его поддержке сумел довести ее до публикации.

Ф. Л. Вудворд

Адьяр, Мадрас, апрель 1925 г.

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга, если принять во внимание ее размеры, представляет собой прекраснейшую антологию палийского канона, когда-либо составленную для печати. Палийский канон — термин, охватывающий собрание писаний тхеравады, «учения старейших», той школы буддизма, которая иногда называется «Южной»; ее учения можно сегодня найти на Цейлоне, в Таиланде, Бирме и Камбодже. Язык пали был языком царства Магадха, где учил Будда; на некотором историческом этапе этот язык был перенесен миссионерами на Цейлон. Огромная масса текстов канона, а также многочисленные комментарии были хорошо известны западным ученым еще в XIX столетии; но все это собрание материалов стало доступно для интересующихся лишь после того, как доктор и миссис Рис-Дэвидс в 1881 году основали Общество палийских текстов и начали транслитерацию всей массы материала буквами латинского алфавита, а затем и принялись за перевод сутт на английский язык. К концу столетия было сделано очень многое; и некоторая ирония заключена в том факте, что, независимо от заинтересованности в этих писаниях, они оказались доступными для изучения в англоязычном мире, тогда как ни один из граждан Цейлона, Таиланда, Бирмы или Камбоджи не мог прочесть ни слова на том языке, на котором они сохранились. И только недавно, во время нового подъема буддизма, происходившего в течение последних пятидесяти лет, канон был переведен на туземные языки и стал доступным для широких масс народа.

Составитель антологии мистер Ф. Л. Вудворд родился в Англии в 1871 году. Получив специальность школьного учителя, он в 1903 году был назначен на должность директора колледжа Махинда в Галле, на Цейлоне. В продолжение своей выдающейся карьеры в области восточной и западной системы образования он изучил палийский буддизм и сам язык пали — язык учености живой религии. Затем он переехал на остров Тасманию и в течение тридцати лет был занят переводом многих важнейших частей канона и изданием комментариев к еще большему их числу. Поэтому он обладает весьма высокой квалификацией для выполнения задачи отбора и расположения выдержек из канона для данной антологии.

Ни одна антология не может быть полной, ибо условия ее составления заключают в себе противоречивые требования; и нужно обратить внимание на то, какие части канона мистер Вудворд избрал в 1925 году для включения в этот томик. Он приводит в предисловии их список, а также доводы в пользу своего выбора; собрание оказывается замечательно уравновешенным. Так, он опускает все ссылки на третью «корзину», или собрание трудов канона, Абхидхамму, т. е. «наивысшую дхамму», поскольку лишь немногие читатели отнесут ее к периоду более раннему, чем I век после Р. Х., тогда как считается, что некоторые из писаний, особенно «Сутта-нипата», не только существовали, но фактически были доведены до письменной формы на Цейлоне не позднее II века до Р. Х.

Канон представляет собой медленно возникший продукт устной традиции, передаваемой поколениями бхикку, или монахов, в монастырях Индии; как утверждается в самом каноне, форма текстов была

согласована на совете старейших монахов, собравшемся вскоре после смерти Будды. Невозможно сказать, что произошло за четыреста лет этой передачи столь обширного собрания хранимых в памяти бесед и разговоров и перехода их в форму записи, так сказать, «опубликованных». Несомненно, в течение последующих столетий комментариев и споров произошли некоторые перемены. Но ни для кого из тех, кто изучал нынешние результаты отбора, даже в переводе, не остается ни малейшего сомнения в том, что они представляют последовательное учение, данное человеком весьма великого ума, человеком, которого Герберт Уэллс в своей истории считал «величайшим из всех когда-либо живших на Земле людей».

В том, что касается действительной жизни основателя учения, нам приходится соединить множество отдельных мест из канона, как это сделал ныне покойный И. Х. Брустер в своей «Жизни Готама Будды». Далее, существуют переводы на английский язык с бирманского — «Жизнь Готама Будды и легенды о нем в бирманской литературе» (1880 г.) епископа Бигандета, а также переводы нескольких более чуждых традиции тхеравады китайских и санскритских текстов, сделанные Сэмюэлом Бийлом, перевод тибетской «Жизни Будды» (1884 г.) У. Видвилла Роксхилла. Но уникальный характер буддизма заключается в почти полном отрыве учения от событий и перемен в истории, потому что провозглашенные им истины обнаруживают свою истинность для буддиста в его практике; точно так же он способен установить, чем является жизнь основателя учения — фактом, легендой или захватывающей смесью обоих.

Во всяком случае, эта составленная из разных частей повесть содержит возвышенную весть, обращен-

ную к любому человеку; ибо по своей строгой красоте, по способности воздействия символики, поэзии и проникновенности она не уступает ни одной вести, появившейся в сфере мировой религии. Можно дать здесь краткий ее пересказ, поскольку мы имеем дело с более или менее записанным учением.

Гаутама Сиддхартха, или, согласно палийской версии, Готама Сиддхарта, был сыном раджи народности шакья в Северной Индии; он родился в VII столетии до Р. Х. Согласно традиции, обладавший большой личностной и телесной красотой и пронизательностью ума, он воспитывался во дворце своего отца, где ему были предоставлены всевозможные чувственные наслаждения. Отец старался удержать его от знакомства с какими бы то ни было заботами и печальями обычной жизни, потому что во время его рождения было произнесено пророчество о том, что он станет полностью просветленным и, как таковой, проявит полное безразличие к трону отца. Готама женился, у него родился сын; так что чаша его счастья как будто оказалась полной. Однако, согласно дальнейшему повествованию, предсказание сбылось, оправдалось пророчество о том, что эта жизнь будет последней в долгой серии существований, посвященных одной высочайшей цели — достижению полного пробуждения для себя и вести о пути к этому пробуждению, обращенной ко всему человечеству. Несмотря на все меры предосторожности, во время поездки вокруг столицы отцовского царства он увидел сначала старика, потом — больного, а после него — умершего; в каждом случае принц спрашивал колесничего о смысле увиденного. Ответ гласил, что так должно быть, что такова судьба всех людей. Юного принца охватила тревога; и когда он увидел отшель-

ника с обритой головой и в рваном одеянии, по-видимому, презиравшего жизнь, направленную к удовольствию, он принял решение, которое по праву можно назвать великим отречением. В ту же ночь с него опали оковы наслаждений, а в сердце пробудилось сострадание. Он еще раз ощутил глубокое стремление не только спастись самому, но и принести спасение всему человечеству — любой ценой найти где угодно причину этого страдания и положить ему конец. Ночью он покинул свой дворец, жену и ребенка, облачился в рубище нищего, отдав ему взамен свои шелковые одежды, и ушел в лес для уединения, бездомной жизни.

Он учился под руководством найденных там святых отшельников и практиковал предписываемый ими аскетизм. Но напрасно. Ни в хитросплетениях ума, ни в умерщвлении плоти ему не удалось найти истину; однако в глубине его существа вспыхнул свет сострадательной мудрости. Он уселся под деревом бодхи, как затем его стали называть; отпрыск этого дерева можно увидеть и поныне. Он решил, что не поднимется с места, пока не найдет ответа на проблему, неустанно преследующую человечество. Он пробивался вверх через все многообразие планов создания, и это продолжалось до самого дня майского полнолуния; то, что он усвоил в бесчисленных жизнях, прошло перед внутренним взором его искания; далее появилась сама пустота, которая есть смерть «я» и последних следов осознания различий; затем, после этого, произошел прорыв полного космического сознания через последнюю завесу ограничений; и вот принц-наследник и монах, ныне ставший Буддой, Просветленным, обрел Познание.

Сорок пять лет его служения хорошо описаны в каноне; тогда к нему устремились мудрецы всех степней, цари, министры и простолюдины, торговцы, земледельцы, преступники и блудницы; каждый из них получал учение о пути, ведущем к окончанию страдания, который открыл он, Будда, по которому он прошел до самого конца. Он начал с того, что собрал вокруг себя ядро из великих умов, уже созревших для того, чтобы услышать и понять его послание; из этих людей сформировалась сангха, т. е. «собрание»; это сообщество, как обычно утверждают, оказалось самой старой религиозной общиной из всех, какие существовали на Земле. Правила общины были многочисленны и строги; они начинались с основ морального поведения, предназначенных для мирян и изложенных в пяти предписаниях; это — запрещение убийства, воровства, чувственности, лжи и употребления опьяняющих средств, которые вызывают помрачение ума; дальнейшие правила распространялись до мельчайших деталей поведения, предназначенных для того, чтобы помочь монахам придерживаться установленной путеводной линии принятого ими обучения. Но все эти правила принимались добровольно. Любой человек мог оставить общину по желанию; и осуществлявшееся там воспитание в целом было самовоспитанием. Формула предписаний переводится так: «Я принимаю правило обучения — воздерживаться от...» — и далее следовал соответствующий принцип. Не было никакого принуждения, тем более страха перед какой-то невидимой силой, которая накажет нарушителя за его грех. Само нарушение и было наказанием, потому что всеобщий закон, закон кармы, с необходимостью производил свое должное и неизбежное воздействие

на нарушителя или приносил ему награду за хорошо выполненную работу. Монахи жили в вихарах, т. е. монастырях; все время, за исключением сезона дождей, они странствовали с места на место, занимаясь в эти периоды обучением своих «прихожан» и служением им. Их задачей было также сохранение Учения и его распространение; в меру своих сил они должны были служить примером святой жизни, к тому же посвященной достижению прекращения страданий. Важность сангхи была показана историей; ибо там, где она разрушалась или, как это произошло в Индии, оказалась подавленной вторгшимися ордами исламистов, умирал также и буддизм; нашим знанием дхаммы, как называется закон в странах тхеравады, мы обязаны тому факту, что еще и сейчас монахи в желтых одеяниях хранят эту дхамму и учат ей, практикуют медитацию и стремятся усвоить дхамму, стараются являть собой пример для тех людей, среди которых живут. Какое место занимает сангха на Западе среди все возрастающего числа западных буддистов — вопрос пока спорный; но в странах Запада существуют многие монастыри, которые как будто служат полезной цели, имеющей в виду те же самые три пункта.

Послание Будды получило дальнейшее распространение. Ашока, буддийский император всей Индии, правивший в III в. до Р. Х., отправил вестников Учения на Цейлон; они принесли с собой отпрыск дерева бодхи, который и по сей день произрастает в Анарадхапуре. Эта форма учения тхеравады нашла путь также и в Бирму, Таиланд и Камбоджу; в этих трех странах учение тхеравады вытеснило проникшую туда ранее форму махаяны. Тем временем Учение в той или иной форме было принесено до северо-запада

Афганистана и в прилегающие страны к северу вокруг Гималаев и по древнему шелковому пути в Китай, а оттуда — в Корею и Японию.

Здесь мы не рассматриваем то обстоятельство, что буддизм проиграл сражение в самой Индии и сохранил там, по крайней мере, лишь почву под ногами. К 1000 г. после Р. Х. буддизм в Индии умер или был искоренен. Не касаемся мы и возникновения через сто лет после смерти Будды различных ответвлений от двух ранних движений первоначальной хиньяны, сарвастивадинов и махасангхиков, которые в своем расширении и развитии впоследствии оформились в махаяну, или «великую колесницу», северную школу. Однако они не оказали воздействия на тхеравадинов Цейлона, которые в течение последующих более чем двух тысячелетий оставались хранителями собственной традиции и за последние сто лет подготовили активных миссионеров для большинства уголков всего мира.

Но подъем махаяны был таким быстрым, а доктринальная и географическая широта распространения оказалась весьма значительной; при этом интересно отметить, насколько всеохватывающей является эта широта в понятиях каждого аспекта деятельности ума. Однако, как можно показать в наиболее крупных деталях, каждая главная доктрина всех школ махаяны имеет корни в отрывках, приведенных в предлагаемом томе.

Такое утверждение может показаться смелым; однако рассмотрение всего поля буддийской мысли включает в себя, по меньшей мере, следующие пункты: величественную систему метафизики, философию, «запредельную мудрость», в центре которой находится имя Нагарджуны, развившуюся в течение

нескольких столетий, начиная со II в. до Р. Х. и кончая III в. после Р. Х.; можно сказать, что эта школа внесла в поле духовной психологии систему йогачары, разработанную два столетия спустя братьями Асангой и Васубандхой; доктрину «пустотности», составленную учения самого Нагарджуны; группу мистиков высочайшего уровня; целую систему воспитания ума, развитую в Абхидхамме, в «третьей корзине», т. е. собрании писаний палийского канона; затем то, что можно назвать культом субъективного ритуала тибетской мистики; школу Син, или Чистой Земли, возникшую, как и многие другие, в Индии и послужившую началом аналогичных школ, развивавшихся в Китае и Японии, напоминающих индийскую бхакти-йогу и родственные религии в ее популярном понимании; наконец, такую единственную в своем роде школу, которая была основана в Китае под именем «чань», но лучше известную в японской версии этого слова — «дзэн»; эта школа представляет собой возвращение к подлинному учению Будды о прямом просветлении. Прибавим сюда высокоразвитую систему морали, некоторые из пользующихся мировой известностью шедевров искусства эпохи Тан в Китае, непосредственно вдохновленные системой чань; тщательно продуманную культурную атмосферу Японии, специфический буддийский подход к социальным, национальным и международным проблемам — и перед нами, несомненно, откроется широчайшее поле мысли, какое только известно в истории. Все же необходимо повторно отметить, что семена почти всех этих доктрин и практических методов видны в манускриптах из пальмовых листьев, на которых основывается нынешний палийский канон.

Но, даже учитывая плоды всего этого гигантского исторического развития, можем ли мы утверждать, что буддизм является религией в подлинном смысле этого слова? На Западе написаны тысячи томов сравнительных исследований религии, в которых буддизм назван одной из пяти великих мировых религий — вместе с индуизмом, иудаизмом, христианством и исламом. Однако что такое религия вообще? В словарях говорится об «одной из преобладающих систем верований и поклонения», что не особо применимо к буддизму; еще менее можно считать, что буддизм представляет собой «признание человеком сверхчеловеческой правящей силы, особенно какого-то личного Бога, которому следует повиноваться». Также и монахи сангхи, в какой бы стране они ни находились, не заняты душами верующих и их спасением при помощи этого Бога. Буддизм не знает ничего подобного, и многие такие взгляды были бы преданы в системе тхеравады настоящей анафеме.

Разумеется, лучше говорить о тхераваде как о некоторой моральной философии; в качестве таковой она может представляться наиболее тонкой из всех существующих. Правда, как уже было сказано, здесь можно увидеть и семена чуждых этому взгляду элементов, как метафизику, признающую «нерожденное, не имеющее начала, бесформенное», что оказывается приданием Абсолюту имени Будды; есть и другие названия, имя которым легион, — но в буддизме это понятие никогда не приписывалось какому-либо внекосмическому божеству. И, конечно, этот бесформенный элемент не способен иметь какие-то руки, спасающие человека от последствий его грехов. «Возникновение, возникновение; прекращение, прекращение» — таков кармический закон, поток

причины и следствия, великий закон кармы, принятый Буддой вместе с законом повторного рождения из той системы взглядов, которая, по всей вероятности, представляла собой суть его воспитания, мудрость его времени.

Буддизм также не допускает существования внутри человека некоего неизменного и бессмертного существа, сравнимого, например, с христианским понятием бессмертной души. Поскольку «нерожденное, бесформенное» должно быть внутренне присуще каждой частице рожденного и обладающего формой, внутри человека наличествует нечто «подобное пламени», или особый «луч света», который Будда увидел и познал во время своего полного просветления; но он не является какой-либо собственностью человека, и никто не в состоянии назвать его своим.

Тогда что же такое буддизм? Ответ на этот вопрос ясно виден во всей текстуре канона. Это образ жизни, действительный путь, заново открытый человеком Буддой, провозглашенный им и пройденный им до самого конца, до конечной цели — просветления.

Действительно, существует полезное эпиграмматическое высказывание о том, что «буддизм делает буддизм». Неправильно называть его системой мысли, некоторым иррациональным кодексом или какой-то религией. Из этих понятий ближе к действительному положение «мораль», ибо настойчивое требование подлинной практики восьмеричного пути, — как Будда называл свой образ жизни, — проявляет глубокую озабоченность по отношению к морали в ее широчайшем смысле, т. е. к развитию характера. Правда, это означает, что учение Будды оказалось преднамеренно ограниченным. Основатель постоянно отказывался отвечать на вопросы неясного, обще-

го характера, которые ему задавали собеседники, вероятно, брахманы-пандиты. Ответом на вопросы о том, является ли «я» вечным, на рассуждения о первопричине, столь любезные всем философам, о том, вечен мир или нет, — было «благородное молчание». Никакой ответ на подобные вопросы не может приблизить спрашивающего к состоянию покоя ума, к прекращению страдания, к ниббане. Снова и снова Будда прекращал такие споры своей глубокой убежденностью: «Единственной вещи учу я, о бхикку: существует страдание, и существует освобождение от страдания». Из этого положения вытекали четыре благородные истины: всеобщность страдания; наличие его причины; тот факт, что при помощи устранения причины можно устранить нежелательные следствия; наконец, существование пути, действительно го пути, по которому он сам пришел к окончанию страдания.

Конечно, Будда знал гораздо больше того, что он открыл, по крайней мере, широким кругам слушателей; это показано в знаменитой притче о листьях дерева симсапа, приведенной в настоящей книге. «Что больше, — спросил он, — горсть листьев, которую я вам здесь показываю, или листья в целом лесу?» Получив ответ, он выразил точку зрения: «Точно так же те вещи, которые я знаю своим Высшим Разумом, но не раскрыл вам их, гораздо больше тех, которые я открыл». Почему же Будда не открыл это знание? Потому что оно не помогло бы слушателям. Но то, что было открыто, как он повторил еще раз, — это четыре благородные истины.

Здесь нет места для того, чтобы дать хотя бы самый краткий очерк дхаммы; но для читателя может оказаться полезным отметить некоторые основные

принципы, относящиеся к буддизму и его провозвестию, обращенные ко всему человечеству. Прежде всего — и самое замечательное — это полное отсутствие провозглашения авторитета. В своем знаменитом обращении к Каламам*, поистине, единственном в своем роде в анналах религии или каких бы то ни было дошедших до нас учений любого святого или мудреца, он сказал:

«Не следуйте тому, что обретено в силу предания, или повторным повествованиям, или тому, что содержится в священном писании, ни особым рассуждениям; не следуйте тому, что обретено в силу кажущейся способности другого человека, ни соображениям: "Этот бхикку — наш учитель". Каламы, когда вы сами знаете: "Эти вещи хороши; эти вещи не заслуживают порицания; эти вещи одобряют мудрые люди; обдуманно предпринятые и исследованные, и соблюдаемые эти вещи ведут к пользе и счастью", — приступайте к ним и пребывайте в них».

Разве какой-нибудь учитель призывал своих последователей не довольствоваться верой в доктрину, не полагаться на нее только потому, что он учит ей?

Далее, в буддизме отсутствует какое бы то ни было обещание спасения благодаря действию некоторых сил или процессов, иных нежели те, которые находятся внутри человеческого ума. В самом деле, буддизм — это религия, выраженная совершенно понятной нынешнему уму фразой: «Сделай сам!» Действительное следование по пути во всякое время есть предмет первостепенной важности; подобным же образом причины страдания и способы его устранения также следует искать внутри ума.

* Каламы — народность, сообщество людей, к которым обратился Будда.

Всеобщая терпимость буддистов к тем, кто имеет отличные от них взгляды, являет собой исторический факт необычайного значения. В истории буддизма нет никаких свидетельств о насильственном обращении, тем более — о преследованиях; и уже совсем невероятным было бы свидетельство о «буддийской войне». В записях китайских путешественников, посещавших в VII веке после Р. Х. знаменитый университет в Наланде в северо-восточной Индии, мы находим сообщение о царившей в нем терпимости. Они нашли около десяти тысяч учащихся, которые слушали лекции около сотни учителей, собравшихся там со всего известного тогда Востока; эти учителя излагали слушателям огромное разнообразие доктрин, комментариев и личных мнений; можно утверждать, что при этом не было произнесено ни одного грубого слова.

Далее, важным является и то обстоятельство, что учение Будды было предложено в качестве открытия, совершенного человеком, и никогда не считалось догматическим посланием какого-нибудь божества. Поэтому Будду называют по-настоящему первым ученым — в том смысле, что его учение дано в форме утверждения: «Посмотрите, и вы обнаружите, что то-то и то-то является истинным», — будь то «три признака бытия», т. е. изменчивость, страдание и отсутствие постоянного «я», или четыре благородные истины, изложенные выше, или доктрины кармы и повторного рождения. Если слушатель считал, что эти открытия заслуживают его собственного исследования, если он на личном опыте убеждался в их истинности, тогда он мог принять их, придерживаясь линии собственного наставления Будды в «Калама-сутте». «Внимательный, полный самооблада-

ния», всегда бдительный по отношению к безумству ума и его страсти к мало чего стоящим вещам, изучающий достигает умения замечать все явления, взирать на них пробужденным оком буддхи, интуиции, которая являет собой свет ума будды, внутреннего и нерожденного.

В этой неустанной внутренней работе свою роль играет и практика медитации; однако она не обязательно занимает в ней такую значительную часть, как можно было бы представить на основании почти неизменной позы изображений Будды — со скрещенными ногами в положении сидячей медитации с устремленным внутрь взором. «Сидение», как это было указано почти всеми великими мастерами, само по себе является входным билетом в ниббану. Должно наличествовать усилие, действующее внутри каждой стороны человеческой жизни. Как мы читаем в «Маха-париниббана-сутте», где приведены слова Будды на его смертном одре: «Изменения присущи всем составным (сложенным из частей) вещам. Старательно трудитесь ради собственного освобождения».

Такой образ жизни явственно выходит за пределы случайных факторов истории, времени и места; истины буддизма окажутся одинаково разумными независимо от того, когда и где жил Будда. Действительно, мы читаем о целой линии будд, появлявшихся на Земле, как только созревало время для их появления. Учение Готама — это всего лишь отрывок длительной традиции обширной мудрости, называемой «накопленной мудростью веков»; эта мудрость в значительной степени заключена в буддийских писаниях. Поэтому буддизм не принадлежит исключительно ни Востоку, ни Западу, и его методы могут быть приняты как западным, так и восточным умом. Здесь на-

лицо отчетливая цель жизни для растущего числа молодых поколений, которые отчаянно ищут эту цель. Страдание — в смысле физической боли и нездоровья, — явно видимо для всех. Разве нет смысла в том, чтобы начать жизнь, посвященную планомерной деятельности ради того, чтобы, по крайней мере, уменьшить размеры этого «мучительного моря печали»? Во всяком случае, мудрость Будды, его чувство юмора и прочный здравый смысл, его отказ тратить время на предметы, недоступные доказательствам или опровержениям, его неустанное требование, чтобы каждый искатель самостоятельно нашел истину провозглашенных принципов — все это оказалось полезным для западного ума в течение последних пятидесяти лет. Сегодня человеческий ум, погруженный во все более и более материальную цивилизацию, напряженно бьется в поисках некоторого смысла жизни, какой-то цели превыше стремления к богатству, власти и телесному комфорту. Буддизм способен предоставить нам такую цель — и он действительно предлагает ее.

Запад впервые узнал о буддизме по переводам писаний, сделанных европейцами, служившими в буддийских странах. Один из первых таких переводчиков — это сэр Эдвин Арнольд; его «Свет Азии», изданный впервые в 1879 году, все еще остается на Западе бестселлером по буддизму. Тем временем упомянутое выше Общество изучения палийских текстов начало полный их перевод на английский язык, чтобы представить этот труд ко времени открытия мирового парламента религий в Чикаго в 1893 году. Это собрание религий никогда более не повторялось; на нем буддизм был представлен многими делегатами; одним из них был Анагарика Дхармапала, величайший

современный проповедник буддизма. Вдохновленный г-жой Е. П. Блаватской, он оставил управление делом отца, чтобы изучать буддизм; в 1891 году он основал Общество Маха Бодхи, которое более чем какое-либо другое движение послужило возвращению буддизма в Индию в качестве живой силы. В заседаниях парламента религий принимали участие также настоятели японских храмов, тайландский принц, знаменитый наставник из Камакуры Сойэн Сяку и столь же знаменитый сингал Сумангала-тхера, который вместе с американским президентом Теософского Общества Г. С. Олькоттом способствовал тому, чтобы сингальский буддизм снова стал на ноги.

Вскоре после закрытия парламента доктор Поул Кэйрес начал работу первооткрывателей в Ла Саль, Чикаго, где к нему присоединился японец доктор Д. Т. Судзуки для оказания помощи в переводах и в подготовке других практических пособий по буддизму. В Европе, около Берлина, трудился доктор Пауль Дальке; подготовленный им «Буддийский Дом» был первой попыткой создать европейскую вихару, буддийский монастырь. Здесь же он написал свои «Очерки буддизма»; примерно в то же самое время в Гарвардском университете осуществлялась публикация «Буддизма в переводах» Генри Кларка Уоррена, так что распространение дхаммы шло шаг за шагом по обе стороны Атлантического океана. А в 1907 году в Лондоне было основано Буддийское Общество Великобритании и Ирландии; оно подготовило путь для первого английского бхикку — бхикку Ананда Меттеи, родившегося в Лондоне под именем Алана Беннета; он облачился в оранжевое одеяние в Бирме и подготовил первую буддийскую миссию на Запад. Он высадился в Лондоне в апреле 1908 года, и это со-

бытие оказалось рождением буддизма на Западе. Для нового общества был основан журнал «Буддийское обозрение»; для всех интересующихся читали лекции. Работа миссии продолжалась всего шесть месяцев; но светильник был зажжен, и его первоначальный импульс продолжался до 1923 года. В следующем, 1924 году, я вместе с женой и с группой других английских буддистов основал нынешнее Буддийское Общество; предлагаемая работа поможет отпраздновать его юбилей. В 1925 году вышло первое издание этой самой книги, и она дожила до сегодняшнего дня в карманах тысяч английских буддистов.

В течение следующих десяти лет в Париже появилось «Общество друзей буддизма»; возникли новые группы в Германии; а в основанное в Лондоне во время долгого визита Анагарики Дхармапалы «Общество Маха Бодхи» прибыла для работы первая группа сингальских бхикку с Цейлона.

В Соединенных Штатах и в Японии доктор Дуайт Годдэрд уже помогал доктору Д. Т. Судзуки в подготовке его знаменитого трехтомника — «Очерки дзэн-буддизма». Таким образом впервые широкие круги читающей публики ознакомились с показавшимися им совершенно иными учениями махаяны. Доктор Годдэрд представил сплав этих двух учений в первом издании «Буддийской Библии», вышедшей в свет в Тетфорде, штат Вермонт, в 1932 году. В 1936 году доктор Судзуки приехал в Лондон и оказался ведущим оратором на вновь созданном сэром Френсисом Янгхасбэндом Всемирном Конгрессе религий. В Нью-Йорке был основан Первый Институт дзэн; таким образом началось практическое применение этого аспекта дхаммы. На западном побережье Соединенных Штатов среди японского населения прочно утвердил-

ся буддизм *син*; но в следующие годы и Запад и Восток оказались в одинаковой мере погруженными в войну.

Итак, до сих пор были предприняты некоторые незначительные попытки рассеять туман полного незнания буддизма, преобладавшего по обе стороны Атлантического океана. В Англии еще в начале двадцатых годов господствовало общее представление о буддизме как о мрачной и пессимистической доктрине, целью которой является уничтожение; и потребовалось пятьдесят лет упорного труда, чтобы убедить западный мир в противоположном. В буддизме нет ни пессимизма, ни оптимизма; наличествует только спокойное и объективное видение фактов, каковы они есть, а также анализ вызвавших эти факты причин. Что же касается цели буддизма, то ниббана, это состояние гигантского расширения сознания, которое превратило отпрыска индийского царственного рода в Будду, в Просветленного, пребывает вне досягаемости слов. Слова, которые могут быть применены по отношению к ниббане, столь же беспомощны, столь же бесполезны, сколь бесполезными будут попытки наклеить ярлыки на ветер. Но, несомненно, очевиден тот факт, что никакая весть, заключающая в себе лишь отрицательное содержание, не создала бы мировую религию с широчайшим распространением на земном шаре, сохраняющую свое влияние уже две с половиной тысячи лет.

Правда, одна доктрина, занимающая в школе тхеравады почти центральное место, доктрина «анатты», является негативной. Она означает отсутствие атмана, или на пали «атта»; но Будда никогда не отрицал существования личности, как не отрицает его и палийский канон. Он отрицал современную ему

концепцию атмана, которая деградировала до представления о человечке размерами с большой палец, обитающем внутри сердца; и он отрицал это представление в самых энергичных выражениях. Его учение было позитивным в том смысле, что наша личность, которую мы считаем истинной и важной, являет собой чистую иллюзию, ложь, которая и оказывается причиной огромных размеров человеческого страдания. Указания на эту мощную доктрину «не-я», понимаемую именно в таком смысле, видны во всем каноне; но благородный ум, провозгласивший нерожденное и безначальное, а также и путь к нему, находился далеко за пределами ограничений отрицания.

И это позитивное учение пришлось по душе западному миру, утомленному еще одной войной. Колоссальный рост интереса к буддизму возбудил потребность в книгах и лекциях, в классах и курсах медитации. В Лондоне было основано несколько вихар — вихара сингальской сангхи, вихара английских буддистов и вихара тайской общины под покровительством тайского короля. Дхарма еще раз предстала в разнообразных проявлениях единой формы — тхеравады. По всей стране появились филиалы Буддийского Общества; и точно такой же постепенный рост буддийских обществ происходил в Соединенных Штатах Америки.

Как можно было ожидать, все эти группы имеют склонность к возникновению и исчезновению; но значительное их число остается упрочившимся. На западном побережье Соединенных Штатов наиболее явными оказались школы *син*, или Чистой Земли, и школы *сото дзэн* — главным образом благодаря значительному японскому населению. На востоке инте-

рес как будто разделяется между тхеравадой и школой *риндзай*; но самый последний доступный нам перечень насчитывает около семидесяти пяти буддийских центров или иного рода, разбросанных по всей стране. В настоящее время не существует единой центральной организации, поддерживающей связь центров друг с другом; но такая организация может появиться. Тем временем растет поток книг, и среди них заметна новая струя писаний, возникшая благодаря деятельности лам, бежавших из Тибета; неделимая жизнь буддизма включила в себя еще одну новую форму.

Поэтому буддизм на Западе получил прочную основу; для многих читателей, предпочитавших учение и практику старейшей его школы, предлагаемая книга оказалась (и еще долго окажется) повседневным спутником.

Можно задать вопрос: какой вклад вносит буддизм в разрешение мировых, а также социальных и национальных проблем, возникающих внутри каждой группы людей? Ответ настолько же ясен, насколько уникален: сравнительно с другими течениями — никакого! И причина этого понятна: один человек в состоянии внутреннего мира живет счастливо. Счастливо живет группа или племя, пребывающие в состоянии внутреннего мира. Целый народ, пребывающий в состоянии внутреннего мира, живет счастливо; такие народы существовали и все еще существуют в глухих уголках Земли. Группа народов, называемая человечеством, могла бы жить вполне счастливо, если бы была способна установить мир внутри самой себя; но до тех пор, пока человек пребывает в состоянии внутренней войны, пока он охвачен бурным, пылающим «тройным пламенем» ненависти, чувственности и

иллюзии, пока главным источником его жизни остается эгоистическое желание, а ум не поддается какому бы то ни было контролю, — до тех пор такой человек, или группа людей, или целый народ, или все человечество, останется в состоянии войны. Цена мира — это «я»; и человек, или единица, в случае готовности принести все претензии на отдельное «я», как бы они ни назывались, на алтарь единого и нерушимого Света дхаммы Будды, найдет этот мир. Будда указал путь к такому покою сердца, которое представляет собой конец страданиям. Да найдет каждый человек для себя этот путь, да проделает его до конца! И да поможет ему в этой долгой, трудной, но чрезвычайно благодарной задаче предлагаемая книга.

Крисмэс Хамфриз
Лондон, декабрь 1972 г.

Глава 1

НАЧАЛО

1. Отречение Готамы*

«И вот, бхикку, я до своего просветления, когда еще не был совершенным буддой, а был бодхисаттвой, все еще по природе подверженным повторному рождению, — я стремился к вещам, природа которых вызывает повторное рождение. Обладая природой, подлежащей разрушению, подверженный болезни и смерти, будучи подвержен печали и нечистоте, я стремился к вещам подобной же природы.

Затем у меня появилась мысль: почему же я, по природе подверженный повторному рождению, подверженный смерти, печали, нечистоте... стремлюсь к вещам подобной же природы? И что, если я, сам, будучи... подобной природы и видя вред того, что подвержено повторному рождению, устремлюсь к непревзойденному, совершенному убежищу, которое есть ниббана? Будучи сам подвержен разрушению, болезни, смерти, печали и нечистоте, видя недостатки такого состояния, ущербность того, что им подвержено, что если я устремлюсь к незапятнанному, непревзойденному, превосходнейшему убежищу, которое есть ниббана?

* Из «Маджджхима-никаи» I, 163 — «Арьяпарьесана-сутта», или «сутта благородных исканий».

Народная легенда о великом отречении не содержится в палийской Трипитаке; но она основана на истории о благородном юноше Ясе («Виная» I. 7) и изложена более подробно в «Лалита-вистаре» и в последнем «Комментарии к повествованиям джатак».

Тогда, спустя некоторое время, о бхикку, я, будучи еще молодым черноволосым юнцом, одаренным счастливой молодостью, в первом расцвете мужественности, пошел против желания опечаленных матери и отца, чьи глаза были полны слез; я обрил волосы на голове и на лице, надел оранжевое одеяние и ушел из дома для бездомной жизни*.

Так, сделавшись странником, искателем того, что есть благо, стремящимся к непревзойденному и наилучшему состоянию мира, я приблизился к Аларе Каламе и, подойдя к нему, сказал: «Друг Алар, я желаю жить святой жизнью согласно правилам твоей дхаммы...»**

2. Достижение Готамай ниббаны

«И вот, бхикку, я, будучи невысокого мнения об этом учении (Алары и др.), испытывая к нему отвращение, ушел от них.

Тогда, бхикку, в своем искании того, что есть благо, в поисках непревзойденного и превосходнейшего состояния умиротворенности, я бродил среди народа

* Это утверждение относительно ранней юности расходится с рассказом в «*Маха-париниббана-сутте*», где Будда говорит, что ему в то время было двадцать девять лет.

** Затем он скоро усвоил все, чему его мог научить Алар Калама, усвоил путь йоги для достижения в состоянии медитации сферы пустоты; однако далее пути там не было. Тогда, оставив этого учителя, он направился к Раме, и тот провел его на шаг дальше, в сферу, где нет каких бы то ни было восприятий. Неудовлетворенный, Готама ушел к Уддаке, ученику Рамы, который, хотя и заявил, что проведет его несколько дальше, сам признался, что не сможет перешагнуть через определенный этап, и в свою очередь пожелал, чтобы Готама стал его учителем. Таким образом Готама решил продолжать борьбу в одиночестве ради достижения своей цели — «несравненной невозмутимости, умиротворенности, которая есть ниббана».

Магадхи и пришел в Урувелу, в предместье предводителя войска. Там я увидел красивое место, приятную лесную рощу, мимо которой текла река с чистой водой, рощу, легко доступную и прекрасную; а вблизи находилась деревня, где я мог просить для себя пищу. Тогда, бхикку, я подумал:

"Поистине, восхитительно это место, приятны эта лесная роща и эта река с чистой водой, легко доступные и прекрасные, и эта деревня не вдалеке, где я смогу просить пищу. Поистине, подходящее место для высокородного человека, упорствующего ради своего благополучия, подходящее место для его стараний"*.

Так, о бхикку, сел я там тогда, сказав самому себе: "Подходящее это место для старания".

И затем я, будучи по природе подвержен повторному рождению, постиг вред вещей этой природы... (как и выше)... и стремясь к непревзойденному состоянию невозмутимости, которое есть ниббана, свободному от нечистоты, я действительно достиг наивысшего, умиротворенности ниббаны, свободного от нечистоты, так что во мне возникло знание, возникло следующее прозрение: поистине, это мое освобождение, это мое последнее рождение; нет для меня более рождений!»

(«Маджджхима-никая», I, 166)

3. Трудно распознать истину

«Тогда, о бхикку, пришла мне в голову такая мысль:

* Старания — имеется в виду духовная практика для достижения ниббаны.

"Эта постигнутая мною дхамма* глубока; трудно ее увидеть, трудно ее понять; она превосходна, великолепна, превышает сферы мышления, тонка и доступна постижению только мудрых".

Но этот мир людей привязан к тому, за что он держится, получает наслаждение от того, за что держится, радуется тому, за что держится. И поскольку этот мир таким образом привязан (к вещам),.. трудной задачей будет для этих людей (постижение)... а именно: понимание, *паттича-самуппада*, возникновения вещей в зависимости от причин. Трудной задачей будет для них увидеть смысл того факта, что можно утвердиться в умиротворенности, освободиться от всей деятельности, что можно отбросить все основы существования, можно достичь разрушения вожеланий, достичь бесстрастия, прекращения, которое есть ниббана.

Поистине, если бы мне пришлось учить их этой истине, этой реальности, другие не поняли бы ее, и это было бы для меня напрасным трудом. Это было бы для меня горестью».

(Тогда появился Брахма Сахампати, великий дэва**, и упросил Будду проповедать истину ради немногих.)

4. Ради немногих, но к пользе многих

Тогда сказал Брахма Сахампати:

«Пусть же мой господин, Возвышенный, учит истине; пусть учит истине Счастливый! Ибо есть некоторые существа, чей взор лишь немного затемнен пы-

* Дхамма — закон, истина.

** Дэва — существо одного из надчеловеческих миров в соответствии с буддийской космологией.

лью. Они погибают, ибо не слышат истины. Они станут познавшими истину». Так говорил Брахма Сахампати; и, сделав это, он прибавил следующее:

*«Доселе в Магадхе существует дхамма,
Нечистая дхамма, придуманная нечистыми
умами.*

*Открой же дверь тому, что именуется
бессмертием;
Да услышат люди эту дхамму, открывшую
чистым!*

*Как стоящий на скалистой горной вершине
Может взглянуть вниз на людей,
Так и мудрец, взошедший по построенным
дхаммой ступеням,*

*Так и ты, взором, который видит все вокруг,
Взгляни вниз, на погруженных в печаль людей —
Ты, освобожденный от страдания,
О, взгляни вниз
На людей, подавленных рождением,
старостью, разрушением!*

*Встань же, храброе сердце, победитель
в битве,
Свободный от долга, предводитель воинов,
пройди по всему миру!*

*Да покажет нам Возвышенный дхамму —
Услышав ее, люди должны будут понять».*

(«Виная» I, 4; «Маджджхима» I, 168)

«Мудрец, прогнавший свою омраченность ленью с помощью заботливой внимательности, поднявшись на вершину мудрости, с состраданием смотрит вниз на несчастных существ, как с возвышенности на равнину».

(«Дхаммапада», 28)

5. Все виды, все состояния людей

«Так, о бхикку, я, видя желание Брахмы Сахампати, из сострадания ко всем существам, взглянул на мир оком Будды. И когда я взглянул на мир оком Будды, я увидел существа, чьи глаза лишь слегка затуманены пылью, а также существа, чьи глаза больше затуманены пылью; существа острого ума и существа тусклого ума, существа по природе добрые и существа по природе злые; существа по природе восприимчивые и существа по природе упрямые; и вот некоторые из них обладали пониманием опасности будущих жизней и боязнью дурных поступков.

И как в пруду растут лотосы голубые, красные и белые, и некоторые растения пускают ростки и растут, не выходя на поверхность, а расцветают и под нею; и некоторые пускают побеги и растут в воде и выходят на поверхность; а еще другие точно так же пробиваются вверх и не смачиваются водой, — точно так же и я, бхикку, глядя на мир оком Будды, узрел существа, чьи глаза лишь слегка затуманены пылью.

Тогда, о бхикку, я дал ответ Брахме Сахампати в следующих стихах:

*"Открыта для таких дверь к состоянию
бессмертия.
Ты, имеющий уши, откажись* от веры, которой
придерживаешься.
Сознавая глубину опасности, о Брахма,
Я не стану проповедовать людям дхамму
дхамм"***».*

* «Памунканту саттхам» — фраза, вызвавшая много споров и неправильно переведенная ранними исследователями пали как «уверуй», «прояви веру»; но она, несомненно, означает «отбрось».

** В других местах Будда указал, что если будда раскрывает запретельную истину неверующему сообществу, то каждого человека, отвер-

6. Первая проповедь

Так я слышал. Однажды Возвышенный пребывал около Варанаси, в Исипатане, в Оленьем парке.

Тогда Возвышенный так говорил собранию пяти бхикку:

«Вот каким двум крайностям, о бхикку, нельзя следовать тому, кто ушел из дома и сделался странником:

Мирской образ действий, с одной стороны, приверженность к чувственным наслаждениям — это низменное и дикарское поведение, недостойное, бесполезное, вредоносное; с другой стороны, приверженность к самоумерщвлению болезненна, недостойна, бесцельна.

Избегая этих двух крайностей, Он, достигший истины (Будда), обрел знание *Срединного Пути*, который способствует видению, который вызывает покой, прозрение, просветление, ниббану.

И что же такое, бхикку, этот *Срединный Путь*, который дает видение, который дает знание, который приносит покой, прозрение, просветление, ниббану?

Поистине, это благородный Восьмеричный Путь, а именно:

Правильное мировоззрение, правильная цель, правильная речь, правильное действие, правильный образ жизни, правильное усилие, правильная внимательность, правильная сосредоточенность.

гающего ее, постигает несчастье. Ср., например, «Самъютта-никая» II, 261: «И я, о бхикку, видел эти истины и раньше, однако не открыл их. Я мог бы открыть их, и другие не поверили бы им. И вот если бы они не поверили, это послужило бы к их ущербу и печали».

Таков, о бхикку, этот *Срединный Путь*, который дает видение, дает знание, приносит покой, прозрение, просветление и ниббану.

И вот, бхикку, благородная истина о *страдании*:

Рождение есть страдание; разрушение есть страдание; болезнь есть страдание; смерть есть страдание, — а также печаль, забота, горе, сожаление и отчаяние. Соединение с нелюбимым, разрушение любимого — это также страдание. Неполучение желаемого — тоже страдание. Одним словом, это тело, эта масса, состоящая из пяти частей, которая основана на *вождедении*, есть страдание.

А вот, бхикку, благородная истина о *происхождении страдания*:

Это *вождедение*, которое низводит к рождению, вместе с заблуждением и наслаждением, которые направляют желание то туда, то сюда, а именно: страстное желание, жажда ощущений, страстное желание повторного рождения, страстное желание покончить с рождением. Такова, бхикку, благородная истина о *возникновении страдания*.

И вот, бхикку, благородная истина о *прекращении страдания*:

Поистине, это полное бесстрашие и прекращение этого вождедения, отказ от него, отречение, освобождение от него, отсутствие стремления к этому вождедению.

И вот, о бхикку, благородная истина о пути, ведущем к *прекращению страдания*. Поистине, это Благородный Восьмеричный Путь, а именно:

Правильное мировоззрение, правильная цель, правильная речь, правильное действие, правильный образ жизни, правильное усилие, правильная внимательность, правильная сосредоточенность.

(1) При мысли об этой благородной истине о страдании, по отношению к тому, что раньше не было известно, о бхикку, у меня пробудилось Видение, Прозрение, Понимание; во мне пробудилась Мудрость, воссиял во мне Свет.

(2) При мысли, о бхикку: "Надо понять эту благородную истину о происхождении страдания" и по отношению к тому, что раньше не было известно, пробудилось во мне Видение, Прозрение, Понимание; пробудилась во мне Мудрость, воссиял во мне Свет.

(3) При мысли, о бхикку: "Эта благородная истина о страдании понята" по отношению к тому, что раньше не было известно, у меня пробудилось Видение, Прозрение, Понимание, пробудилась во мне Мудрость, воссиял во мне Свет.

(4) И снова, бхикку, при мысли об этой благородной истине о происхождении страданий по отношению к тому, что раньше не было известно, у меня пробудилось Видение, Прозрение, Понимание; пробудилась во мне Мудрость; воссиял во мне Свет.

(5) При мысли, о бхикку: "Необходимо устранить происхождение страдания" по отношению к тому, что раньше не было известно, у меня пробудилось Видение, Прозрение, Понимание; пробудилась во мне Мудрость; воссиял во мне Свет.

(6) Так же и при мысли: "Устранено происхождение страдания" по отношению к тому, что раньше не было известно, у меня пробудилось Видение, Прозрение, Понимание; пробудилась во мне Мудрость; воссиял во мне Свет.

(7) Опять же, о бхикку, при мысли об этой благородной истине о прекращении страдания, по отношению к тому, что раньше не было известно, у меня

пробудилось Видение, Прозрение, Понимание; пробудилась во мне Мудрость; воссиял во мне Свет.

(8) При мысли, о бхикку: "Должно быть осуществлено прекращение страдания" по отношению к тому, что раньше не было известно, у меня пробудилось Видение, Прозрение, Понимание; пробудилась во мне Мудрость; воссиял во мне Свет.

(9) При мысли, о бхикку: "Осуществлено прекращение страдания" по отношению к тому, что раньше не было известно, у меня пробудилось Видение, Прозрение, Понимание; пробудилась во мне Мудрость; воссиял во мне Свет.

(10) Наконец, бхикку, при мысли об этом благородном пути, ведущем к прекращению страдания, по отношению к тому, что раньше не было известно, у меня пробудилось Видение, Прозрение, Понимание; пробудилась во мне Мудрость; воссиял во мне Свет.

(11) При мысли, о бхикку: "Нужно осуществить Путь, ведущий к прекращению страдания" по отношению к тому, что раньше не было известно, у меня пробудилось Видение, Прозрение, Понимание; пробудилась во мне Мудрость; воссиял во мне Свет.

(12) При мысли, о бхикку: "Осуществлен Путь, ведущий к прекращению страдания" по отношению к тому, что раньше не было известно, у меня пробудилось Видение, Прозрение, Понимание; пробудилась во мне Мудрость; воссиял во мне Свет.

И вот, бхикку, пока мое знание и мое прозрение в эти трижды исследованные двенадцатеричные благородные истины, в природу их сущности, не было вполне очищенным, — до тех пор, о бхикку, я не был уверен в том, что в этом мире вместе с дэвами, марами и брахмами, среди сонмов отшельников и брахма-

нов, среди дэвов и людей — был хоть один просветленный, достигший высочайшего просветления.

Но когда, о бхикку, мое знание и мое прозрение в эти трижды исследованные двенадцатеричные благородные истины, в природу их сущности, стали вполне очищенными, — тогда, о бхикку, убедился я в том, что значит быть просветленным, достигшим высочайшего просветления по отношению к миру и его дэвам, марам и брахмам, по отношению к его сонмам отшельников и брахманов, дэвам и людям.

Но теперь пробудились во мне знание и прозрение, так что знаю я: "Несомненно освобождение моего сердца; это мое последнее рождение; нет более для меня становления"».

(«Самъютта-никая» V, 421–423)

7. Анализ Восьмеричного Пути

И сказал Возвышенный:

(1) «И вот, о бхикку, что такое *правильное мировоззрение*?

Знание о страдании, о возникновении страдания, о прекращении страдания, о пути, ведущем к прекращению страдания, — это, о бхикку, называется *правильным мировоззрением*.

(2) А что же такое, о бхикку, *правильная цель*?

Утверждение в отречении, в незлобивости, в непричинении зла, — это, о бхикку, называется *правильной целью*.

(3) И что же такое, о бхикку, *правильная речь*?

Воздержание от лживых слов, от злословия, от оскорбительных речей и от праздной болтовни, — это, о бхикку, называется *правильной речью*.

(4) И что же такое, о бхикку, *правильное действие*?

Воздержание от отнятия жизни, от присвоения чужого, от неправильных поступков при половой страсти — это, о бхикку, называется *правильным действием*.

(5) И что такое, о бхикку, *правильный образ жизни*?

При нем, о бхикку, благородный ученик отказывается от неправильного образа жизни и поддерживает свое существование правильными способами — это, о бхикку, называется *правильным образом жизни*.

(6) Что же такое, о бхикку, *правильное усилие*?

При нем, о бхикку, бхикку порождает волю, препятствующую возникновению дурных, нечестных условий, которые еще не возникли; он совершает усилие, он проявляет энергию, он пользуется рассудком и борется. Точно так же (поступает он), чтобы отвергнуть дурные, нечестивые условия, которые уже возникли. Точно так же (поступает он), чтобы создать благоприятные условия, которые еще не возникли. Точно так же (поступает он), чтобы установить, предотвратить разрушение, вызвать рост, практиковать, осуществлять благородные условия, которые уже возникли. Это, бхикку, называется *правильным усилием*.

(7) Что же такое, о бхикку, *правильная внимательность*?

При ней, о бхикку, бхикку пребывает в созерцании тела как составного (сложенного из частей) образования; он пребывает в созерцании, старательный, владеющий собой, бдительный, подчиняющий себе алчность и скорбь, присущие миру. То же самое по отношению к чувствам, по отношению к восприятию, по отношению к действиям... по отношению к мысли. Это, о бхикку, называется *правильной внимательностью*.

(8) И что же такое, о бхикку, *правильная сосредоточенность*?

Здесь, о бхикку, бхикку, удалившийся от чувственных влечений, от дурных условий, вступает в первую джхану и пребывает в ней, сопровождая ее направленным размышлением, удерживая мысль (на предмете). Эта джхана, порожденная уединением, полна восторга и счастья.

Затем, погрузив в глубину направленную и удерживаемую мысль, он вступает во вторую джхану и пребывает в ней; эта джхана есть внутреннее спокойствие, пробуждение воли. В ней нет направленной мысли, нет удерживания мысли. Она рождена из сосредоточенности и полна восторга и счастья.

Затем снова, о бхикку, после угасания восторга бхикку становится уравновешенным (невозмутимым), оставаясь бдительным, полным самообладания; все еще пребывая в теле, он переживает то счастье, о котором благородные мужи провозглашают: "Уравновешенный, вдумчивый человек живет счастливо". Так он вступает в третью джхану и пребывает в ней.

Затем снова, о бхикку, отбросив удовольствие и страдание, придя к концу радости и печали, которые он испытывал раньше, он вступает в четвертую джхану и пребывает в ней, свободный от страдания, свободный от удовольствия, но в состоянии совершенной чистоты, уравновешенности и спокойствия ума. Это называется *правильной сосредоточенностью**.

* После достижения четвертой джханы вступившего на путь называют «челой», или «учеником», а после достижения пятой — «бхикку», *букв.* «нищенствующим», т. е. отрекшимся от мира.

Когда срублен корень страдания, нет более становления».

(«Дигха-никая» II, 90)

9. Ранняя борьба за просветление

(Прежде чем достичь срединного пути, Готама следовал всем известным способам аскетической практики. В старости он так описал этот свой опыт Сарипутте:)

«О Сарипутта, я могу вспомнить, как я был занят всеобъемлющей практикой святой жизни. Так, я, совершая покаяния, превзошел в покаяниях других; я вел суровую жизнь, превосходя других в суровости; я был осмотрительным, строго придерживаясь правил и превосходя других в осмотрительности; я вел уединенную жизнь, превосходя других в уединенности.

Вот как далеко, о Сарипутта, доходил я в своем покаянии.

Я ходил без одежды; я слизывал пищу с рук языком; я не принимал приглашений: "Войдите, досточтимый! Отдохните, досточтимый!" Я не принимал пищи, специально принесенной или предназначенной для меня. Я не принимал приглашений к еде. Я не принимал милостыню с блюда или из горшка. Я не принимал пищи, поданной через порог или в окно; я не принимал пищи, поданной на деревенской площади; не принимал пищи, поданной двумя людьми, которые ели вместе; не принимал ее от беременной женщины; от женщины, кормящей ребенка; от живущих половой жизнью; не принимал пищи, собранной здесь и там; не принимал пищи, поданной там, где рядом находилась собака; из тех мест, где рои-

лись мухи; я не ел ни рыбы, ни мяса, не пил перебродивших жидкостей, не пил прокипяченных жидкостей, не пил также кислого молока.

Я ел пищу только из одного дома — и только один кусок оттуда. Или я ел пищу только из двух домов — и только два куска из них; или же я ел из семи домов, и из каждого дома только по одному куску. Я питался из одной лишь чашки, или только из двух чашек, или только из семи чашек одновременно. Я принимал пищу только раз в день, или раз в два дня, или раз в семь дней. Так жил я, предавшись практике упорядоченного питания с установленными перерывами — даже до полумесяца.

Я питался только овощами, только просом, диким рисом, *даддулой*, водяным крессом, шелухой риса, рисовой накипью, корнями кунжута, травой, коровьим навозом. Я питался лесными корнями и плодами; я поддерживал свое существование падающими плодами.

Я носил грубую одежду; я носил одежду из конопли с другими вещами; я одевался в саван; я одевался в тряпье; я носил одежду из коры; я одевался в шкуры антилопы, в одежду, сшитую из обрывков шкуры антилопы; я носил одежду из волокон травы куша, из луба, из остриженных волос, власяницу из человеческих волос, власяницу из конского волоса или из перьев филина.

Я выдергивал волосы на голове и на лице и продолжал практику. Я все время стоял, отказываясь садиться. Я оставался в положении на корточках и так продолжал борьбу. Я лежал на ложе из колючек; я жил, следуя привычке омываться три раза в день, входя в воду.

Вот так я жил, предаваясь разнообразным способам вновь и вновь терзать свое тело. До такой степени, о Сарипутта, был я предан покаянию.

И вот до чего доходил я в строгости своей жизни, о Сарипутта. Грязь многих времен года собиралась на моем теле, совершенно так же, как наружный слой коры на дереве. Я был похож на пень дерева *тиндука*, о Сарипутта, покрытый наружными слоями коры в течение бесчисленных периодов времени. Но ни разу не подумал я в глубине души: "О, хоть бы стереть эту пыль и грязь своими руками!" или: "О, хоть бы кто-то сделал это для меня!" Я никогда не думал о таких вещах. Вот до чего доходил я, о Сарипутта, в суровости своей жизни.

И вот как далеко заходил я, о Сарипутта, в своей осмотрительности. Я был внимателен, когда уходил и приходил. Я проявлял милосердие даже к капелькам воды, думая так: "Да не буду я виновен в насилии, в причинении вреда крошечным живым существам, которые обитают (в этой капле)". Вот до чего доходил я, о Сарипутта, в своей осмотрительности.

И вот до чего доходил я в соблюдении уединенности. Я удалялся в лесную чащу, я скрывался в ней и жил там. Когда я видел пастуха, или стадо, или людей, косивших траву, или того, кто собирает хворост, или обитателя леса, тогда я бежал от них, переходил из леса в лес, из джунглей в джунгли, из болота в болото, с холма на холм. И почему это? Чтобы они, Сарипутта, не увидели меня или я не увидел их. Как дикий лесной зверь, о Сарипутта, увидев человека, бежит прочь из леса, скрывается из леса в лес, из джунглей в джунгли, из болота в болото, с холма на холм, — точно так же убегал и убегал я прочь, чтобы

они не увидели меня, чтобы я не увидел их. Вот до чего доходил я в практике уединенности.

Далее, о Сарипутта, там, где оказывались коровники, в которых находились коровы, когда пастухи уходили, я подбирался туда со своим горшком для воды и подбирал испражнения телят — молодых и сосунков. Пока у меня продолжали появляться испражнения, я питался даже собственными испражнениями, о Сарипутта. До таких крайностей доходил я, о Сарипутта, что питался нечистотами.

Затем, о Сарипутта, я скрылся в ужасной лесной чаще и жил в этой чаще. Настолько были велики ужас и отвращение перед этим проклятым лесом у людей, что каждый человек, страсти которого не были успокоены, входя в него, испытывал такую боязнь, что даже волосы на его теле поднимались дыбом.

Затем во время холодных, морозных ночей между восьмыми числами (лунного месяца), ночей, когда падал снег, — во время этих ночей я оставался на открытом воздухе, а дни проводил в лесном укрытии. И в последний месяц жары я оставался днем на открытом воздухе, а ночью в лесном укрытии. И вот, о Сарипутта, мне пришли в голову эти странные стихи, которых я никогда не слышал:

*Опаленный, закоченевший и одинокий,
Обитающий в наводящем страх лесу,
Обнаженный, не имеющий огня, чтобы
согреться,*

Мудрец предан своим исканиям.

И затем снова, о Сарипутта, на поле, куда бросают мертвые тела, я ложился для отдыха на костях трупов. Пастухи подходили ко мне, даже плевали на меня, даже мочились, забрасывали меня грязью и даже

совали мне в уши соломинки. Все же, о Сарипутта, я не могу припомнить, чтобы у меня появилась против них хоть одна злая мысль. Вот как далеко доходил я, о Сарипутта, в своем прощении».

(«Маджджхима-никая» I, 77–79)

10. Неудержимый страх и ужас

(Учитель описывает брахману свои первые переживания в упомянутой выше борьбе:)

«Тогда, о брахман, подумал я: "Предположим теперь, что в эти ночи, достойные внимания и заметные, в пятнадцатый и восьмой дни (лунного месяца), — предположим, я проведу их в лесном святилище, в святилище парка или рощи, в ужасных местах, где волосы встают дыбом, и сделаю эти святилища своим ночным приютом, чтобы мне можно было пережить самому весь этот неудержимый страх и ужас".

И вот, о брахман, на следующий раз, когда подошло время, я так и поступил и сделал эти святилища своим ночным приютом. Когда я находился там, случилось так, что ко мне подходил олень, или павлин бросал вниз ветку, или ветерок шевелил кучу опавших листьев. Тогда я думал: "А вот оно! Вот наступит этот неудержимый страх и ужас!" И тогда, о брахман, пришла мне на ум мысль: почему же я пребываю таким образом в постоянном страхе и опасении? Попробую я подчинить своей воле этот неудержимый страх и ужас, когда он приходил ко мне. Так я ходил взад и вперед, чтобы этот неудержимый страх и ужас пришел ко мне. И вот, не останавливаясь, не ложась, а просто шагая взад и вперед, я подчинил своей воле этот неудержимый страх и ужас.

И снова, когда я стоял спокойно, он пришел ко мне. Но я не шагнул назад и вперед, не сел и не ложился, но просто стоял; так я подчинил его своей воле. И снова, когда я сидел, он пришел ко мне. Но я не встал, не стал ходить, не ложился, а так же сидел — и подчинил его своей воле. Потом он пришел ко мне, когда я лежал. Но я не сел, не встал, не ходил назад и вперед, а продолжал лежать; и лежа я подчинил этот неудержимый страх и ужас своей воле».

(«Маджджхима-никая» I, 20, I)

11. Еще более ужасная борьба

(Здесь он описывает свою дальнейшую борьбу за просветление джайну Саггаку, которого он называет его титулом.)

(а) Прекращение дыхания: «Тогда я сказал себе: "А что, если теперь, стиснув зубы и прижав язык к небу, я удержу и подчиню своей воле ум и таким образом разрушу его?"

И вот, Аггивессана, стиснув зубы и прижав язык к небу, я усилием воли старался удержать и подчинить ум, чтобы разрушить его. И когда я так боролся, о Аггивессана, от усилий пот полился у меня под мышками.

Подобно тому как если бы сильный человек схватил слабого за голову и плечи старался согнуть его, сдавить и сломать, — так точно боролся и я.

Таким образом, Аггивессана, моя энергия стала упорной и непрестанной. Так было установлено подлинно невозмутимое внимание; но тело мое содрогалось, оно не успокоилось при помощи этого средства,

ибо я был подавлен напряжением своей болезненной борьбы. Но даже такие болезненные ощущения, как те, которые появились, не могли овладеть моим умом и подчинить его.

Тогда, о Аггивессана, я сказал себе: "А что, если теперь я буду практиковать сосредоточенность на подавлении дыхания?"

Соответственно я прекратил вдохи и выдохи через рот и ноздри. Затем, со сжатым ртом и закрытыми ноздрями, я услышал раскатистый шум в ушах — это уходили жизненные ветры. Подобным звуку мехов кузнеца, раздувавшего горн, — таким был раскатистый шум в ушах, вызванный жизненными токами, которые боролись за выдох, когда я закрыл рот и ноздри.

Тогда, о Аггивессана, моя энергия стала напряженной и неуклонной. Установилось подлинно невозмутимое внимание, однако мое тело все еще содрогалось; оно не было успокоено таким способом, потому что я был подавлен напряжением своей болезненной борьбы. Но даже и такие болезненные ощущения не могли овладеть моим умом и подчинить его.

Тогда, о Аггивессана, я сказал себе: "А что, если я буду и далее практиковать сосредоточенность на подавлении дыхания?" Соответственно я прекратил вдохи и выдохи через рот и ноздри и зажал уши.

Тогда подобно тому, как если бы сильный человек с остроконечным мечом рассек мозг противника, так и поток воздуха, которому были закрыты все выходы, со свистом прорвался в мой мозг. Тогда моя энергия стала напряженной... (как раньше)... Однако и такие возникшие болезненные ощущения не смогли овладеть моим умом и подчинить его.

Затем подумал я: "А что, если я буду еще дальше практиковать сосредоточенность на подавлении ды-

хания?" Так я закрыл все выходы для дыхания... Тогда у меня стала ужасно болеть голова. Подобно тому как если бы сильный человек стягивал мне голову крепким ремнем, точно так же свирепые боли пронизывали мою голову... Но даже и тогда, о Аггивессана, такие возникшие болезненные ощущения не смогли овладеть моим умом и подчинить его.

Тогда я подумал: "А что, если я буду и далее продолжать практику сосредоточения на подавлении дыхания?" И вот я закрыл все выходы для дыхания... Тогда подобно тому, как искусный мясник или его подмастерье острым ножом вспарывает брюхо быку, так и жестокие боли пронизывали мой живот... Но даже и тогда... они не смогли... подчинить мой ум.

Тогда я подумал: "А что, если я буду продолжать практику еще дальше?" И вот я закрыл все выходы... (как выше)... Тогда подобно тому, как два сильных человека схватили какого-то слабого человека, и каждый тянет его за руку и сует в яму с тлеющими углями, опалая жаром, точно так же во мне вследствие закрытия всех выходов жжение проникло во все мое тело. Тогда, Аггивессана, моя энергия стала твердой и неуклонной, установилось невозмутимое внимание. Однако тело мое содрогалось; оно не было успокоено таким способом, потому что я был подавлен напряжением своей болезненной борьбы. Но даже и такие возникшие болезненные ощущения не смогли захватить ум и подчинить его.

В это мгновение некоторые дэвы, взиравшие на меня, воскликнули: "Отшельник Готама мертв!" Но другие дэвы сказали: "Отшельник Готама не мертв, но близок к концу!" А еще другие дэвы сказали: "Отшельник Готама не мертв, не приближается к концу.

Отшельник Готама — арахант. Таков образ жизни араханта!" »

(б) Прекращение приема пищи: «После этого, Аггивессана, я подумал про себя: "А что, если я буду практиковать строгое воздержание от пищи?"

Тогда некоторые дэвы приблизились ко мне и сказали: "Не практикуй строгого воздержания от пищи, о благородный человек! Если ты все же будешь практиковать его, мы прольем на тебя сквозь поры тела небесную амриту, чтобы она поддержала тебя!"

Тогда подумал я: "Если я буду продолжать строгое воздержание от пищи и эти дэвы прольют на меня через поры тела небесную амриту, и я буду напитан этим, во мне будет обман". Поэтому я отверг предложение дэвов, сказав: "Да будет!"

Тогда, о Аггивессана, подумал я: "Что, если я буду питаться лишь малым количеством пищи, изредка какой-нибудь горстью ее, скажем, соком (разжеванных) бобов, или чечевицы, или вики, или гороха?"

Так я и сделал. Мое тело дошло до состояния крайнего истощения. Каждый сустав его вследствие истощения стал подобен спорышу или камышу. По той же причине ягодицы стали похожи на копыта буйвола; позвоночник вырисовывался подобно ряду узлов на камыше. Подобно тому как на разрушающемся доме то здесь, то там выступали балки, так вследствие истощения то здесь, то там выступали у меня ребра. Подобно тому как в очень глубоком колодце можно внизу, на большой глубине, увидеть мерцание воды, так и блеск моих глаз в глубине орбит казался потухшим из-за того же истощения. Подобно тому как горькая тыква, срезанная до созревания со стебля, сморщивается и высыхает от ветра и солнца, точ-

но так же сама кожа у меня на голове сморщилась и сохла из-за недостатка пищи.

Тогда я сам говорил себе, о Аггивессана, следующие слова: "Коснусь кожи на животе", — а вместо того брался за позвоночник; говорил: "Коснусь позвоночника", — а вместо того касался кожи на животе; ибо так получилось, о Аггивессана, что они как бы прилипли друг к другу из-за того же истощения.

Тогда я сам, о Аггивессана, говоря себе: "Пойду отдохнуть", — спотыкался на ровном месте и падал из-за того же недостатка пищи. И когда я же говорил себе: "Успокою тело руками", — ударял руками свои члены, высохшие до самых корней волосы на теле сыпались с него вследствие истощения.

И видевшие меня говорили: "Отшельник Готама — чернокожий"; а некоторые говорили: "Нет, его кожа смугла"; а еще другие утверждали: "Нет, нет, не так: отшельник Готама не черен и не смугл; кожа отшельника Готамы желтоватого цвета". Так чрезвычайная чистота и ясность моего телосложения были разрушены тем же самым недостатком питания.

Тогда подумал я: "Поистине, все чувства, острые, болезненные, печальные и горькие, которые испытывали отшельники и брахманы, жившие в прошлые времена, — поистине, эти мои страдания далеко превосходят их все. И страдания, порожденные таким же образом в будущем, — поистине, эти мои страдания далеко превосходят их все. Те страдания, которые таким образом порождены ныне, — поистине, мои страдания превосходят их все. И все же на этом горестном и печальном пути я не достиг подлинного благородного превосходного знания и прозрения, которые превысили бы смертные возможности. Может быть, существует какой-то другой путь к мудрости?" »

(в) Более разумный путь: «Тогда, о Аггивессана, подумал я: "Вспоминаю, как мой отец Шакья пахал землю, а я сидел в прохладной тени дерева *сизигиума* далекий от чувственных желаний и дурных условий; и я вступил в состояние первой джханы и пребывал в ней, — эта джхана сопровождается направленной и устойчивой мыслью, порожденной уединением; она полна легкости и восторга". И сказал я тогда себе: "Хотелось бы знать, не это ли путь к мудрости?" И в тот раз пришло ко мне осознание вслед за успокоившейся мыслью: "Да, это путь к мудрости".

Затем, о Аггивессана, подумал я: "Почему же боюсь я этого состояния легкости? Той легкости, которая не связана с чувственными желаниями и вредными условиями?"

Тогда подумал я: "Нет, не боюсь я этого состоянию легкости"... Затем сказал я: "Но нелегко человеку достичь этого состояния легкости с крайне истощенным телом! А что, если я приму какую-нибудь питательную пищу, немного рисовой каши?" Так я и сделал.

И вот тогда были около меня пятеро нищенствующих, сопровождавших меня, которые подумали: "К какой бы истине ни пришел отшельник Готама, он передаст ее нам". Но как только я стал принимать питательную пищу, эти пятеро нищенствующих почувствовали отвращение ко мне и ушли, говоря: "Обратился к роскоши отшельник Готама! Он отклоняется от цели, он возвращается к роскошной жизни!"

Тогда я, о Аггивессана, приняв питательную пищу, восстановил свою силу; и вот, далекий от чувственных желаний, далекий от вредных условий, я вступил в первую джхану и пребывал в ней... во вторую джхану... в третью джхану... в четвертую джха-

ну... (так описано выше в разделе о четырех джахнах); но в каждом случае возникавшие ощущения блаженства не могли овладеть моим умом и подчинить его.

Тогда с укрепленной мыслью, полностью очищенной, ставшей полностью просветленной, свободной от скверны, очищенной от какой-либо окраски, ставшей гибкой и подвижной, готовой к действию, установившейся и неподвижной, я принудил свой ум вспомнить мои прошлые существования. Я вспомнил различные рождения... эволюцию и инволюцию *кальп**... условия рождения... опыт таких рождений... возникновение и гибель существ и их особенности в разных мирах — это увидел я божественным взором.

Затем постиг я четыре благородные истины... разрушение *асав*... и познал я: разрушены для меня повторные рождения; прожита святая жизнь; выполнена задача; нет причин для следующих жизней в этих условиях.

Так, этой ночью, в последнюю ее стражу, было достигнуто мною тройное знание: возникло познание, побеждена тьма, воссиял свет, — как он сияет для того, кто пребывает серьезным, усердным, с поставленной целью. Однако и возникшее при этом чувство блаженства не овладело моим умом и не подчинило его».

(«Маджджхима-никая» I, 247–248)

* Возникновение, разрушение, новое возникновение Вселенной: безначальные и бесконечные циклы.

12. «Все это бесполезно...»

«Ни нагота, ни спутанные волосы, ни грязь, ни голодание, ни лежание на сырой земле, ни пыль и слякоть, ни сидение на коленях не очистят смертного, который не избавится от сомнений.

Пусть он даже укрощен, но если он живет в мире, спокойный, смиренный, воздержанный, ведущий праведную жизнь, отвергающий применение наказания ко всем существам, — он брахман, он отшельник, он нищенствующий».

(«Дхаммапада» 141–142)

Но тот, кто живет спокойной и умиротворенной жизнью, и в то же время радостью украшен, — если он спокоен, смиренный и воздержанный, идущий путем святости, праведный, отвергающий причинение вреда всем живым существам — то он подлинный брахман, аскет, нищенствующий.

(«Дхаммапада», 141–142)

Глава 2

РАННЯЯ САНГХА

1. Первые ученики

И вот, досточтимый Анната Конданна, узрев дхамму, осуществил дхамму (пришел к дхамме), понял дхамму, погрузился в дхамму, пересек поток сомнений, перестал расспрашивать о том и этом; тогда, достигнув уверенности, не полагаясь ни на кого другого в своем знании провозвестия учителя, — так обратился к Возвышенному: «Господин, могу ли я получить посвящение и наставления от Возвышенного?»

«Подойди, брат, — сказал Возвышенный. — Хорошо передана дхамма. Живи святой жизнью ради полного разрушения страдания!»

Таков был порядок посвящения этого бхикку*.

Затем Возвышенный обратился с увещанием к оставшимся (четырем) нищенствующим и поучал их в благочестивой беседе**.

И Возвышенный, питаясь пищей, приносимой ему этими бхикку, увещевал и поучал остальных бхикку. Так, сангха из шести человек жила, питаясь пищей, собираемой и приносимой им тремя бхикку.

* Имя «Анната Конданна» было дано ему потому, что он был первым, кто понял учение первой проповеди.

** Они также достигли прозрения в дхамму и получили полное посвящение в члены сангхи, как и Анната Конданна.

2. Первые поучения

Тогда Возвышенный так говорил сангхе пяти бхикку:

«Тело, о бхикку, лишено "я". Если бы, о бхикку, это тело было бы "я", оно не было бы подвержено болезни, и мы могли бы говорить о нем: да будет мое тело таким, да не будет оно таким.

Но поскольку это тело, о бхикку, не есть "я", поэтому оно подвержено болезням; и вот потому нельзя сказать о теле: да будет мое тело таким, да не будет оно таким.

То же самое справедливо и по отношению к чувствам, восприятию, действиям и сознанию — они не суть "я"*.

Ибо если бы сознание, о бхикку, было бы "я", тогда оно не было бы подвержено болезням; и можно было бы говорить о сознании: "Да будет оно таким, да не будет оно таким". Но, поскольку сознание не есть "я", поэтому оно подвержено болезням. Вот почему нельзя сказать об этом сознании: "Да будет оно таким, да не будет оно таким".

— Что же думаете вы, бхикку, постоянно тело или непостоянно?

— Непостоянно, господин.

— А непостоянное — радостно или горестно?

— Горестно, господин.

— Тогда можно ли считать то, что непостоянно, горестно, неустойчиво по природе, — можно ли считать его таким: это мое, я есмь это, это мое "я"?

— Конечно нет, господин.

* Здесь имеется в виду «пять совокупностей», *панча-кхандха-аттабхаво*, личность.

— Точно так же обстоит дело с чувствами, восприятиями, действиями и сознанием. Поэтому, о бхикку, каждое тело, будь оно в прошлом, будущем или настоящем, будь оно внутренним или внешним, грубым или тонким, высоким или низким, далеким или близким, — каждое тело следует считать таким, каково оно есть в действительности, каким оно видится правильному прозрению: это не мое, это не "я", это не мое "я".

Видя это, о бхикку, хорошо обученный благородный ученик чувствует отвращение к телу, отвращение к чувствам, отвращение к восприятиям, отвращение к действиям, отвращение к сознанию*. Испытывая отвращение к сознанию и прочим скандхам, он не привязан; не будучи привязан, он освобожден; возникает знание о том, что "в освобожденном существе освобожденная вещь"; так что знает он: разрушено повторное рождение, прожита праведная жизнь, выполнена моя задача — ибо для жизни такого качества не существует будущего».

Так говорил Возвышенный; и община из пяти бхикку радовалась этому и приветствовала сказанное Возвышенным. Более того, благодаря этому произнесенному учению сердца этих пяти бхикку, пяти нищенствующих, освободились от *асав*, вожделений**.

(«Виная-питака» I, 6; повторение
в «Самгютта-никае» III, 66 и след.)

* Имеется в виду, что тело, чувства, восприятия, действия и сознание не влекут его, не отвлекают.

** «*Асава*» — трудное для перевода слово; буквально оно означает «течение; текучесть; опьянение». Асав четыре, а именно: *кама*, чувственность; *бхава*, жажда жизни; *диттхи*, мнение, или рассудок; *авиджда*, или неведение. Освобождение от этих четырех делает человека *арахантом*, т. е. святым, «победителем омрачений».

3. Первые проповедники

И вот в то время в мире насчитывался шестьдесят один арахант.

Тогда Возвышенный сказал своим бхикку:

«О бхикку, я освобожден от всех оков — от божественных и от человеческих. Идите же, бхикку, идите своим путем для блага многих, для блаженства многих, из сострадания к миру, для благоденствия, для пользы, для блаженства дэвов и людей!

Не ходите вдвоем. Провозглашайте дхамму, о бхикку, благодатную в ее начале; провозглашайте дхамму благодатную в ее середине и благодатную в ее конце. Как в духе, так и в букве объявляйте всесовершенную, наичистейшую, праведную жизнь. Есть существа, глаза которых лишь немного покрыты пылью страсти. Они погибают, ибо не слышат дхаммы. Будут и такие, которые поймут. Я сам, о бхикку, пойду в Урувелу, в пригород верховного вождя, чтобы провозгласить дхамму».

Тогда Мара, злодей*, подступил к Возвышенному и, подойдя, обратился к нему в стихах:

Мара сказал: *«Связан ты всеми оковами, человеческими и божественными, окован могучими оковами. Ты не уйдешь от меня».*

Возвышенный сказал: *«Свободен от всех оков я, божественных и человеческих. Свободен я от оков! Ты побежден, всеобщая погибель!»*

Мара сказал: *«В самом воздухе скрыты оковы, там, где ум бежит туда и сюда.»*

* «Злодей» Мара — олицетворение смерти и принципа разрушения; искуситель страстей.

Этим свяжу тебя, отшельник! Ты не уйдешь от меня!»

Возвышенный сказал: *«Формы и звуки, запахи и вкусы, все приятные касания чувств, Желания и воля ушли от меня. Ты побежден, всеобщая погибель!»*

Тогда Мара, злодей, говоря: «Возвышенный знает меня! Благодетель знает меня!» — ушел, опечаленный и унылый, — и исчез в отдалении*.

(«Виная» I, 21; «Самгютта» I, III)

4. Свет мира

(Возвышенный сказал:) «До той поры, о бхикку, пока Луна и Солнце не взошли над Землей, до той поры не видно сияния великого света, не видно сияния великого блеска. Все окутывает плотная тьма, тьма заблуждения. Не различить ни дня, ни ночи, ни месяца, ни двух недель, ни времен года.

Но, бхикку, когда взошли над Землей Луна и Солнце, тогда сверкает великий свет, великое сияние, и нет больше плотной тьмы, тьмы неведения. Тогда можно различить день и ночь, тогда различимы месяцы, двухнедельные промежутки и времена года.

Точно так же, бхикку, пока не появляется в мире татхагата, арахант, высочайший будда, нет в мире сверкающего великого света, нет великого сияния, а есть плотная тьма, тьма заблуждения, которая окутывает мир; нет призыва, нет учения, нет указания,

* «Антака», «создатель конца», имя Мары, олицетворения всех вещей, доступных гибели; его также называют Искусителем страстей, Смертью и Принципом разрушения.

нет устойчивости, нет открытия, нет анализа, нет разъяснения четырех благородных истин.

Но, бхикку, как только появляется татхагата, происходят все эти явления; раздается призыв, появляется учение, указание, устойчивость, анализ, разъяснение четырех благородных истин.

Каковы же эти четыре? Это благородная истина о страдании, благородная истина о возникновении страдания, благородная истина о прекращении страдания и благородная истина о пути, ведущем к прекращению страдания.

И потому, о бхикку, старайтесь постичь: это страдание, это возникновение страдания, это прекращение страдания, этот путь, ведущий к прекращению страдания».

(«Самъютта-никая» V, 442)

5. Город и старинная дорога

...Вблизи Саваттхи...

(Возвышенный сказал): «Ранее, о бхикку, до своего просветления, когда я еще не был просветленным, а был бодхисаттвой, пришла ко мне мысль: мир, по истине, попал в беду! Существуют рождение, смерть, переход из одного состояния в другое, повторное рождение. И все-таки непонятно, как спастись от этого страдания, даже от разрушения и смерти. О когда же будет известно спасение от этого страдания, даже от разрушения и смерти?!

Тогда, о бхикку, пришла ко мне мысль: что существует сейчас, не разрушение ли и смерть? Чем же обусловлены разрушение и смерть?

И тогда, о бхикку, после разумного размышления и прозрения пришло ко мне понимание: где рожде-

ние, там также разрушение и смерть; разрушение и смерть обусловлены рождением.

Тогда, о бхикку, пришла ко мне такая мысль: разве не существует рождение, становление, желание, вожделение, ощущение, соприкосновение, шестеричная сфера ощущения ума и тела? Чем же обусловлены ум и тело?

Тогда, о бхикку, после разумного размышления и прозрения пришло ко мне понимание: где сознание, там также ум и тело; ум и тело обусловлены сознанием.

Тогда, о бхикку, пришла ко мне еще такая мысль: то, что сейчас существует, разве это не сознание? Чем же обусловлено сознание?

Тогда ... пришло ко мне понимание: где ум и тело, там есть сознание; ум и тело обусловлены сознанием. И тогда, о бхикку, пришла ко мне еще такая мысль: это сознание отвращается от ума и тела; оно не идет дальше. В этих границах может человек рождаться, гибнуть или умирать, переходить из одного состояния в другое или возникать снова. Иными словами, сознание обусловлено телом и умом, а тело и ум обусловлены сознанием; обусловлена умом и телом вся шестеричная сфера ощущения; шестеричной сферой ощущения обусловлено соприкосновение и т. д.

Таково, о бхикку, возникновение всей этой массы страдания.

Возникновение, возникновение! При этой мысли, о бхикку, возникло у меня видение вещей, ранее не приходивших на ум, возникло познание, возникло прозрение, возникла мудрость, воссиял свет.

Затем, бхикку, пришла ко мне мысль: чего сейчас нет, не разрушения ли и смерти? Что, исчезая, вызывает исчезновение разрушения и смерти? Тогда, о

бхикку, после разумного размышления и прозрения возникло у меня понимание: где нет повторного рождения, нет также разрушения и смерти. От прекращения перерождений проистекает прекращение разрушения и смерти.

Затем пришла ко мне, о бхикку, мысль: чего сейчас нет — не рождения ли, не становления, не желания ли, не страсти ли, не ощущения ли, не соприкосновения, не шестеричной ли сферы ощущений, ума и тела? Что, прекратившись, вызвало прекращение ума и тела?

Тогда, бхикку, благодаря разумному размышлению и прозрению возникло во мне понимание: нет сознания — нет ума и тела: благодаря прекращению сознания прекратились ум и тело.

Затем, о бхикку, возникла у меня мысль: без чего же нет сознания? Благодаря прекращению чего прекращается сознание?

Тогда, о бхикку, после здравого размышления и прозрения пришло ко мне понимание: благодаря прекращению ума и тела происходит прекращение сознания.

И вот, бхикку, пришла ко мне мысль: я пришел к пути просветления, к пониманию того, что прекращение ума и тела есть прекращение сознания. Благодаря прекращению сознания (наступает) прекращение ума и тела; благодаря прекращению ума и тела (наступает) прекращение шестеричной сферы ощущений; благодаря прекращению шестеричной сферы ощущений (наступает) прекращение соприкосновения и т. д. Таково прекращение всей этой массы страдания.

"Прекращение существования, прекращение существования". При этой мысли, о бхикку, у меня возникло видение вещей, ранее не приходивших на

ум, возникло знание, возникло прозрение, возникла мудрость, воссиял свет.

Точно так же, бхикку, как если бы человек, пробираясь по горным высотам через лес, случайно наткнулся на старинную дорогу, проложенную людьми прошлых дней, и пошел по ней; и когда шел, неожиданно увидел древний город, царский город давних лет, населенный людьми прошедших времен, с парками, рощами и водоемами, окруженный высокими стенами, — прекрасное место!

Предположим тогда, о бхикку, что этот человек расскажет о своей находке царю или царскому министру следующим образом: "Простите, государь, но мне хотелось бы, чтобы вы знали, что, пробиваясь по горным вершинам, через лес, я случайно наткнулся на старинную дорогу... (как выше)... прекрасное место. Государь, восстановите этот город".

Затем, предположим, о бхикку, что царь или царский министр восстановил бы этот город, так что впоследствии он стал бы процветающим, счастливым, многолюдным, с толпами обитателей, возрос бы и увеличился.

Точно так же, о бхикку, увидел я древний путь, древнюю тропу, проложенную полностью просветленными прошлых времен. И что же это за путь? Это — *Благородный Восьмеричный Путь**.

(«Самгютта-никая» II, 103, 104)

* Заслуживает внимания то обстоятельство, что в этой сутте не упомянуты неведение и деятельность, *камма*, первые две *ниданы*; ибо, как говорит комментарий, эти две всегда принадлежат прошлому рождению, т. е. являют собой основание и источник происхождения всего мира и каждой последующей живой личности.

6. Закон причинности (патичча-самуппада)

Так я слышал. Возвышенный пребывал вблизи Саваттхи, в роще Джета, в парке Анатхапиндики. Там Возвышенный обратился к бхикку: «О бхикку!» — «Да, господин», — отвечали эти бхикку. Возвышенный сказал:

«Я буду учить вас, бхикку, закону причинности. Слушайте же: пользуйтесь своим умом. Я буду говорить». — «Точно так, господин», — ответили бхикку. Тогда Возвышенный говорил так:

«Что такое закон причинности, о бхикку? Вот что это такое:

Действия предопределяются неведением; сознание предопределяется действием; название и форма предопределяются сознанием; ощущение предопределяется названием и формой; соприкосновение предопределяется ощущением; чувство предопределяется соприкосновением; вожделение предопределяется чувством; становление предопределяется вожделением; рождение предопределяется становлением; старость и смерть предопределяются рождением; а также печаль, горе, заботы, сожаление, отчаяние. Таково возникновение всей этой массы страдания.

Но вследствие полного угасания и прекращения неведения наступает также окончание действий; вследствие окончания действий наступает окончание сознания; вследствие окончания сознания наступает окончание названия и формы; вследствие окончания названия и формы наступает окончание ощущений; вследствие окончания ощущений наступает окончание соприкосновения; от окончания соприкосновения наступает окончание чувства; от окончания чувства наступает окончание желания;

от окончания желания — окончание вожделения; от окончания вожделения наступает окончание становления; от окончания становления наступает окончание рождения; от прекращения рождения наступает конец старости и смерти, печали и горя, забот, сожаления, отчаяния. Таков конец всей этой массы страдания».

7. Анализ закона причинности

(Возвышенный продолжал:)

(1) «Что же такое, о бхикку, старость и смерть?»

Это разрушение, старение, распад, седые волосы, морщины, окончание жизни, увядание способностей у всех живых существ и у всего рода. Это называется старостью.

Исчезновение, распадение, рассеивание, угасание, умирание и смерть, конец и распад на элементы, отбрасывание тела у всех живых существ и у всего рода — это называется смертью. Это разрушение и умирание — вот что называется старостью и смертью.

(2) Что же такое, бхикку, есть рождение?»

Это зачатие, нисхождение, рождение, проявление элементов, захват сфер ощущений у всех живых существ и у всего рода. Это называется рождением.

(3) Что же такое, о бхикку, становление?»

Есть три вида становления: становление в мире желания; становление в мирах видимой формы; становление в невидимых мирах (в мирах без форм).

Это называется становлением.

(4) Что же такое, о бхикку, вожделение?»

Есть четыре вида вожделений: вожделение к желаниям, вожделение ко мнениям, вожделения к об-

рядам и церемониям, вожделение к представлению о "я". Это называется вожделением.

(5) И что такое, о бхикку, страсть?

Есть шесть групп страсти: страсть к форме, страсть к звуку, страсть к запахам, страсть ко вкусам, страсть к прикосновениям, страсть к мыслям. Это называется страстью.

(6) И что такое, о бхикку, чувство?

Есть шесть групп чувств: чувство, рожденное от зрительного соприкосновения; чувство, рожденное от слухового соприкосновения; чувство, рожденное от обонятельного соприкосновения; чувство, рожденное от вкусового соприкосновения; чувство, рожденное от телесного соприкосновения; чувство, рожденное от умственного соприкосновения. Это называется чувством.

(7) И что такое, о бхикку, соприкосновение?

Есть шесть групп соприкосновения: зрительное, слуховое, обонятельное, вкусовое, телесное и умственное. Это называется соприкосновением.

(8) Что же такое, о бхикку, шестеричное ощущение?

Это зрительное ощущение, слуховое, обонятельное, вкусовое, осязательное, умственное. Это называется шестеричным ощущением.

(9) Что же такое, о бхикку, название и форма?

Чувство, восприятие, воля, соприкосновение, деятельность ума: манасикаро; это — название. На них основаны четыре великих элемента и тело. Это называется формой. Одно — название; другое — форма. Это и есть название и форма.

(10) Что же такое, о бхикку, сознание?

Есть шесть групп сознания: зрительное, слуховое, обонятельное, вкусовое, осязательное, умственное. Это называется сознанием.

(11) Что же такое действие?

Существуют три вида действия: телесное, словесное, умственное. Это и есть действие.

(12) А что такое неведение?

Не знать о страдании, о возникновении страдания, о прекращении страдания, о пути, ведущем к прекращению страдания. Это называется неведением.

Итак, о бхикку, действия вызваны неведением, сознание вызвано действиями, название и форма вызваны сознанием и так далее.

...Таково возникновение всей этой массы страдания.

Но из полного угасания и окончания неведения происходит также окончание действия; от окончания действия наступает окончание сознания и так далее. Таково окончание всей этой массы страдания».

(«Самзютта-никая» II, 3, 4)

8. Связанность: зачатие, рождение, младенчество, детство, зрелость, смерть и рождение

«И вот, о бхикку, в силу сочетания этих трех возникает развитие зародыша. В этом событии происходит встреча родителей; но если мать не зачала, если около нее не оказалось ни одного гандхарва, не происходит развитие зародыша. Опять-таки в этом событии при встрече родителей, если мать при том зачала, но вблизи не оказалось ни одного гандхарва, развития зародыша не происходит. Но когда, о бхикку, имеет место встреча родителей, когда мать зачала, когда около оказался гандхарва, тогда в силу сочетания этих трех происходит развитие зародыша*.

* *Гандхарва* — вид божественных существ; утверждается, что они охраняют процессы зачатия.

Этот зародыш мать носит в своей утробе около девяти или десяти месяцев с большими заботами, как тяжелую ношу. Затем в конце девяти или десяти месяцев она рождает — с большими заботами, как бы снимая с плеч тяжкую ношу. Когда дитя родилось, она кормит его собственной кровью; ибо в дисциплине благородных мужей материнское молоко называется "кровью".

И вот ребенок, следуя росту, следуя созреванию своих способностей, играет со своими детскими игрушками — пашет землю согнутой палочкой, играет двумя палочками, прыгает со скалкой, играет с игрушечными мельницами, горшочками и кастрюлями, с луком и стрелами.

Затем этот ребенок, следуя росту, следуя созреванию своих способностей, блуждает в мире, оснащенный пятью наслаждениями, свойственными органам чувств, — и захваченный удовольствиями, восприимчивый к формам, познаваемым глазом, ухом, носом, языком, телесным прикосновением, он стремится к ним всем, влекущим, полным наслаждения, дорогим, зовущим к чувственным удовольствиям.

Видя глазами какую-то форму, он охвачен страстью к соблазнительным формам; его отталкивают неприятные формы; он пребывает в состоянии неустановившегося внимания и лишь немного размышляет. Он не знает освобожденности ума, не знает освобождения при помощи мудрости, каково оно есть в действительности, когда все эти страдания, все ненужные вещи прекращаются без остатка.

Так он узнает удовлетворенность и неудовлетворенность; какие бы чувства он ни испытывал, приятные, болезненные или безразличные, он приветствует их, призывает их и крепко за них держится. Из-за

этого возникает ловушка. Эта ловушка скрыта в чувствах; она заключена в вождедении к ним. Обусловленное вождедением, возникает становление; становлением обусловлено рождение; а рождением обусловлены разрушение, смерть, горе, печаль, заботы, сожаление и отчаяние. Таково возникновение всей этой массы страдания.

Точно так же обстоит дело с сознанием слуховым, с обонятельным, вкусовым; точно так же и с осязательным, так же и осознанием вещей посредством ума. Они обольщают его и отталкивают; и он, как прежде, пребывает в неведении относительно освобождения».

9. Освобождение

(Затем в мире появляется татхагата, арахант, высочайший будда, совершенный в знании и практике, благодетель, познавший мир; непревзойденный колесничий для укрощаемых людей, учитель дэвов и людей, пробужденный и возвышенный... и он проповедует дхамму. Человек слышит дхамму, отрекается от мира и вступает на путь благородного самовоспитания.)

«Тогда становится он господином этого благородного собрания добродетелей, мастером благородного сдерживания способностей и благородного внимательного самообладания; он находит какое-нибудь уединенное местопребывание — в лесу, у подножия дерева или на горе, в пещере, в горном гроте или на погребальном поле, в уединенной роще, на открытом воздухе, на охалке соломы.

Затем, после того как собрана милостыня и съедена пища, он садится со скрещенными ногами и дер-

жит туловище выпрямленным; он обуздывает свое внимание; отбросив алчность, присущую миру, он пребывает в мысли о том, что освобожден от горестей. Он устремляет мысль к устранению малейших оттенков недоброжелательства и пребывает в мысли о непричинении вреда; с добрыми мыслями к каждому живому существу, к каждому созданию, он очищает сердце от малейшего оттенка недоброжелательства. Отбросив леность и вялость, он пребывает в свободе от них. Осознавая просветленность, внимательный, владеющий собой, он очищает сердце от лености и вялости. Оставив суету и тревоги, он пребывает непоколебимым; полный внутреннего покоя в мыслях, он очищает свое сердце от суеты и тревоги. Он оставляет колебания и, пройдя через них, пребывает в покое; он более не задает вопросов о том, как и почему бывают вещи хорошими; он очищает сердце от колебаний.

Так, отринув пять препятствий, изжив при помощи мудрости все еще оставшуюся нечистоту, удалившийся от чувственных желаний и от дурных вещей, вступает он в четыре джханы (описанные выше).

Затем, когда он видит глазами какую-то форму, он более не оказывается охвачен страстью к обольстительной форме, и неприятная форма его не отталкивает; он пребывает с установившимся вниманием. Безгранична сфера его мысли. Он знает, что пришло освобождение сердца. Это освобождение при помощи мудрости, истинное освобождение, когда прекращаются все ненужные вещи, ничего не оставляя за собой.

Он отвергает удовлетворенность и неудовлетворенность. Какое бы чувство он ни испытывал, приятное, неприятное или безразличное, он не призыва-

ет его, не приветствует, не привязывается к нему. Благодаря этому не возникают ловушки; а с прекращением ловушек прекращается вожделение; с прекращением вожделения прекращается и становление... и таким образом прекращается вся эта масса страдания.

Это освобождение, о бхикку, благодаря разрушению желания, которое я здесь объяснил вам вкратце, — не забывайте о нем, о бхикку!»

(«Маджджхима-никая» I, 265–271)

10. Человек и его тела

Возвышенный сказал:

«Есть три пути обретения "я", о Поттхапада, а именно: обретение "я" физического тела, обретение "я", созданного умом, обретение бесформенного "я".

Что же такое, о Поттхапада, обретение "я" физического тела? То, что имеет форму, что состоит из четырех великих элементов, то, что питается материальной пищей, — это "я" физического тела.

Что такое, о Поттхапада, обретение "я", созданного умом? Оно также имеет форму и сделано из ума, полное, со всеми членами, обладающее сверхчувственными органами. Это "я", созданное умом.

И что же такое, о Поттхапада, обретение бесформенного "я"? То, что не имеет формы, но создано из сознания, — это обретение бесформенного "я".

И вот я научу тебя, о Поттхапада, как отказаться от обретения какого бы то ни было "я", особому пути, практикой которого ты освободишься от нечистых условий и приведешь к росту чистые условия; слушай мое учение, благодаря которому человек даже в

этой жизни сможет достичь осуществления и совершенного роста мудрости, постигнув ее при помощи собственных сверхъестественных сил, так чтобы пребывать в ней.

Теперь вполне возможно, что к тебе, о Поттхапада, могла бы прийти мысль: да, можно устранить дурные условия, можно вызвать рост благотворных условий, можно достичь этого еще в течение этой жизни, можно пребывать в таком состоянии; но все же мы остаемся в печали.

Но не так следует смотреть на дело, о Поттхапада. Ибо когда все сделано... появляется, как следствие, радость, восторг, покой, внимательность, самообладание, счастливая жизнь*.

И если, о Поттхапада, другие зададут нам такой вопрос: но что такое, о друг, это обретение "я" физического тела, "я", созданного умом, и бесформенного "я", о чем ты говоришь все это, — тогда нам надо ответить так:

Это то же самое "я", о котором мы говорим... ибо в то время, когда действует один из этих трех видов "я", его не считают одним из других двух. Его называют только именем той отдельной личности, которая имеет преобладание**.

Ибо все это лишь слова, о Поттхапада, лишь способы выражения, определения для повседневного пользования. Татхагата употребляет их, когда говорит, но не обманывается ими».

(«Дигха-никая» I, 194–202)

* То же самое говорится относительно обретения «я», созданного умом, и бесформенного «я».

** «Я», о котором мы говорим, *айям ва со*, или *аттабхава*, или *панча-ккхандака*, т. е. пятеричная личность, состоящая из тела, чувств, восприятия, деятельности и сознания... причем все они непостоянны.

11. Притча о бревне

Однажды Возвышенный остановился в Косамби, на берегу Ганги.

И вот Возвышенный увидел, как течение Ганги несет вниз по реке большое бревно; увидев это, он обратился к бхикку, говоря: «О бхикку, видите ли вы вон там большое бревно, которое течение уносит вниз по реке?»

— Да, господин.

— Так вот, о бхикку, если течение не прибьет это бревно ни к тому, ни к этому берегу, ни к острову, если оно не погрузится в глубину в середине течения, если оно не застрянет на отмели, если не попадет в руки людей или иных существ, если не окажется захвачено водоворотом, если не сгниет изнутри, — это бревно, о бхикку, будет плыть вниз по течению до самого океана и незаметно окажется в океане, направится в океан. Почему же это так? Потому что, о бхикку, течение Ганги стремится к океану, направлено в океан, незаметно вливается в океан.

Подобным же образом, о бхикку, если вас не прибьет ни к этому берегу, ни к тому берегу, если вы не погрузитесь в глубину в середине течения, если не застрянете на отмели, если не станете добычей людей или иных существ, если не будете захвачены водоворотом, если не сгниете изнутри, — тогда, о бхикку, вы поплывете к ниббане, направитесь к ниббане. Почему это так? Потому что, о бхикку, совершенное понимание течет к ниббане, направлено к ниббане, незаметно оказывается в ниббане.

В ответ на эти слова некий бхикку обратился к Возвышенному: «Господин, а что такое этот берег, что такое тот берег; что значит утонуть в середине те-

чения? Что значит застрять на отмели? Что значит стать добычей людей или иных существ? Что значит быть захваченным водоворотом? Что значит сгнить изнутри?»

— Этот берег, о бхикку, — название для шести личных сфер чувственных действий.

Тот берег, о бхикку, — название для шести внешних сфер чувственных действий.

«Утонуть в середине течения» — это название для соблазнов и чувственности.

«Застрять на отмели» — название для самообольщения «я».

Что же такое, о бхикку, «стать добычей людей»?

В этом случае, о бхикку, глава семьи живет в обществе, радуется с радующимися, печалится с опечаленными, наслаждается с наслаждающимися, страдает со страдающими, связывает себя со всевозможными делами, которые происходят с ними. Это, о бхикку, называется «быть захваченными людьми».

Что же такое, о бхикку, «быть захваченным другими существами»?

В этом случае, о бхикку, какой-нибудь бхикку живет святой жизнью с желанием повторно родиться в обществе особого рода дэвов; он думает: да стану я силой добродетелей, или практики, или какого-то самообуздания, или святой жизни, — да стану я дэвом или одним из дэвов. Это, бхикку, означает быть захваченным другими существами.

«Быть захваченным водоворотом», о бхикку, — это название для наслаждений пятью чувствами.

Что же такое, о бхикку, «гниение изнутри»?

В этом случае, бхикку, некто оказывается безнравственным, нечистым человеком сомнительного поведения, который творит зло, совершает дурные

поступки; это не отшельник, хотя он дал обет отшельника; это сын скверны, гниющий изнутри и полный чувственности. Такой человек, о бхикку, «гниет изнутри».

И вот в тот раз недалеко от Возвышенного стоял пастух Нанда. Тогда этот пастух Нанда воскликнул, обращаясь к Возвышенному: «Господин, я тот, кого прибило к этому берегу; меня не прибило к другому берегу; я не потону в середине течения, не застряну на отмели, не буду захвачен людьми или другими существами; меня не должен захватить никакой водоворот; я не сгнию изнутри. Господин, нельзя ли мне получить посвящение из рук Возвышенного? Можно ли мне получить полное посвящение?»

— Тогда, о Нанда, пожалуйста, возврати коров их владельцам.

— Господин, коровам надо возвращаться, они тоскуют по своим телятам.

— Возврати же коров, Нанда, их владельцам.

После чего Нанда, возвратив коров владельцам, пришел к Возвышенному и сказал: «Господин, коровы возвращены владельцам; господин, могу ли я получить посвящение из рук Возвышенного? Могу ли я получить полное посвящение?»

Так пастух Нанда получил посвящение, получил полное посвящение из рук Возвышенного. И вскоре после этого досточтимый Нанда, живший в уединении в отдаленном месте, ревностный и старательный... добился цели: досточтимый Нанда стал еще одним из арахантов.

(«Самъютта-никая» IV, 179–181)

12. Он более не будет забавой для всех дующих ветров

*«Как многие ветры дуют в небе,
Восточные и западные, северные и южные,
Они несут пыль или не несут ее, прохладные и
горячие одновременно,
Ветры утомительные и успокаивающие,
многообразные, —
Так и в этом теле возникает множество
чувств,
Приятных и болезненных, ни тех ни других.
Бхикку, ревностный, владеющий собою,
Свободный от глубин своего существа, —
он хорошо понимает
Своей зрелой мудростью всевозможные чувства.
Понимая их, он еще в этой жизни
Недоступен опьянению; когда же его тело
умирает,
Он становится святым, совершенным в
законе; он вышел из нашей сферы».*

(«Самгютта-никая» IV, 218)

13. Благородный ученик

«О бхикку, поскольку благородный ученик в силу правильного прозрения ясно увидел этот закон причинности в его истинной природе, увидел, что все эти вещи появились в силу закона причинности, вы, конечно, скажете, что он обратился к прошедшему и спросил: "Был ли я в прошлом? Или не был? Что было в прошлом? Как существовал я в прошлом? Чем я был, если мне приходилось существовать в прошлом?"

Или он задумывается о будущем, говоря: "Стану я существовать в будущем или нет? Чем стану я в будущем? Как стану я существовать в будущем? Чем я стану, если мне придется оказаться в будущем?"

Или еще, если сейчас он полон внутренних сомнений о нынешних вещах, он скажет: "Действительно ли я существую? Или меня нет? Что я такое на самом деле? Каков я на самом деле? И это "я" — откуда оно пришло, куда уйдет?"

Нет, совсем нет! Такая вещь невозможна! Почему же невозможна?

Потому, о бхикку, что благородный ученик в силу правильного прозрения увидел закон причинности в его истинной природе, увидел и то, что вещи появились в силу закона причинности».

(«Самзютта-никая» II, 26)

14. Покончено со всем

«И вот, о бхикку, поскольку благородный ученик знает таким образом закон причинности, знает таким образом возникновение причинной связи, знает таким образом прекращение причинной связи, знает таким образом путь, ведущий к прекращению причинной связи,.. этот ученик, о бхикку, называется благородным учеником; он достиг понимания, достиг прозрения, достиг благой дхаммы, увидел эту благую дхамму, стал обладателем знания, обретаемого учеником, прошедшим обучение, достиг потока дхаммы; это благородный ученик — достойный обладатель мудрости, который пребывает в достижении порога бессмертия, *амата-ниббана*».

(«Самзютта-никая» II, 41)

15. Пересекающий поток

В ком есть неколебимое намерение избежать нового рождения,

Чей ум очарован запредельным,

Чье мышление не захвачено удовольствиями,

И кто исполнен разума —

Тот зовется «поднявшийся над потоком».

(Пересекающий поток)

Как друзья радуются и приветствуют человека, невредимым вернувшегося издалека,

Так добрые дела ожидают добродетельного человека, ушедшего из этого мира в мир иной.

(«Дхаммапада» 218–220)

16. Учитель разрешает передавать правила

«Бхикку, даю вам это позволение. После этого вы сами давайте посвящение и полные правила во всех областях и странах. И вы должны делать это таким образом:

Пусть получающему посвящение обреют волосы на голове и на лице. Пусть на него наденут оранжевое одеяние. Пусть он наденет верхнюю одежду на одно плечо, поклонится в ноги собравшимся бхикку в знак приветствия, сядет, поджав ноги, вытянет вперед сложенные ладони, пусть трижды произнесет при этом:

*"Иду к Будде как к убежищу,
Иду к дхамме как к убежищу,
Иду к сангхе как к убежищу!"*

Я предписываю, о бхикку, чтобы посвящение и полные правила действительно состояли из обращения к этим трем убежищам».

(«Виная-питака» I, 12)

17. Дальнейший путь

В одном случае Возвышенный сказал:

«Впредь, о бхикку, я отменяю передачу полных правил способом обращения к трем убежищам, как мною предписывалось ранее.

Я предписываю, бхикку, чтобы вы давали полные правила в акте возглашения вместе с тремя вопросами».

(«Виная-питака» I, 27)

18. Особые правила

«Пусть ни один бхикку не дает посвящения в члены сангхи тем, кто моложе двадцати лет, если он знает об этом. С тем, кто сделает это, нужно поступать обычным образом.

Ибо, о бхикку, человек, которому не исполнилось двадцати лет, не может переносить холод и жару, голод и жажду, укусы мух и комаров, действие ветра, солнца и ползучих тварей; он не в состоянии вынести прямую оскорбительную речь, а также возникающие телесные чувства — болезненные, горькие, острые, печальные, неприятные, разрушающие жизнь; он не в состоянии перенести их».

(«Виная-питака» I, 47)

19. Посвящение для детей

«Разрешаю вам, бхикку, давать посвящение мальчикам даже до пятнадцати лет, (способным зарабатывать на жизнь, пугая ворон)».

Глава 3

КХУДДАКА-ПАТХА*

*Почитание Ему,
Возвышенному, араханту,
Полностью Просветленному!*

Вера и заповеди

*«Я иду к Будде, как к убежищу,
Я иду к дхамме, как к убежищу,
Я иду к сангхе, как к убежищу».*

(Произносится трижды)

1. *Обет избежать отнятия жизни.*
2. *Обет избежать присвоения того, что не дано.*
3. *Обет избежать лжи.*
4. *Обет избежать распущенности.*
5. *Обет избежать алкогольных напитков —
продуктов брожения, перегонки и прочих
опьяняющих средств, вызывающих леность.*
6. *Обет избежать еды в неустановленное время.*
7. *Обет избежать танцев, пения, игры на музыкальных инструментах, посещения зрелищ.*
8. *Обет избежать употребления цветов, благовоний и мазей, ношения украшений и узоров.*
9. *Обет избежать пользоваться высокими и широкими кроватями.*
10. *Обет отказа принимать золото и серебро.*

* Эту «краткую часть» можно назвать «молитвенником мирянина-буддиста».

Пояснения:

«Сиккхападам» (вера и заповеди) — это путь обучения, урок, обет, но не предписание. Слово «самадьями», или «я принимаю на себя» в этой ранней формуле не встречается; эта часть, взятая из «Кхуддака-патхи», состоит из десяти обетов, соблюдаемых учениками, бхикку. Для мирян была сделана уступка, изменившая третий обет в соответствии с жизнью мирянина. Миряне соблюдают первые пять заповедей, набожные люди — первые восемь.

Катехизис новообращенного

1) «Что такое "одно"?

Все живые существа поддерживаются питанием.

2) Что такое "два"?

Это ум и тело.

3) Что такое "три"?

Это три вида чувств.

4) Что такое "четыре"?

Это четыре благородные истины.

5) Что такое "пять"?

Это пять элементов вожделения.

6) Что такое "шесть"?

Это шесть личных сфер ощущений.

7) Что такое "семь"?

Это семь факторов мудрости.

8) Что такое "восемь"?

Это Благородный Восьмеричный Путь.

9) Что такое "девять"?

Это девять обителей живых существ.

10) Что такое "десять"?

Это те десять качеств, одаренный которыми человек называется арахантом».

Пояснения:

- (1) Пища, *ахара*, — это:
 - (а) плотная пища, которую мы едим;
 - (б) соприкосновение, *пхассо*, имеющее место в мире чувственных ощущений;
 - (в) духовная пища, «умственное вещество»;
 - (г) умственное сознание.
- (2) *Нама-рупа*, где «нама», т. е. «имя», представляет собой четыре составные части пятеричной массы, или тела, *аттабхаво*, личность, *саккая*. См. пятый пункт.
- (3) *Триссаведана*, чувства приятные, неприятные и безразличные, или *суккха*, *дуккха*, *садуккхамасуккха*.
- (4) Это *дуккха*, страдание и его возникновение; *дуккха-самудая*, разрушение страдания; *дуккха-самудая-ниродха*, т. е. путь, ведущий к разрушению страдания.
- (5) *Панча-упадана-ккхандха*, пять составных частей человека, или «факторы пятеричной привязанности к существованию»: телесная форма, *рупа*; чувство, *ведана*; восприятие, *санья*; деятельность, создающая карму, *санкхара*; а также сознание, *виньяна*.
- (6) Пять органов чувств — глаза, уши, нос, язык, кожа — и умственная способность, *mano*.
- (7) Внимательность, *сати*; искание дхаммы, или исследование писаний, *дхамма-викая*; энергия, *вирья*; сосредоточенность, *самадхи*; уравновешенность, *упеккха*, или «высшая невозмутимость».

(8) См. выше первую проповедь.

(9) Сферы существования:

1. где различаются ум и тело, например в случаях людей, некоторых дэвов и обитателей чистилища;
2. где различаются тела, а ум один и тот же, например дэвы брахмалоки, ступени сознания, которая достигается при первой джхане;
3. где тела одинаковы, а ум различный, например сверкающие дэвы мира форм Брахмы;
4. где различны и ум, и тело, например светозарные дэвы мира форм Брахмы;
5. где исчезает осознание формы и остается лишь осознание бесконечного пространства;
6. где происходит выход за пределы бесконечного пространства, но существует бесконечное сознание;
7. где существует сознание пустоты, сферы, в которой ничего нет;
8. предыдущие семь называются «стоянками» сознания, *тхитти*; далее следуют две «сферы», где нет осознания внешних элементов;
9. где нет ни сознания, ни его отсутствия, если можно так выразиться; это состояние среднее между двумя;
10. превыше всех этих ступеней находится *ниббана*.

(10) Четыре пути и четыре плода путей таковы:

- (а) вступивший в поток, *соттапанно*;
- (б) однажды возвращающийся, *сакад-агами*;
- (в) не возвращающийся, *анагами*; и
- (г) *арахант*. Вместе с (1) постижением дхаммы, т. е. закона, нормы, истины, доктрины, он (2) достигает *ниббаны*, или совершенства.

Эти примечания представляют собой сжатое изложение комментария Буддхагхоши на «Кхуддака-патху».

Благословение

Так я слышал. Однажды Благословенный находился в роще Джета, около Саватхи, в парке Анатхапиндики. И вот глубокой ночью некий дэва поразительной красоты осветил всю рощу Джета; подойдя к Возвышенному, он приветствовал его и остановился в стороне. Стоя так, этот дэва обратился к Возвышенному в стихах:

*«Многие дэвы, многие люди размышляли о
благословении,
Стремясь к благу. О ниспошли мне Ты
величайшее благословение!
Благословенный Владыка ответил:
«Не следовать за глупцами, следовать
за мудрыми,
Поклоняться тому, что достойно поклонения, —
Вот величайшее благословение!
Пребывать в приятном месте, совершить
добрые дела в прошлых рожденьях,
Утвердиться на верном пути — вот
величайшее благословение!
Много учиться, много узнать, хорошо усвоить
дисциплину,
А также обладать приятной речью — вот
величайшее благословение!
Поддерживать отца и мать, любить детей
и жену,*

Сокровище

«Да будут счастливы все создания, собравшиеся
здесь на земле или в воздухе
Да выслушают они со вниманием то,
что я говорю!
Старайтесь проявить благожелательность
к человеческому роду!
Днем и ночью люди совершают
жертвоприношения;
Охраняйте их ревностно!
Какое бы сокровище ни встретилось в этом
или в будущем мире,
Или в небесных мирах — какая бы
ни повстречалась драгоценность,
Нет ничего, подобного татхагате;
татхагата несравнен;
Этой высочайшей драгоценности,
пребывающей в Просветленном,
Силе этой истины — да сопутствует успех!
Это сокровище, разрушающее грех, —
бесстрастное, бессмертное, наивысшее;
Ради него мудрец Шакья достиг спокойствия,
и спокойствием завоевал мир;
Нет ничего, подобного святой дхамме,
она несравненна;
Этому высшему сокровищу, заключенному
в святой дхамме,
Силе этой истины — да сопутствует успех!
Этому чистому учению, преподанному
наилучшим из просветленных,
Этому спокойствию ума, о котором говорят
люди, которое приходит без промедления,
Нет ничего подобного; оно несравненно!

Узревший благородные истины и проникший
в них.
Этому высочайшему сокровищу, заключенному
в братстве бхикку,
Силе этой истины — да сопутствует успех!
Способные различать благородные истины
собственным знанием,
Благородные истины, столь ясно провозгла-
шенные обладателем глубокой мудрости,
Хотя бы они и уклонялись к мирским
предметам и пребывали в бездействии,
Однако через семь рождений они более
не рождаются.
Этому высочайшему сокровищу, заключенному
в братстве бхикку,
Силе этой истины — да сопутствует успех!
Если кто-то совершит неправильное действие
в поступке, речи или мысли,
Такой человек неспособен скрыть его грех;
"Неспособным" провозглашен он, ибо
увидел путь.
Этому высочайшему сокровищу, заключенному
в братстве бхикку,
Силе этой истины — да сопутствует успех!
Как на лесной поляне вновь расцветают
верхушки деревьев
В первом месяце летней жары — так
провозглашает Владыка
Для блага мира свою дхамму, ведущую к ниббане.
Это — высочайшее сокровище заключено
в просветленном.
Силе этой истины — да будет удача!
Он — наилучший, Он знает лучше всех, Он —
податель лучшего;

ром соплеменникам! Да будет нашим соплеменникам хорошо в этом мире!"

Тогда эти привязанные к земле соплеменники собираются там, где разбросана обильная пища из еды и питья; они не преминут выразить свою благодарность, говоря: "Да живут долго наши соплеменники, благодаря которым мы получаем этот дар! Для нас это приношение; и не останутся без плода дающие!"

Ибо там, в стране духов, не держат скота, не видно, чтобы пахали поля. Нет там торговли, как это бывает на Земле, нет продажи за золото. Мы, ушедшие туда духи, живем тем, что дается здесь.

Как вода, собранная на вершинах, стекает вниз, в болото, так и подношение, сделанное здесь, на Земле, служит духам.

Как реки наполняются и наполняют море, так же точно подношение, сделанное здесь, на Земле, служит духам.

"Он поднес мне дары, он сделал нечто для меня. Они были моими соплеменниками, друзьями и родными", — так, помня о прошлых делах, пусть подносит человек милостыню духам.

Ибо на самом деле бесполезны причитания, горе и всевозможные оплакивания. Они не помогают духам, эти оплакивания.

Более того, подобный дар милосердия, поднесенный сангхе, непременно будет служить очень и очень долгое время.

Так был провозглашен этот долг, выполняемый по отношению к соплеменникам: для духов это приношение и поклонение — немалая польза; для бхикку и для сангхи — это передача силы; для вас самих — приобретение немалой заслуги»*.

* «Передача силы» — это приношение, которое обычно сопровождает угощение членов сангхи.

Скрытое сокровище

«В глубоко вырытую яму погружает человек сокровище с такой мыслью: "Будет мне помощь в случае нужды, или если раджа скажет обо мне дурно, или если ограблен буду грабителем, или нужно будет заплатить долги, или трудно будет достать пищу, или постигнет меня неудача". Таковы причины в этом мире, чтобы зарыть сокровище.

Однако все эти сокровища, столь хорошо скрытые в глубоком хранилище, не приносят владельцу никакой пользы.

Ибо сокровище такое или исчезает из хранилища, или ум человека, скрывшего сокровище, становится рассеянным, и он забывает, куда оно спрятано, или его уносят наги, или похищают духи земли.

Или враги его, или даже соплеменники уносят, когда он не стережет. Ибо когда исчерпаны заслуги человека, все эти сокровища пропадают.

Но сокровище, приобретенное праведностью, самообузданием, укрощением самого себя — это сокровище хорошо скрыто для женщины и для мужчины.

Это сокровище недоступно для других, и грабители не могут украсть его. *Пусть же мудрый совершает добрые дела:* это сокровище последует за ним!

Такое сокровище принесет всевозможную пользу дэвам и людям; с его помощью можно приобрести все, чего добиваются владельцы богатства.

Красивое лицо, приятный голос, прелесть и грация, роскошь и удобства — все это может принести такое сокровище.

Царскую власть, знатность, блаженство управления миром, даже власть на небесах среди дэвов — все это может обеспечить такое сокровище.

Мирское благополучие и небесное наслаждение, обретение ниббаны — все это приобретается благодаря этому сокровищу.

Тот, кто достиг близости к добру, кто привязан к нему, тот может обрести знание, освобождение, власть над собой — все это завоевывается такими качествами.

Ясное прозрение, свобода ума, все совершенства ученика, просветление "я" через себя самого, даже состояние будды — все это приобретается этим сокровищем.

Такова чудесная сила сокровища добрых дел. По этой причине совершаются добрые дела мудрыми и знающими людьми».

Благожелательность

«Кто достаточно мудр, кто постиг смысл места мирного, кто знает, что для него полезно, должен проявлять благожелательность.

Ему следует быть умелым, всегда пребывать в готовности, быть по-настоящему прямым, вежливым и мягким в речи, свободным от самообмана тщеславия.

И он должен проявлять довольство, быстро удовлетворяться, владеть лишь немногим, ограничивать свои потребности, проявлять умеренность в пище, успокоить свои умственные способности, проявлять осмотрительность, не наносить оскорблений, не проявлять алчности к подаркам.

Он не должен совершать дурных поступков, в которых его могли бы упрекнуть другие, мудрые люди.

И пусть каждое живое существо, слабое или сильное, все существа без исключения, крупные, средней

величины или мелкие, тонкой или грубой формы, видимые или невидимые, находящиеся вблизи или далеко, рожденные или еще не рожденные, — да будут все они полны блаженства.

Пусть никто из них не обманывает другого, не думает ни о ком с презрением; пусть не гневается на другого и не желает ему зла, даже в ответ на зло.

Подобно тому как мать, пока она жива, охраняет свое дитя, свое единственное дитя, так и он должен охватывать своим умом все живые существа.

И да проявляет человек безграничную благожелательность ко всему миру — к тому, что наверху, к тому, что внизу, к тому, что сбоку и со всех сторон, — благожелательность без помех, без злых чувств, без вражды.

Стоя или двигаясь, сидя или лежа, в каком бы положении он ни находился, свободный от лености, пусть утвердится он в благожелательной внимательности. Ибо именно это люди называют высочайшим состоянием *брахма-вихара*.

Так должен он, оставив ошибочные взгляды, шествуя праведно, обрести прозрение и победить алчность к чувственным желаниям. Поистине, такой человек более не должен родиться в каком-либо чреве».

(«Метта-сутта», «Сутта-нипатта», 143)

Дхамма-ратха, колесница дхаммы

*«Каждого достигшего уверенности и мудрости
Достигнутое им состояние ума ведет его
вперед, как хорошую упряжку.*

*Сознание — это дышло, а ум — его ярмо;
Внимательность — бдительный возница;*

*Праведные дела — колесница,
Рвение — ось, энергия — колеса;
А спокойствие — погонщик, ведущий колесницу
уравновешенного ума.*

*Отсутствие желаний — это сбруя;
Благожелательность и безвредность — оружие;
Вместе с непривязанностью ума
Выносливость есть оружие дхаммы;
И колесница катится для достижения мира.
Построенная самим "я", она становится
этим "я",*

*Эта несравненная, наивысшая колесница.
Восседающие на ней мудрецы оставляют мир;
Поистине, они — победители в сражении».*

(«Самгютта-никая» V, 6)

Глава 4

ПОУЧЕНИЯ

1. Учитель и ученик

«Учитель, о бхикку, должен считать ученика как бы своим сыном; ученик должен считать учителя как бы отцом. Так, вдвоем, соединив взаимное уважение, взаимное почтение, пребывая в общности совместной жизни, они добьются возрастания, роста, продвижения в этой дисциплине дхаммы.

Я предписываю, о бхикку, чтобы вы жили на попечении учителя десять лет. Тогда тот, кто завершил свой десятый год ученичества, сам может обучать учеников».

(«Виная-питака, махавагга» III, 1)

2. Сезон дождей

И вот в то время, когда Возвышенный пребывал около Раджгаха, в бамбуковой роще, у площадки для кормления белок, — в это время наступил сезон дождей, а Возвышенным все еще не было назначено место для обители бхикку. Поэтому бхикку продолжали бродить как в холодное, так и в жаркое и в дождливое время.

Тогда народ стал беспокоиться; люди сердито ворчали, говоря: «Что же это такое? Разве должны отшельники, сыны Сакья, бродить одинаково в холодную и в жаркую погоду, во время дождей? Они топчут зеленую траву, уничтожают живые существа,

обладающие одним чувством, затаптывают до смерти множество крошечных жизней.

Разве еретические секты отшельников, которые следуют неправильно изложенной дхамме, — разве даже они не селятся где-то в одном месте и не живут в уединении во время дождей? Разве птицы не строят себе гнезда на верхушках деревьев, не ищут себе убежище на время дождей, не живут в уединении?

И почему же отшельникам, сыновьям Сакья, приходится бродить как в холод, так и в жару, в дождливое время, топтать траву, разрушать живые существа с одним лишь чувством*, давить до смерти множество крошечных жизней?»

И вот некоторые бхикку услышали эти слова огорченных и сердито бормочущих мирян; они рассказали обо всем Возвышенному.

И потому в этой связи и в этом случае Возвышенный после благочестивой беседы так обратился к нищенствующим:

«Предписываю вам, о бхикку, чтобы во время дождей вы соблюдали уединение».

(«Виная-питака, махавагга», III, I)

3. Правила вежливости

«Бхикку, я устанавливаю это правило для вновь вступивших в сангху бхикку.

* Под «живыми существами с одним чувством» понимается растительный мир. В Северной Индии бывает два дождливых сезона — поздний и ранний. Ранняя дата для соблюдения *васса*, т. е. сезона дождей, приходится на день, следующий после *асала*, т. е. июльско-июньского полнолуния; это также дата первой проповеди. Поздняя дата отмечается через месяц после этого же полнолуния. Вероятно, обе даты связаны с древними ведическими празднествами.

Вновь вступивший, о бхикку, с мыслью: сейчас я вхожу в жилое помещение, сняв сандалии, должен перевернуть их, ударить одну о другую, опять перевернуть, положить свой зонт, снять покрывало с головы, накинуть верхнее одеяние на одно плечо, затем внимательно войти в помещение без излишней поспешности.

Войдя, он должен обратить внимание на то, где находятся проживающие здесь бхикку, куда они ушли — в залу для служения, в павильон или к подножию дерева; придя туда, он должен отложить в сторону чашу и верхнюю одежду, найти подобающее место и там сесть.

Затем ему надо спросить о воде для питья и для пользования; пусть он выяснит, какая вода для чего предназначена. Если ему нужна вода для питья, пусть возьмет ее и выпьет. Если нужна вода для омовления, пусть возьмет ее и вымоет ноги.

Во время мытья ног пусть держит воду в одной руке, а другой трет ноги. Нельзя тереть ноги той же рукой, которая держит сосуд с водой.

Затем пусть он попросит тряпку вытереть сандалии, пусть вытрет их. Вытирая сандалии, пусть сначала вытрет их сухой тряпкой, затем влажной. После этого ему следует прополоскать тряпки и положить их отдельно.

Если проживающий здесь бхикку старше его по возрасту, он должен приветствовать его. Если он младше по возрасту, ему следует приветствовать вновь прибывшего. Затем прибывший должен спросить о помещении для себя: "Какое место отведено мне? Занято оно или не занято?" Ему надо также спросить об участке, где нужно просить пищу, о том, какой участок находится за границами его участка, какие семьи считаются воспитанными; он должен ос-

ведомиться, где там находятся отхожие места, где находится вода для питья и для пользования, о посохе для ходьбы, о помещениях, где собираются члены сангхи, о времени прихода и ухода.

Если (во время его прибытия) в доме никого нет, пусть постучит в дверь и затем немного подождет, затем приподнимет задвижку и заглянет внутрь, все еще не входя».

(«Виная-питака» II, 8)

4. Обращение, посвящение, достижение цели

Затем, когда Учитель кончил говорить, Сабхийа, странник, склонил голову к ногам Возвышенного и сказал: «Превосходно, о господин! Подобно тому как человек поднимает то, что опрокинуто, или показывает то, что спрятано, или указывает путь тому, кто заблудился, или держит свет в темноте, чтобы имеющие глаза могли видеть предметы, — точно так же разными способами дхамма была установлена досточтимым Готамой. К досточтимому Готаме иду я, как к убежищу, к дхамме и к сангхе бхикку. Я желаю получить посвящение из рук Возвышенного, я хочу принять членство в сангхе из рук Возвышенного!»

(Учитель сказал:) «Ранее принадлежащий к другой вере, о Сабхийа, желающий получить посвящение и стать членом сангхи в этой дхамме, в этой дисциплине, — он остается на испытании в течение четырех месяцев. По окончании четырех месяцев бхикку с установившимся сердцем дают ему полное посвящение в правила сангхи. Однако я признаю, что могут быть разные люди».

(Сабхийа сказал:) «Если будет так (как сказал Возвышенный), то и я хочу остаться на испытании четыре месяца; а когда они пройдут, пусть бхикку с установившимся сердцем примут меня в члены сангхи и сообщат правила братства».

И вот Сабхийа, странник, получил посвящение и был принят в сангху руками Возвышенного; и вскоре после вступления в сангху досточтимый Сабхийа, живший в уединении, вдали от людей, серьезный, старательный и решительный, в недолгое время достиг самопознания силами своего ума, достиг этой непревзойденной цели святой жизни, для достижения которой члены сангхи должны уйти из дома; так что узнал он наверное: разрушено (для меня) повторное рождение; прожита святая жизнь; выполнена задача; нет более для меня жизни в подобных условиях (т. е. нет перерождения в любом постижимом состоянии).

И досточтимый Сабхийа стал еще одним из арахантов*.

5. Единственный путь — сатипаттхана-сутта

а) Созерцание тела

Так я слышал. Однажды Возвышенный пребывал среди куру; есть город куру, именуемый Каммасадхамма. Там Возвышенный обратился к бхикку и сказал: «О бхикку!» «Да, господин!» — отвечали те бхикку Возвышенному. Тогда Возвышенный говорил так:

* Сомнение относительно старшинства членов сангхи разрешается вопросом: «Сколько васса вы провели, почтеннейший?», т. е. как долго вы носите одеяние?

«Существует единственный путь, бхикку, который ведет к очищению живых существ, к преодолению горя и скорби, к разрушению горя и отчаяния, к достижению способа постичь ниббану, и это — четыре способа установления внимательности, *каттаро сатипаттхана*. Что же это за четыре?»

При этом, бхикку, пребывает бхикку в созерцании тела (как сложного образования); он усерден, полон самообладания и сосредоточен на подчинении алчности и отвращения по отношению к миру. Точно так же поступает он по отношению к чувствам, мыслям и состояниям ума (идеям).

И как же, бхикку, пребывает бхикку в созерцании тела (как сложного образования)?

При этом способе, бхикку, такой бхикку удаляется в лес, или к подножию дерева, или в какое-то уединенное место; там он садится со скрещенными ногами и выпрямленной спиной; сохраняя внимание прямо перед собой, он ровно и внимательно делает вдох и ровно и внимательно делает выдох. Делая долгий вдох, он знает: "Я делаю долгий вдох"; делая долгий выдох, он знает: "Я делаю долгий выдох". Делая короткий вдох, он знает: "Я делаю короткий вдох"; делая короткий выдох, знает он: "Я делаю короткий выдох".

С мыслью: "Я буду вдыхать в полном осознании тела", — упражняется он; с мыслью: "Я буду выдыхать в полном осознании тела", — упражняется он. С мыслью: "Я буду вдыхать, успокаивая состав своего тела", — упражняется он. С мыслью: "Я буду выдыхать, успокаивая состав своего тела", — упражняется он.

И подобно тому, бхикку, как искусный токарь или подмастерье токаря, если он долго точит дерево, знает: "Я долго точу дерево", — а когда недолго точит

дерево, знает: "Я недолго точу дерево", — так и упражняется бхикку, делая вдохи и выдохи.

Так пребывает он внутри тела, или вне его, или вне и внутри, созерцая тело; он пребывает, наблюдая подъем процессов в теле, или их падение, или одновременно подъем и падение. Или же при мысли: "Вот тело", — его внимательность к телу оказывается установившейся в достаточной мере для того, чтобы знать его существование и погрузиться в сосредоточенность. Так пребывает он в непривязанности и не жаждет ничего в этом мире.

Так, бхикку, пребывает бхикку в созерцании тела.

Затем опять-таки, бхикку, когда этот бхикку шагает, осознает он: "Я шагаю"; или когда он стоит, осознает он: "Я стою". Когда он сидит или лежит, он осознает, что он делает; и в любом положении тела он осознает его. Так пребывает он в созерцании тела — внутри, или вовне, или в обоих состояниях — и не жаждет ничего в этом мире.

Затем опять-таки, бхикку, приближаясь или уходя, он действует внимательно. Глядя вперед или назад, сгибаясь или выпрямляясь, во время ношения одеяния, когда несет чашу и верхнюю одежду, он действует внимательно. Во время еды, разжевывая пищу, пробуя ее, испражняясь, он действует внимательно. Во время ходьбы, стояния, сидения, во время сна, во время пробуждения, говоря или сохраняя молчание, он действует внимательно. Так созерцает он тело — внутри, или вовне, или в обоих состояниях — ...и не жаждет ничего в этом мире. Так пребывает бхикку в созерцании тела.

Затем опять-таки, бхикку, рассматривает этот бхикку свое тело от подошв ног до макушки головы. Он видит его как нечто обтянутое кожей и наполнен-

ное разнообразным содержанием, как нечто нечистое, говоря себе: "Вот в этом теле волосы на голове, волосы на теле, ногти, зубы, кожа, мясо, сухожилия, кости и костный мозг; почки, сердце, печень, плевра, селезенка, легкие, желудок, кишки; испражнения, желчь, слизь, кровь, пот, жир, слезы, сукровица, слюна, мокрота; суставная жидкость и моча". Точно так же, бхикку, как если бы имелся мешок с образцами, открытый для каждого, и в этом мешке были бы разные зерна, как рис, кунжут, бобы, стручковый рис, горох; и если бы человек с острым зрением развязал мешок и просмотрел содержимое, говоря: "Это рис, это овес", — и так далее. Точно так же, бхикку, рассматривает бхикку это тело от подошв ног до макушки головы; он видит его как нечто обтянутое кожей и наполненное разнообразным содержимым, как нечто нечистое... Так пребывает он в созерцании тела.

Далее опять-таки, бхикку, созерцает бхикку это тело в его соответствующем месте и положении с точки зрения его существенных свойств таким образом: "Есть в этом теле элементы земли, воды, воздуха и огня..." Так пребывает он в созерцании тела...

Далее опять-таки, бхикку, предположим, что этот бхикку видит мертвое тело, выброшенное на погребальное поле через день после смерти, через два дня или через три дня после смерти, раздувшееся, темное и посиневшее, разлагающееся; и он сравнивает с ним свое собственное тело, говоря: "Вот мое тело; и оно такой же природы; и оно будет таким же; и оно не избежит этой участи!" И так пребывает он внутри тела в созерцании тела; или пребывает он снаружи тела в созерцании тела; или пребывает он внутри и снаружи в созерцании тела... и не жаждет ничего в этом мире. Так пребывает он в созерцании тела.

Затем опять-таки, бхикку, этот бхикку может увидеть тело, выброшенное на погребальное поле и пожираемое воронами, стервятниками, коршунами или собаками, или шакалами, или разнообразными червями. Тогда сравнивает он свое тело с этим, говоря (как выше)... Так пребывает он в созерцании тела.

Далее опять-таки, бхикку, предположим, что этот бхикку видит тело, выброшенное на погребальное поле, — просто скелет, покрытый мясом, кости, удерживаемые лишь сухожилиями; или же скелет, лишенный мяса, лишенный крови и удерживаемый лишь сухожилиями; или видит одни лишь кости, не скрепленные одна с другой, разбросанные во все стороны: здесь лежит кость ступни, там кость голени, там — бедра, или позвоночник, или череп. Тогда сравнивает он свое тело с этим, говоря: "Вот мое тело; и оно такой же природы; и оно будет таким же; и ему не избежать этой участи!" Так созерцает он тело, пребывая внутри или вовне... и пребывает в созерцании тела.

Или опять-таки, бхикку, этот бхикку может увидеть тело, выброшенное на погребальное поле, — просто побелевшие кости, нечто цвета морских раковин, или просто куча костей, лежавших целый год, или кости, рассыпавшиеся в пыль. Тогда он сравнивает свое тело с этим, говоря: "Вот мое тело; и оно такой же природы; и оно будет таким же; и ему не избежать этой участи!"

Так, бхикку, пребывает он внутри тела в созерцании тела; или пребывает он снаружи тела в созерцании тела; или пребывает он внутри и снаружи тела в созерцании тела. Созерцая явления в их возникновении, пребывает он в теле; созерцая явления в их исчезновении, пребывает он в теле; или созерцая явле-

ния в их возникновении и исчезновении, пребывает он в теле. С мыслью: "Вот тело!" — установлена его внимательность к телу в достаточной мере для того, чтобы знать его существование и стать сосредоточенным. Так пребывает он в непривязанности и не жаждет ничего в этом мире.

Вот так, бхикку, пребывает бхикку в созерцании тела».

б) Созерцание чувств

«При этом способе, о бхикку, если ощущает бхикку приятное чувство, осознает он: "Я ощущаю приятное чувство"; или если ощущает он болезненное чувство, осознает он: "Я ощущаю болезненное чувство"; или если ощущает он чувство не приятное и не неприятное, осознает он: "Я ощущаю безразличное чувство".

Или если он таким же образом захвачен приятным, или болезненным, или безразличным чувством по отношению к материальным предметам, или если он захвачен каким-то чувством по отношению к нематериальным предметам, осознает он свое чувство таким же образом.

Так пребывает он внутри чувств, созерцая чувства; или пребывает он снаружи чувств, созерцая чувства, или пребывает он внутри и снаружи чувств, созерцая чувства. Созерцая явления в их возникновении и исчезновении, пребывает он в чувствах; созерцая явления в их возникновении и одновременно исчезновении, пребывает он в чувствах. "Вот чувство!" — говорит он себе; так установлена его внимательность к чувству — в достаточной мере для того, чтобы видеть его существование и стать сосредоточенным. Так

пребывает он в непривязанности и не жаждет ничего в этом мире.

Так, бхикку, пребывает бхикку в созерцании чувств».

в) Созерцание мыслей

«И как же теперь, бхикку, пребывает бхикку в созерцании мыслей, как таковых? При этом способе бхикку осознает страстную мысль как страстную, осознает бесстрастную мысль как бесстрастную; о мысли, полной ненависти, знает он, что она полна ненависти, о мысли, свободной от ненависти, знает он, что она свободна от ненависти. О спутанной мысли знает он, что она спутана, о ясной мысли знает он, что она ясна. Сосредоточенную мысль осознает он как сосредоточенную, рассеянную мысль он осознает как рассеянную. О возвышенной мысли знает он, что она возвышенна; о низменной мысли знает он, что она низка. О мысли, направленной к высшему, знает он, что она направлена к высшему; о мысли, направленной к низшему, знает он, что она направлена к низшему. О сложной мысли, о мысли, состоящей из простых мыслей, о мысли, которая освобождена, о мысли, которая скована, также в каждом случае знает он.

Так пребывает он в созерцании мыслей снаружи, или внутри, или внутри и снаружи. Он созерцает возникновение явлений в мысли, он созерцает их исчезновение, он созерцает также их возникновение и исчезновение. При мысли: "Вот мысль!" — его внимательность к мысли оказывается установившейся как раз настолько, чтобы знать ее существование и стать сосредоточенным. Так пребывает он в непривязанно-

сти и не жаждет ничего в этом мире.

Вот так, бхикку, пребывает бхикку по отношению к мыслям, созерцая мысли».

г) Созерцание объектов ума

«Как же теперь, о бхикку, пребывает бхикку в созерцании объектов ума по отношению к этим объектам?

При этом способе, бхикку, пребывает бхикку в созерцании объектов ума при помощи пяти препятствий.

Как же тогда созерцает он объекты ума?

При этом способе, бхикку, осознает этот бхикку чувственное желание как чувственное желание; и когда у него нет чувственного желания, он знает это. Когда у него возникает чувственное желание, не ощущавшееся ранее, он осознает это. Когда налицо отбрасывание чувственного желания, он осознает это. И он осознает также, когда отвергнутое им подобное желание не возникает вновь.

То же самое происходит по отношению к недоброжелательству, неподвижности и сонливости, волнению и беспокойству и сомнению. Точно так же он осознает каждое из этих препятствий, когда оно налицо или отсутствует, осознает его возникновение, когда оно не ощущалось ранее, осознает его отбрасывание, когда оно ощущается, осознает, что оно не возникает вновь, будучи отброшено.

Так пребывает он в созерцании объектов ума снаружи, внутри или снаружи и внутри... и не жаждет ничего в этом мире.

Так, бхикку, пребывает бхикку в созерцании объектов ума при помощи пяти препятствий».

д) Пять групп вожделений

«Затем опять-таки, бхикку, пребывает этот бхикку в созерцании объектов ума при помощи пяти групп вожделений. Как же он пребывает в таком созерцании?

При этом способе, о бхикку, так размышляет этот бхикку: "Таково тело, таково возникновение тела, таково угасание тела; таково чувство, таково возникновение чувства и так далее. Таково восприятие, таково возникновение восприятия и так далее. Таковы действия... Таково сознание, таково возникновение сознания, таково угасание сознания". Так пребывает он в созерцании объектов ума... (как выше)... при помощи пяти групп вожделений».

е) Шесть сфер чувств

«Затем опять-таки, о бхикку, пребывает бхикку в созерцании объектов ума при помощи шести внутренних и шести внешних сфер чувств. Как же пребывает он в таком созерцании?

При этом способе, бхикку, осознает этот бхикку глаз и объекты зрения; осознает он также и то, какие оковы создаются в силу соединения этих двух; осознает он, как возникают оковы, которых не было раньше, осознает, как отбрасывает оковы уже возникшие, осознает, как в будущем не возникнут отброшенные им оковы.

То же самое и по отношению к уху и звуку, по отношению к носу и запаху, по отношению к языку и вкусу, по отношению к телу и осязанию, по отношению к уму и умственным образам... Так, бхикку, пребывает бхикку в созерцании объектов ума при помощи шести внутренних и шести внешних сфер чувств».

ж) Семь факторов мудрости

«Затем опять же, бхикку, пребывает этот бхикку в созерцании объектов ума при помощи семи факторов мудрости. Как же он пребывает в таком созерцании?

При этом способе, бхикку, если у этого бхикку существует внутренняя (субъективная) внимательность как фактор мудрости, он осознает это; если ее нет, он осознает это. Он (как и ранее) осознает возникновение такой внимательности, дотоле не возникавшей; он осознает ее совершенное развитие, когда она возникла. И точно так же обстоит дело по отношению к другим факторам мудрости, а именно: к проникновению в учение, к энергии, к восторгу, к спокойствию, к сосредоточенности, к уравновешенности.

В каждом случае он осознает их внутреннее (субъективное) присутствие или отсутствие, возникновение каждого из них, которое не возникало раньше, и совершенное развитие каждого из них, когда оно возникло.

Вот так, бхикку, пребывает бхикку в созерцании объектов ума при помощи семи факторов мудрости».

з) Четыре благородные истины

«Наконец, бхикку, по отношению к объектам ума пребывает бхикку в созерцании объектов ума при помощи четырех благородных истин. И как же пребывает он в таком созерцании?

При этом способе, бхикку, осознает бхикку то, что есть: "Вот страдание; вот возникновение страдания, каково оно есть; вот прекращение страдания, каково оно есть; вот путь к прекращению страдания, каков он есть".

(*«Дигха-никая»* продолжает свое описание, анализируя страдание, описанное в другом месте; а описание *«Маджджхима-никаи»* кончается следующим образом:)

И вот, бхикку, каждый, кто станет таким образом практиковать эти четыре пути установления внимательности в течение семи лет (не более), может надеяться на приобретение одного из двух плодов: или он обретет знание в этой самой жизни, или же, если в нем налицо остатки кармы, он обретет состояние того, кто не возвращается.

Но не будет говорить о семи годах, бхикку; каждый, кто будет практиковать эти четыре пути внимательности в течение шести лет, в течение пяти, четырех, трех, двух, одного года, — нет, каждый, кто будет практиковать их таким образом в течение семи месяцев, даже в течение одного месяца, в течение полумесяца, нет, даже в течение семи дней, — он добьется одного из двух плодов: или в этой самой жизни он обретет знание, или же, если в нем налицо остатки кармы, он обретет плод невозвращения.

Именно это, бхикку, имел я в виду, когда сказал раньше: это единственный путь, который ведет к очищению всех живых существ, к преодолению горя и скорби, к разрушению горя и отчаяния, к достижению способа достичь ниббану, а именно: четыре способа, четыре пути установления внимательности».

Так говорил Возвышенный. И эти бхикку радостно слушали то, что говорилось Возвышенным, испытывая восторг от его слов.

(*«Дигха-никая» II, 314–314,*
«Маджджхима-никая» I, 62)

6. Элементы

Так я слышал. Однажды Возвышенный пребывал вблизи Саватхи, в роще Джета, в парке Анатхапиндики. И вот рано утром облачившись и взяв с собой чашу и верхнюю одежду, Возвышенный отправился в Саватхи просить милостыню.

Также и досточтимый Рахула, родной сын Учителя, рано облачившись, взял с собой чашу и верхнюю одежду, последовал за Возвышенным и не отходил от него.

Тогда Возвышенный, оглянувшись, сказал досточтимому Рахуле: «Всякую форму, о Рахула, будет ли она в прошлом, будущем или настоящем, внутренняя или внешняя, грубая или тонкая, высокая или низкая, близкая или далекая, — всякую форму следует рассматривать такой, какова она есть в действительности, при совершенном прозрении: "Это не мое; это не "я"; здесь нет сущности "я".

— Значит, здесь только форма, о Возвышенный, одна лишь форма?

— Нет, Рахула, форма, а также и чувство; форма, а также восприятие, Рахула; деятельность, о Рахула; также и сознание, Рахула.

Тогда подумал досточтимый Рахула: "Кто мог бы сегодня идти в деревню и просить милостыню, получив предупреждение от лица самого Возвышенного?"

Так подумав, он повернул назад, сел у корней некоторого дерева, скрестив ноги, выпрямив туловище и внимательно сосредоточившись на стоящей перед ним задаче.

И вот досточтимый Сарипутта увидел так сидящего досточтимого Рахулу и обратился к нему: "Практикуй внимательность при вдохе и выдохе, о Рахула;

ибо если эта практика будет возрастать, она даст великий плод, принесет большую пользу”.

И вот досточтимый Рахула встал после своего уединения вечером, отправился к Возвышенному и, явившись к нему, отдал приветствие и сел подле него. Усевшись, досточтимый Рахула так обратился к Возвышенному:

— Господин, прошу Вас, объясните, как эта практика внимательности при вдохе и выдохе, если ее расширить, приносит большую пользу, великий плод?

— Всякое плотное, твердое вещество, о Рахула, которое собрано в тебе лично, как волосы на голове, волосы на теле, ногти, зубы, кожа, мясо, сухожилия, кости, костный мозг, почки, сердце, печень, плевра, селезенка, легкие, кишки, брюшина, желудок, нечистоты, — это, о Рахула, называется личным элементом земли. Как этот личный элемент земли, так и внешний элемент земли называются таким именем: “элемент земля”. Это ты должен рассматривать, как оно есть в действительности, при совершенном прозрении: “Это не мое; это не “я”; здесь нет сущности “я”. Рассматривая это таким образом, человек отталкивается от элемента земли и очищает он него свое сердце.

И что же такое, о Рахула, элемент воды?

Это может быть личный элемент воды, это может быть и внешний элемент воды. А что же это такое, о Рахула, личный элемент воды?

Всякая вода, всякая жидкость, собранная лично в тебе, как желчь, слизь, гной, кровь, пот, лимфа, слезы, суставная жидкость, слюна, сукровица, жир, моча — все, что имеет природу жидкости и собралось в тебе лично, о Рахула, — это называется личным эле-

ментом воды. Оба они — личный элемент воды и внешний элемент воды — называются элементом воды; и его надо рассматривать (как я сказал тебе) точно так же, как элемент земли. Рассматривая его таким образом, человек отталкивается от элемента воды и очищает от него свое сердце.

И что же такое элемент жара, о Рахула?

Это может быть личный элемент жара и внешний элемент жара.

Так вот, о Рахула, что такое личный элемент жара?

Всякий жар, всякий элемент, обладающий природой горения, все, собравшееся внутри тебя лично и вызывающее согревание, пищеварение, поглощение; благодаря чему съеденное, выпитое, разжеванное, испробованное полностью переваривается — и все прочее, обладающее подобной природой, собранное внутри тебя лично, о Рахула, — это называется личным элементом жара. Этот элемент и внешний элемент жара носят одно и то же название элемента жара. И его также надо рассматривать, как я сказал тебе ранее.

И что такое, о Рахула, элемент воздуха?

Это может быть личный элемент воздуха, может быть и внешний элемент воздуха, может быть и внешний элемент воздуха. Что же такое, о Рахула, личный элемент воздуха?

Всякий воздух, все, имеющее природу ветра и собранное внутри тебя лично, как дыхание, идущее вверх и вниз, ветер живота, ветер кишок, жизненные ветры, которые проходят сквозь члены, вдыхаемый и выдыхаемый воздух — все это называется личным элементом воздуха. Этот элемент и внешний элемент воздуха называются тем же именем — элемент воз-

духа. И его следует рассматривать так же, как я сказал тебе.

И что такое, Рахула, элемент пространства?

Это может быть личный или внешний элемент пространства.

Что же такое, о Рахула, личный элемент пространства?

Всякое пустое пространство, все, что имеет природу пустоты, собранное внутри тебя лично, как полости уха, носа, рта, полости, в которые поступает пища, в которых она сохраняется, по которым она выводится, — все такие полости называются одним и тем же именем: элемент пространства. Оба эти элемента — личный элемент пространства и внешний элемент пространства — называются одним и тем же именем: элемент пространства. И его тоже необходимо рассматривать так же, как я показал тебе.

И вот, Рахула, выполняй свою практику медитации подобно земле. Если ты будешь практиковать таким образом, все соприкосновения, доставляющие наслаждение, не завладеют твоим умом, не установятся в нем. Точно так же, как люди одинаково бросают на землю чистое и грязное, нечистоты, навоз, мочу, слюну, гной и кровь, и все же земля при этом не тревожится, не беспокоится, не испытывает отворачивания, — так и ты совершай свою практику подобно земле, о Рахула. При такой практике все приятные соприкосновения не захватят твой ум, не укрепятся внутри него.

То же самое и с водой: выполняй свою практику медитации подобно воде. Ибо точно так же, как люди одинаково моют в воде чистое и грязное... (как сказано выше о земле)... однако вода при этом не трево-

жится, не беспокоится, не испытывает отвращения — так и ты совершай свою практику подобно воде.

То же самое и с огнем... Ибо точно так же, как огонь одинаково сжигает чистое и грязное, но при этом не тревожится, не беспокоится, не испытывает отвращения (но одинаково сжигает все), так и ты совершай свою практику подобно огню.

То же самое и с воздухом... Как ветер одинаково уносит вещи чистые и грязные, но при этом не тревожится, не беспокоится, не испытывает отвращения, — так и ты совершай свою практику подобно ветру.

То же самое и с пространством... Ибо как пространство не установлено где бы то ни было, так (без привязанности) совершай ты свою практику... При такой практике, о Рахула, все приятные соприкосновения не захватят твоего ума, не укрепятся внутри него.

Практикуйся и в любящей доброте, о Рахула, ибо благодаря такой практике будет оставлена всякая враждебность. Практикуйся в сострадании, о Рахула, ибо таким образом будет оставлена всякая раздражительность. Практикуйся в симпатии, о Рахула, ибо таким образом будет оставлена всякая неприязнь. Практикуйся в уравновешенности, о Рахула, ибо таким образом будет оставлено всякое отвращение. Подобным же образом медитируй о безобразном, о Рахула, ибо таким образом будет оставлена всякая чувственность. Медитируй о непостоянстве, Рахула, ибо таким образом будет оставлено всякое самомнение»*.

(«Маджджхима-никая» I, 420–425
с сокращением повторений)

* Следующий раздел содержит ответы на вопросы Рахулы о дыхании, о чем сказано выше, в «Сатипаттхана-сутте».

7. Инаковерующим

(Аскет Нигродха полагает, что Учитель желает опровергнуть взгляды и практику других сект. Ему показан универсальный характер дхаммы.)

«Теперь вот что скажу я тебе, Нигродха: "Пусть приходит ко мне каждый разумный человек, бесхитростный, не обманщик, а прямодушный. Я научу его, я покажу ему дхамму. И если он будет практиковаться согласно моим наставлениям, самостоятельно познавая и постигая дхамму, тогда даже в этой жизни, в этой непревзойденной святой жизни, ради которой люди высших каст уходят из дома и становятся полностью бездомными, — и он также узнает и постигнет все в течение семи лет. Семи лет, говорю я? Почему же, Нигродха, если будет делать все, как я сказал, даже в течение шести, пяти, четырех, трех, двух, даже в течение года, полугода, пяти, четырех, трех, двух месяцев, даже месяца... нет, если он будет так практиковать семь дней, о Нигродха, такой человек, придя ко мне, должен будет прийти к постижению...

Теперь я говорю это, Нигродха, не желая подчинять людей, не желая заставлять других отпасть от обетов их веры, не желая вынуждать других оставить свой образ жизни, не желая утвердить тебя на неправильных путях или оставить верные пути. Это не так! Но, Нигродха, бывают дурные вещи, их нельзя устранить; вещи, связанные с разрушением, притягивающие человека к повторному рождению, вызывающие боль и страдание в качестве своих плодов; вещи, относящиеся к повторному рождению, разрушению и смерти, происходящим в соответствующее время. Для того именно, чтобы отвергнуть эти вещи,

я учу тебя дхамме, учу пути, согласно которому эти вещи, связанные с разрушением, должны быть тобою отвергнуты, а вещи полезные должны увеличиться, благодаря которому уже в этой нынешней жизни человек при помощи собственных сверхъестественных сил должен достичь понимания и пребывать в полном знании и осуществлении совершенной мудрости».

(«Дигха-никая» III, 56–57)

Глава 5

ЯЗЫК

1. Беспольные разговоры

И вот в то время группа из шести бхикку имела обыкновение вставать ночью, до рассвета; затем, надев деревянные башмаки, они обычно расхаживали взад и вперед на открытом воздухе, разговаривая громкими, пронзительными голосами, сморкаясь и отплевываясь; они занимались всевозможной праздной болтовней: разговаривали о царях и государственных министрах, о войсках, о грабителях, о страхе; рассказывали повести о битвах; говорили о пище, питье, одежде, кроватях, помещениях; о гирляндах цветов, о благовониях, о своих соплеменниках, о колесницах; о деревнях, пригородах, городах, о провинциях; о женщинах и воинах; пересказывали уличные сплетни и передавали слышанное у колодцев, рассказывали о привидениях, повторяли всевозможные истории о мире и об океане, о вещах существующих и несуществующих. Болтая таким образом, они затаптывали до смерти разных насекомых и, сверх того, отвлекали других бхикку от их практики медитации*.

* Это перечисление праздных разговоров находится в «Дигханикае» III, 36–37. Здесь оно приведено для того, чтобы создать графический эффект случая с деревянными башмаками, вследствие чего эти бхикку получили от Учителя строгое порицание, а ношение деревянных башмаков было запрещено. Эти шесть бхикку были ранее последователями Ассаджи и Пуннабалу; впоследствии их изгнали из сангхи.

2. Благородная речь

*«Говорящие гневно, полные злобы и гордости
При встречах привязываются к ошибкам
друг друга;
Они наслаждаются, порицая и отыскивая
ошибки,
Им приятна неудача соперника. Но благородные
Никогда не пойдут по такому пути.
Если встречается такой человек
с правильной речью,
Он знает надлежащее время, и его речь
Касается праведности; он практикует
правильную речь.
Так говорит мудрец, безгневный, хорошо
воспитанный,
Сдержанный, смиренного ума; он не говорит
авторитетным тоном,
Не любопытствует, но разумно произносит
приятные слова;
Он приветствует мир добрых, отвергает злых,
Не делает упреков, не выискивает ошибки,
Не возражает сопернику, не стремится
опровергнуть его
Или делать выводы. Поистине, слова
Благородного человека столь же приятны,
сколь и полезны!
Так говорит благородный, такова
благородная речь;
Зная это, мудрые должны быть
смирненными в речи».*

(«Ангуттара-никая» I, 199)

3. Молчание I

(Аджтасатту, раджа Магадхи, ночью приглашен детским врачом Дживакой посетить учителя.)

«Тогда Дживака приготовил пятьсот слоних и царственного слона для великого царя и передал ему следующее: "Слоны уже оседланы. Да соблаговолит Его величество сделать то, что считает разумным!"

Тогда Аджтасатту, раджа Магадхи, сын царевны Видеха, повелел, чтобы пятьсот его женщин сели на слоних, каждая женщина на слонихе; а сам он воссел на царственном слоне — и при свете факелов выехал со всей своей царской пышностью к манговой роще Дживаки, где пребывал Возвышенный.

И вот когда великий царь Аджтасатту приблизился к манговой роще, охватил его страх и трепет, так что каждый волос на его теле встал дыбом; и он воскликнул, обращаясь к Дживаке: "Поистине, мастер Дживака, ты обманываешь меня! Поистине, мастер Дживака, ты шутишь со мной! Не замыслил ли ты отдать меня в руки врагов моих, Дживака?"

(Успокоенный Дживакой, он продолжал:)

"Как же это так, что мы не слышим, чтобы кто-нибудь чихнул или откашлялся, не слышим ни единого звука во всей этой общине нищенствующих, насчитывающей, как ты сказал, тысячу двести пятьдесят человек?"

Пусть не опасается махараджа! Пусть не страшится великий царь! Я не обманываю великого царя, не шучу с ним; и не собираюсь я передать махараджу в руки его врагов. Да шествует вперед великий царь! Прямо вперед, великий царь! Видит ли великий царь, как горят светильники там, под крышей?"

Тогда махараджа поехал верхом вперед, пока позволяла дорога; затем он подошел к укрытию пешком. Затем он спросил у Дживаки: "Где же находится Возвышенный, о мастер Дживака?"

"Вон Возвышенный, о махараджа! Посмотрите, махараджа, вон сидит Возвышенный у самого среднего столба, обратившись лицом к востоку, окруженный нищенствующими!"

Тогда царь Магадхи Аджатасатту подошел ближе к Возвышенному и стал в стороне. Стоя так, он смотрел во все глаза на общину, сидевшую в совершенном молчании, спокойную, как пруд с прозрачной, чистой водой.

Затем воскликнул он: "О да будет мой сын, царевич Удаи, Счастливый Юноша, благословен тем же миром и спокойствием, каким ныне благословенна эта община нищенствующих!" » *

4. Молчание II

Однажды Возвышенный пребывал в Саватхи, в восточном парке, в высоком доме матери Мигары. И вот в этот раз Возвышенный сидел, окруженный сангхой; был последний день недели. Тогда Возвышенный, осмотрев сангху и всех бхикку, сидевших в совершенном безмолвии, так обратился к ним:

«О бхикку, эта наша община утверждена в реальности, в наивысшей чистоте; и в ней отброшена всякая праздная болтовня. Такой сангхе, как наша, такой общине, как наша, о бхикку, трудно удержаться во всем этом мире.

* Согласно «Анагата-вамсе», т. е. «рассказу о будущем», позднейшей работе, этим юношей был бодхисаттва Меттея.

Такая сангха, такая община, как эта, достойна почестей, достойна почитания, достойна даров, достойна воздетых вверх рук, как знака поклонения; это — поле непревзойденной заслуги во всем мире.

Даже небольшой дар такой сангхе, такой общине, будет велик, а большой дар — еще более велик.

Чтобы увидеть такую сангху, такую общину, как эта, о бхикку, вполне можно было бы пуститься в путь за много йоджан с кожаным заплечным мешком, в котором носят пищу.

Такова, о бхикку, эта сангха нищенствующих».

(Далее Учитель продолжает разговор о том, как эта община заключает в себе все степени великих людей, некоторые из которых достигли мира дэвов, некоторые — мира Брахмы, некоторые — состояния невозмутимости, а некоторые — совершенства ниббаны.)

5. Благородное молчание III

Так я слышал. В одном случае Возвышенный находился вблизи Саватхи, в роще Джета, в парке, подаренном Анатхапиндикой.

Тогда досточтимый Могальяяна Великий обратился к бхикку:

«Друзья и братья!»

«Да, друг!» — ответили эти бхикку Могальяяне Великому.

Затем сказал досточтимый Могальяяна Великий: «Вот, друзья, когда я был отшельником и жил в полном уединении, пришла мне случайно на ум такая мысль: "Благородное молчание!.. Говорят о благородном молчании... А что же означает это благородное молчание?"

Тогда, друзья, подумал я так: вот при нем некий бхикку, благодаря подавлению случайных мыслей и исследованию, вступил во вторую джхану и пребывает в ней, в состоянии внутреннего спокойствия сердца, сосредоточенности на объекте, свободный от случайных мыслей и исследований, в состоянии энтузиазма и легкости, достигаемом душевным равновесием. Это и называется благородным молчанием.

И вот я, друзья, подавив случайные мысли и исследования, вступил во вторую джхану и пребывал в ней... в состоянии энтузиазма и легкости; и когда я пребывал в этом состоянии, о друзья, мне на ум приходили образы, создания ума, сопровождаемые случайными мыслями.

Тогда, о друзья, Возвышенный своей чудесной силой пришел ко мне и сказал: "Могальяна, Могальяна, не покидай благородного молчания! Укрепи твой ум в благородном молчании! В благородном молчании сделай свой ум единственным судьей! В благородном молчании уравновесь свой ум!" »

(«Самъютта-никая» II, 273)

6. Благородное молчание IV

Как-то раз многие бхикку собрались в обители брахмана Раммаки и были заняты благочестивой беседой.

Тогда Возвышенный стал в портике за дверью, ожидая, когда беседа подойдет к концу. Затем, увидев что она закончилась, Возвышенный кашлянул и стукнул щеколдой. Эти бхикку отворили дверь Возвышенному.

Тогда Возвышенный вошел в обитель брахмана Раммаки и сел на приготовленном для него месте. Усевшись, он так обратился к бхикку:

— Что это было, о бхикку, о чем вы говорили, собравшись здесь, каков был предмет только что прерванной беседы?

— Это о Возвышенном беседовали мы, господин, и как раз прекратили разговор, когда пришел Возвышенный.

— Хорошо сказано, бхикку! Подходящее для вас занятие, бхикку, как членов высших каст, ушедших из дома в силу веры, чтобы жить бездомной жизнью, вот так собираться и заниматься благочестивой беседой. Встречаясь, о бхикку, вы должны делать одно из двух: или вести благочестивую беседу, или хранить благородное молчание.

*(«Маджджхима-никая» I, 161
ср. «Удана», стр. 11)*

7. Обида

И вот досточтимый Тисса, племянник отца Возвышенного, явился перед Возвышенным, приветствовал его и сел около него, печальный, мрачный, проливающий потоки слез.

Тогда Возвышенный так обратился к досточтимому Тиссе: «Что случилось, Тисса? Почему ты сидишь здесь, печальный и мрачный, проливая потоки слез?»

— Господин, это потому, что бхикку единодушно смеются надо мною и дразнят меня.

— Тогда, Тисса, это потому, что ты сам не способен сдерживать свой язык и злословишь остальных.

И вот, Тисса, не подобает тебе, человеку высшей касты, оставившему дом и ушедшему для бездомной жизни, иметь острый язык и не выносить языка других. Кто подобно тебе имеет острый язык, должен также терпеть язык других людей.

Так говорил Возвышенный. Когда Благотворитель сказал это, он прибавил далее:

*«Почему ты гневен? Не сердись, о Тисса!
Мягкость приличествует тебе, а также
воздержание
От гнева, самомнения, лицемерия;
это лучше всего
Для этого мы и живем праведной жизнью».*

(«Самгютта-никая» II, 280)

8. Терпимость к обиде

(Бхикку Пхаггуна был оскорблен другими. Возвышенный сказал:)

«Поэтому, Пхаггуна, если кто-то оскорбит тебя в лицо... если ударит кулаком или швырнет в тебя ком земли, или ударит палкой или нанесет удар мечом, — тебе следует все же отбросить все мирские соображения и таким образом воспитывать себя: "Мое сердце должно оставаться непоколебимым; я не произнесу ни одного злого слова; я буду пребывать в сочувствии к благу другого, в доброте сердца, не проявляя негодования". Так надобно тебе воспитывать себя, Пхаггуна».

(«Маджджхима-никая» I, 124)

9. Воздаяние добром за зло: (Притча о пиле)

«О бхикку, есть пять способов речи, с которой к вам могут обращаться другие люди: речь, соответствующая времени или не соответствующая ему; речь правдивая или лживая; мягкая или резкая; ведущая к выгоде или к убытку; речь добрая или обидная.

Когда люди говорят о вас дурно, вам необходимо так воспитывать себя: наше сердце должно быть непоколебимым; нам не следует произносить ни одного злого слова; мы должны пребывать в сочувствии к благу других, в доброте сердца без обиды; человека, говорящего таким образом, мы пропитаем мыслями, сопровождаемыми любовью; и мы пребудем в таком настроении; сделав это состояние ума своей опорой, мы затопим весь мир мыслями любви, далеко идущими, распространяющимися вширь, безграничными свободными от ненависти и недоброжелательства; и мы пребудем в этом состоянии. Так, о бхикку, надлежит вам воспитывать себя.

Более того, о бхикку, даже если бы грабители с большой дороги распиливали вас на куски двуручной пилой, если бы у кого-то из вас при этом ум оказался оскорблен, — такой человек не мог бы оставаться последователем моей вести. Именно так (как сказал я вам) должны вы воспитывать себя...

И эту притчу о пиле, которой я вас научил, вспоминайте снова и снова. Разве не видите вы, бхикку, что в ней нет ни одного слога, большого или малого, с которым вы не должны были бы согласиться?

— Конечно, господин.

— Поэтому, о бхикку, помните об этой притче о пиле, которой я вас сейчас научил, ибо она должна

послужить вашей пользе, вашему благополучию на много долгих дней».

(«Маджджхима-никая» I, 128–129)

Он обесчестил меня, он избил меня, он подчинил меня, он победил меня и ограбил — погруженный в такие мысли человек никогда не успокоит свою ненависть.

Он обесчестил меня, он избил меня, он подчинил меня, он победил меня и ограбил — отвергнувший такие мысли человек быстро успокоит свою ненависть.

Никогда ненависть не успокаивается ненавистью, но только отсутствием ненависти (успокаивается ненависть).

Таков древний закон.

(«Дхаммапада» 3, 4)

10. Ошибочная речь

(Возвышенный обращается к брахманам Сала, отцам семейств из племени Косаланов:)

«И вот, отцы семейств, каковы четыре недостойные практики речи?

Вот случай, отцы семейств: человек этот лжец. Когда он отправляется в суд, или в собрание, или идет в общество родственников, или к народу, или к царским министрам, его приводят и велят давать показания, (говоря):

"Ну, добрый человек, скажи, что ты знаешь".

Тогда он, хотя и не знает, говорит: "Знаю"; или, зная, говорит: "Не знаю"; или, не видев, говорит: "Я видел"; или, видев, говорит: "Я не видел". Так, чтобы спасти себя или других, или ради какой-то пустячной выгоды он намеренно говорит ложь.

Или еще: он оказывается сплетником. То, что он собирает здесь, он рассказывает во всеуслышание в другом месте, чтобы вызвать там разлад. То, что он собрал там, он рассказывает во всеуслышание в другом месте, чтобы вызвать разлад здесь. Так, он оказывается разрушителем дружбы; он не мирит ссорящихся, а находит удовольствие и радость в ссорах, веселится в ссорах и произносит слова, вызывающие ссоры.

Или это человек с грубой речью; его слова оскорбительны и грубы, резки по отношению к другим; он порицает других, оскорбляет их; ум его неуравновешен. Такова речь (его), которой он предается.

Или это празднослов, который занят неуместной болтовней, говорит о несуществующих и ненужных вещах. Он без стеснения говорит о недостойных предметах, произносит слова, которые не стоит сохранять в памяти, неуместные, несвоевременные, без разбора, не считаясь с пользой.

Таковы, отцы семейств, четыре недостойные практики речи».

(«Маджджхима-никая» I, 41)

11. Словесная война

«Как же сделать, чтобы не вести с другими словесной войны?

Для этого, о отцы семейств, бхикку не говорит таким образом: "Ты ничего не знаешь; ты ничего не понимаешь в этой дисциплине дхаммы; я же знаю. Как можешь ты знать о ней что-нибудь? Твои взгляды неправильны, а я придерживаюсь верных взглядов. Ты ставишь на последнее место то, что следует ставить на первое, а на первое — то, что надобно ставить на вто-

рое или на последнее. Я говорю по существу, а ты — нет. То, что ты так долго обдумывал, не имеет основы. Твое мнение безосновательно. Иди, объясняйся; видно, что ты за человек. Исправся, если можешь". Так, отцы семейств, ведет себя тот, кто пребывает в словесной войне с другими».

*«Покинув дом, в своих скитаниях,
Бездумный мудрец более не связан с людьми.
Он лишен желаний, он не вызывает
предпочтения
И ни с кем более не ведет словесной войны».*

(«Самзютта-никая» III, 11)

12. Ссоры

В Саватхи... Тогда сказал Возвышенный:

«Я не нахожусь в ссоре с миром, о бхикку. Это мир находится в ссоре со мною. Никто из проповедующих дхамму, о бхикку, не пребывает в ссоре ни с кем в мире.

О том, что не имеет опоры в мире, о бхикку, — об этом я утверждаю: этого нет. О том, что имеет опору в мире мудрецов, об этом я утверждаю: это так. И что же это такое, бхикку, что не имеет опоры в мире мудрецов, о чем я утверждаю: этого нет? Что тело постоянно, устойчиво, вечно, не подвержено распаду. Именно это не имеет опоры в мире мудрецов, и об этом я утверждаю: этого нет. Чувство, восприятие, деятельность, сознание постоянны, устойчивы, вечны, не подвержены распаду — это не имеет опоры в мире мудрецов, и об этом я утверждаю: этого нет».

(«Самзютта-никая» III, 94)

Глава 6

УСТОЙЧИВОСТЬ ОБЩИНЫ

Условия устойчивости общины

И вот в то время досточтимый Ананда стоял позади Возвышенного и обмахивал его опахалом. И сказал Возвышенный досточтимому Ананде:

«Как, Ананда? Слышал ли ты, что ваджджьяны снова собираются в большом числе?»

«Я слышал это, господин».

«Хорошо, Ананда; пока ваджджьяны должны снова собираться вместе в большом числе, до тех пор можно стремиться к их процветанию, а не к упадку.

... Пока, о Ананда, ваджджьяны собираются в согласии и расходятся в согласии; пока они заняты делом в согласии; пока они не вводят никаких необычных установлений и не разрушают существующие установления, придерживаются старой дхаммы ваджджьянов, которая уже установлена; пока они почитают, уважают, ценят старейших среди ваджджьянов, считают необходимым прислушиваться к их словам; пока к женщинам и девушкам общины не применяют принуждения или беззакония; пока они почитают, уважают и ценят святителища ваджджьянов, как внутреннее, так и внешние; пока они не прибегают к отрицанию принятых приношений; пока хорошо соблюдают присмотр и уход за живущими среди них арахантами, так чтобы те могли свободно входить в их область и пребывать там в удобстве, — пока они делают все это, о Ананда, да приведет все это к процветанию ваджджьянов, а не к их упадку!»

(«Дигха-никая» II, 73)

Условия устойчивости сангхи

Тогда, обратившись к бхикку, сказал Возвышенный:

«Я научу вас, бхикку, семи вещам, которые препятствуют распаду. Слушайте же со вниманием, напрягайте свой ум, и я стану говорить».

«Слушаем, господин», — ответили те бхикку Возвышенному. И тогда он сказал:

(1) «Пока, о бхикку, все бхикку по-прежнему будут собираться вместе в большом числе, до тех пор можно ожидать процветания сангхи, а не упадка. Пока бхикку собираются в согласии и в согласии расходятся, пока они заняты делом сангхи в согласии; пока они не вводят никаких неожиданных установлений, не разбивают существующих установлений, а живут согласно принятым обязанностям;

Пока старшие члены сангхи, люди, прожившие много дней, давно получившие посвящение, отцы сангхи, ее верующие члены, — пока их уважают, почитают, высоко ценят, пока к их словам относятся со вниманием;

Пока бхикку не подпадают под власть вождельний, возникновение которых ведет к повторным рождениям;

Пока будут существовать бхикку, которые любят жизнь в лесу и в лесной обители;

Пока бхикку утверждают во внимательности с мыслью: да придут сюда в будущем собратья по праведной жизни, да живут счастливо те, которые уже пришли;

Пока, о бхикку, будут прочно установлены эти семь вещей, которые предотвращают распад, пока

бхикку будут наставлены в них, — до тех пор благополучие бхикку будет продолжаться и не возникнет распад».

(2) «Я научу вас, бхикку, семи другим условиям, которые предотвращают распад. Слушайте внимательно, напрягайте ум. Я буду говорить.

"Да, господин", — ответили Возвышенному эти бхикку. Возвышенный сказал:

"Пока бхикку не поглощены (мирской) деятельностью, пока они не оказались замешаны в дела, не предаются им;

Пока бхикку не сплетничают, не поглощены сплетнями, не предаются им;

Пока бхикку не стали медлительными, любящими поспать, сонными;

Пока бхикку не преданы общению, не наслаждаются общением, не отдаются общению;

Пока бхикку не стали рабами дурных желаний;

Пока бхикку не стали друзьями, товарищами, помощниками дурных людей;

Пока бхикку не остановились на пути, достигнув совершенства лишь в малом;

До тех пор, о бхикку, пока будут утверждены эти семь условий, препятствующих распаду, и бхикку будут наставлены в них, — до тех пор, о бхикку, следует ожидать их процветания, а не упадка».

(3) «Я научу вас, бхикку, еще другим семи условиям, которые предотвращают упадок...

Пока бхикку верны, скромны и совестливы, обладают широким знанием, неудержимой энергией, устойчивой внимательностью, полны мудрости, — до тех пор следует ожидать их благополучия, а не упадка».

(4) «Семи другим (подобным) условиям я научу вас, бхикку...

Пока бхикку будут практиковать ту часть мудрости, которая именуется внимательностью, часть мудрости, состоящую в проникновении в суть вещей, состоящую в энергии, восторге, спокойствии, сосредоточенности и уравновешенности ума,.. до тех пор следует ожидать их процветания, а не упадка».

(5) «Семи другим условиям, которые предотвращают упадок, я научу вас, бхикку...

Пока бхикку практикуют постижение непостоянства, нереальность "я", нечистоты, окружающих опасностей, отрешенности, бесстрастия, прекращения желаний, — до тех пор можно ожидать их процветания, а не упадка».

(6) «Я научу вас, бхикку, еще шести условиям, предотвращающим упадок.

Пока бхикку продолжают (привычку) добрых слов, добрых дел и добрых мыслей втайне или открыто;

Пока они продолжают оставаться бесстрастными соучастниками и сотрудниками всевозможных законных выгод и приобретений, которые могут выпасть на их долю, даже вплоть до всего лишь содержимого чаш для подаяния, пока они будут делиться ими со своими добрыми собратьями по праведной жизни, —

Пока бхикку будут продолжать оставаться несокрушимыми, неразделенными и не запятнанными той практикой, которая дает освобождение, которую восхваляют мудрые, которой не пользуются в дурных целях, которая ведет к сосредоточенности, пока они будут пребывать, одаренные добродетелями та-

кой практики совместно со своими сотоварищами по праведной жизни, втайне или открыто, —

Пока бхикку будут пребывать, одаренные правильным пониманием, т. е. пониманием благородных истин, которое ведет к спасению, которое приводит того, кто неукоснительно ему следует, к полному разрешению страдания, — вместе со своими сотоварищами по праведной жизни втайне или открыто, —

До тех пор следует ожидать процветания общины бхикку, а не ее упадка».

(«Дигха-никая» II, 77–80)

«И вот, когда Возвышенный находился вблизи Раджгахи, на горе Коршуна, он дал бхикку это благочестивое наставление о вещах, которые включают друг друга:

"Такова правильная практика, такова сосредоточенность, таково прозрение;

Сосредоточенность внутри правильной практики приносит великий плод, великую пользу.

Прозрение внутри сосредоточенности приносит великую пользу, великий плод;

Ум внутри прозрения полностью свободен от асав, а именно: от асав чувственных желаний, неправильных взглядов и незнания"»*.

(«Дигха-никая» II, 81)

Наставление для бхикку

Тогда сказал Возвышенный:

«Потому вы, Кунда, кому были показаны вещи, в которые я проник, встречаетесь вместе и вместе слу-

* Иногда к этому перечню добавляется четвертая *асава*, именно, *бхавасава*, желание продолжающегося существования.

шаєте их, сравнивая значение с другими значениями, выражение с другими выражениями, не входя по этому поводу в пререкания; так что этот образ святой жизни может быть продолжительным и устойчивым, полезным для многих, способствующим блаженству многих, состраданию к миру, пользе, выгоде, блаженству дэвов и людей.

И каковы же, Кунда, те вещи, в которые я проник, которые показал вам и которые вам нужно повторять вместе?..

Это четыре пути установления внимательности; четыре превосходных усилия, четыре пути воли, пять господствующих способностей, пять сил, семь факторов мудрости и Благородный Восьмеричный Путь.

Это и есть, Кунда, вещи, в которые я проник, которые показал вам и которые вы должны повторять совместно... как я сказал... для блага дэвов и людей».

(«Дигха-никая» III, 127)

Избыток веселья

«В благородной дисциплине, о бхикку, музыка вызывает сожаление; в благородной дисциплине пляски — чистое безумие; в благородной дисциплине смех, при котором видны зубы, — это ребячество.

И поэтому, бхикку, разбейте мост, который приводит к музыке, пляскам, смеху. Достаточно для вас просто улыбнуться, если есть причина показать свое удовольствие».

(«Ангуттара-никая» I, 261)

Внимательный, полный самообладания

И вот в Весали Возвышенный остановился в роще Амбапали. По этому случаю Возвышенный обратился к бхикку и сказал:

«О бхикку, да пребывает каждый из бхикку внимательным, полным самообладания. Таков мой совет вам. И как же, о бхикку, пребывает бхикку в состоянии внимательности?»

При этом, бхикку, видит такой бхикку тело как составное образование и остается усердным, спокойным, внимательным, подчиняя себе ту алчность и недовольство, которые свойственны миру. Так, о бхикку, пребывает бхикку в состоянии внимательности.

И как, бхикку, пребывает такой бхикку в состоянии самообладания?»

При этом, о бхикку, уходя из своего жилища и возвращаясь в него, бхикку действует спокойно и обдуманно. Глядя вперед и оглядываясь назад, он действует обдуманно. Сгибая или вытягивая (руку или тело), он действует обдуманно. В одеянии и с чашей, во время еды, питья и глотания, в отправлении естественных надобностей, во время ходьбы, стояния, сна, бодрствования, в разговоре или сохраняя молчание, он действует спокойно и обдуманно. Так, бхикку, пребывает бхикку в состоянии самообладания.

Так пусть же бхикку пребывает внимательным, полным самообладания. Это мой совет вам, бхикку».

(«Дигха-никая» II, 94, 95)

Будьте честными и добродетельными,

энергичными и разумными.

Будьте цельными и уравновешенными,

тщательно исследуйте Дхамму.

Будьте совершенны в знаниях, добросовестно
практикуйте.

Полностью и точно концентрируйте свои мысли —
так как вы быстро отсечете всю массу скорби и горя.
(«Дхаммапада» 144)

Раскаяние в ошибках

(Некоторые бхикку изгнали другого бхикку из сангхи и пришли к Учителю, чтобы раскаяться в своей ошибке.)

Тогда эти бхикку встали со своих мест, накиннули одежды на одно плечо, припали к ногам Возвышенного и сказали ему:

«Господин, нас обуял грех; таково было наше безумие, такова была наша глупость, такую мы совершили ошибку — безосновательно, без причины изгнали нашего бхикку, который был чист и безупречен. Да примет Возвышенный, да примет господин это (наше раскаяние) в вине, как таковой, для нашего самообуздания в будущем».

«Поистине, бхикку, вы совершили грех; таково было ваше безумие, такова была ваша глупость, таков была ваша ошибка, что вы безосновательно, без причины изгнали бхикку, который был чист и безупречен. Тем не менее, бхикку, поскольку вы увидели свой грех как грех, поскольку вы раскаялись в нем, раскаялись должным образом, я принимаю ваше раскаяние. Ибо это, о бхикку, есть рост в благородной дисциплине, когда мы, видя свой грех как таковой, раскаяваемся в нем должным образом для будущей практики самообуздания».

(«Виная. Махавагга» IX, I)

Отпадение

Возвышенный сказал:

«Однажды, о бхикку, на корзине, куда собирают сор, стоял кот и так думал: "Как только мышь станет искать еду и вылезет из норы, я поймаю ее и съем".

И вот, бхикку, вылезает эта мышь в поисках еды, а кот прыгнул на нее внезапно, поймал и проглотил. Но мышь вгрызлась в его внутренности изнутри, а вследствие этого кот, чувствуя смертельную боль, издох.

Точно так же, бхикку, когда какой-то бхикку встает в ранний час, облачается в одежды, берет чашу и верхнее одеяние, входит в деревню или предместье города, чтобы собирать милостыню с неподвластными телесными ощущениями, с неустойчивой внимательностью, необузданными чувствами.

И вот он случайно видит каких-нибудь женщин, легко одетых или полуодетых; и при виде женщин в таких одеяниях страсть мучит его ум. А когда его ум испытывает такие мучения, ужаленный страстью, он находит смерть или смертельную боль.

И в этом случае, бхикку, смерть означает прекращение обучения благородным дисциплинам и возврат к низшей (мирской) жизни; "смертельная боль", о бхикку, означает подпадание под действие какого-то тяжелого расстройства, (но) расстройства такого вида, от которого можно излечиться.

Поэтому, бхикку, вы должны так воспитывать себя: настороже в телесных ощущениях, в речи и в уме, с установившимся вниманием, с обузданными чувствами, войдем мы в деревню или в предместье просить милостыню.

Именно так, бхикку, необходимо вам воспитывать себя».

(«Самъютта-никая» II, 123)

Простая жизнь

Возвышенный сказал:

«Новое учение покажу я тебе, о Кунда, для подчинения асав, принадлежащих этой жизни. Нет, я не буду показывать тебе учение о предотвращении асав в какой-то будущей жизни, но для подчинения их здесь и сейчас, а также для предотвращения их в будущем.

Потому, Кунда, то одеяние, которое я разрешил тебе носить, — да будет оно достаточным для того, чтобы охранить тебя от холода и от жары, от комаров и жалящих мух, от ветра, солнца и змей, — а также для соблюдения скромности.

Что же касается пищи, которую ты просишь, пищи, разрешенной мною, — поистине, да будет она достаточна, чтобы привести в действие тело, чтобы поддерживать и охранять его, чтобы принять обеты святой жизни, памятуя при этом: "Так разрушаю я свои старые чувства и не создаю никаких новых чувств, чтобы стать безупречным и жить в спокойствии".

Что же касается жилья, которое я разрешил, то пусть оно будет достаточным для того, чтобы охранить тебя от холода и от жары, охранить тебя от укусов комаров и жалящих мух, от ветра, солнца и змей, — достаточным только для того, чтобы создать укрытие от неудобств погоды, создать место для уединения.

Что же касается запаса лекарств и других необходимых во время болезни вещей, которые я разре-

шил, — да будет их достаточно, чтобы устранить боли в случае возможной болезни; да будут они всего лишь достаточны для помощи».

(«Дигха-никая» III, 130)

Суть дела

«Предположим, о бхикку, что какой-то человек нуждается в хорошем строевом лесе, ищет крепкий лес, и в поисках крепкого леса для стройки пришел к могучему дереву, высокому, замечательно крепкому, — пришел к нему и прошел мимо; а вместо него стал бы рубить ветки и кору и унес бы их с собою, воображая, что это крепкий лес для стройки.

Тогда разумный человек мог бы сказать ему так: "Глупец, ты поистине не в состоянии понять разницу между крепким лесом и ветвями, корой, сучьями и побегами; тебе нужен крепкий лес для стройки, а ты проходишь мимо хорошего дерева и уходишь с ветвями и корой, принимая их за крепкий лес. Ну, если ты так будешь обращаться с лесом для стройки, тебе никогда не построить дома!"

Так, о бхикку, самая суть святой жизни состоит не в приобретении выгод, почета и доброго имени; не в пользе соблюдения правил добродетели; даже не в преимуществах знания и прозрения; поистине, освобождение сердца — это, о бхикку, и есть смысл, это и есть самая суть, самая главная цель святой жизни».

Как сделать упрек члену сангхи

«Прежде всего необходимо предупредить этого бхикку (о том, что он поступает неправильно); и когда он будет должным образом предупрежден, надо напоминать ему об этом; а когда он получил напоминание, необходимо определенно указать ему на неверные поступки. Когда такое указание сделано, пусть какой-либо проницательный и знающий бхикку изложит дело перед сангхой.

Тот бхикку, о Упали, который собирается сделать замечание другому, должен перед тем усмотреть в самом себе пять качеств: я буду говорить в надлежащее время, а не в неурочное; я буду говорить истину, а не ложь; буду говорить мягко, а не резко; буду говорить ради его пользы, а не во вред ему; с добрыми намерениями буду я говорить, а не в гневе».

(«Виная» II, 9)

Исправление члена сангхи

«Теперь, когда вы таким образом встретились, Кунда, относясь один к другому по-дружески, без борьбы и ссор, вам следует практиковаться во всех этих вещах.

Если сотоварищ по святой жизни желает нечто сказать, тогда, если вы думаете, что этот досточтимый ошибочно воспринял смысл (дхаммы), ошибочно истолковал ее букву, вы не должны в этом с ним соглашаться, но и не должны испытывать к нему презрения. Однако, не соглашаясь с ним и не думая о нем презрительно, вы должны таким образом говорить с ним: "Брат, относительно этого значения написано

то-то или то-то; какое место из двух лучше?" — или: "Из этих мест это или то правильно; какое из двух лучше?"

И если он скажет: "Друзья, относительно этого смысла именно это (мое) толкование является лучшим, из этих выражений именно этот смысл (который я даю) является лучшим", — тогда и в этом случае вы не должны прогонять его или оскорблять; но, не отвергая и не оскорбляя, нужно постараться, чтобы он понял смысл и его выражение, внимательно их рассмотрев.

Опять же если сотоварищ по святой жизни скажет что-нибудь в собрании, и вы судите об этом так: этот досточтимый ошибочно воспринял смысл, но прав в выражении его, — тогда вам не следует ни соглашаться с ним, ни презирать его за это. Но, не соглашаясь с ним и не презирая его, должны вы говорить с ним таким образом: "Друг, смысл этих выражений таков или таков; какой из двух лучше?"

И если тогда он ответит: "Более правильный смысл этих выражений вот этот (мой)», — не следует изгонять его или оскорблять; но, не делая ничего такого, нужно постараться, чтобы он понял выражение, внимательно рассмотрев его.

Но, с другой стороны, если он правильно усвоил смысл, а дает ему ошибочное выражение, точно так же... вам необходимо понять, как оказать ему помощь в правильном выражении смысла.

Если же он прав и в смысле, и в букве (его выражения), тогда вы должны ему сказать: "Хорошо сказано!" — и таким образом согласиться с ним, радуясь сказанному им, и со словами "хорошо сказано!" и так далее вы должны говорить так: "Это удача для нас, о друг; это хорошее приобретение для нас, когда мы ви-

дим такое почтенное лицо, как наш сотоварищ по святой жизни, столь сведущий в духе и букве (дхаммы)"».

(«Дигха-никая» III, 127–128)

Рваная одежда Учителя

Тогда досточтимый Кассапа Великий сказал досточтимому Ананде:

«... Друг, я тот, кто сбрил волосы на голове и бороду, облачился в оранжевую одежду и ушел из дома для бездомной жизни... Я не допускаю возможности признать какого-либо другого учителя, кроме этого Возвышенного, араханта, полностью просветленного.

В прошлые дни, о друг, когда я еще вел жизнь домохозяина, мне пришла в голову такая мысль: "Тягостна жизнь домохозяина; эта тропа пыли страстей; страннику свойственна жизнь на открытом воздухе; нелегко тому, кто живет в доме, жизнью святой жить в ее совершенной полноте, в ее совершенной чистоте, сделанной ясной и белой. Что, если я сбрею бороду и волосы, облачусь в оранжевое одеяние, оставлю дом и уйду для святой жизни, для бездомной жизни?"*

Хорошо! Немного позднее я сделал себе нижнюю одежду из лохмотьев и, взяв за образец этих благородных людей в мире, я сбрил волосы и бороду, облачился в оранжевое одеяние, оставил дом и ушел для бездомной жизни.

Так, сделавшись странником и шагая по большой дороге, я увидел Возвышенного; это было между Раджагахой и Наландой; я присел у придорожного свя-

* «Тропа пыли страстей» — перевод термина «раджапатха», сделанный Буддхагхошей; но это выражение может означать просто «жизненную суету».

тилища и, увидев его, подумал: "Подумать только! Я вижу Учителя, вижу Возвышенного, Счастливого; вижу того, кто возвысился, вижу полностью просветленного, Возвышенного!"*

И тогда, друг, я упал к ногам Возвышенного и сказал ему: "Господин, Возвышенный — мой учитель! Я — ученик Возвышенного!"

При этих моих словах, друг, Возвышенный заговорил так: "О Кассапа, у того, кто, не зная ученика, так полно одаренного силой воли, скажет: "Я знаю", — или, не видя такого ученика, скажет: "Я вижу", — у того голова должна разлететься на куски. И вот я, Кассапа, зная такого человека, говорю: "Я знаю"; видя такого, говорю: "Я вижу".

Поэтому, Кассапа, так должен ты воспитывать себя: должна существовать строжайшая сознательность и обходительность у старших бхикку, у вновь вступивших и у тех, которые находятся на среднем уровне. Так в точности должен ты воспитывать себя.

Поэтому, о Кассапа, должен ты еще и так воспитывать себя: внимательность и бодрость по отношению к телу никогда не должны покинуть меня. Так должен ты воспитывать себя".

Затем, о друг, так обратившись ко мне, Возвышенный поднялся с места и ушел.

В течение семи дней, о друг, я ел простую пищу и все же оставался в оковах тела; но на восьмой день возникло внутри меня прозрение. После этого, когда Возвышенный, сойдя с большой дороги, приблизился ко мне и подошел к подножию большого дерева, где я сидел, я свернул вчетверо свое нижнее одеяние

* Это святилище называется *бахупатте сетийе*, т. е. «святилище многих детей».

из лохмотьев и сказал: "Господин, да изволит Возвышенный сесть тут; да будет это к моей пользе и к счастью на многие дни!"

Так, друг, Возвышенный сел на сиденье, которое я ему приготовил; усевшись так, он сказал следующее: "Действительно, о Кассапа, мягко твоё нижнее одеяние из лохмотьев".

— Да снизойдет в своей доброте Возвышенный к тому, чтобы принять от меня это нижнее одеяние из лохмотьев!

— Стало быть, Кассапа, ты желаешь носить мою грубую одежду, сшитую из обрывков выброшенного платья?

— Конечно, господин, я желаю носить грубую одежду Возвышенного, сшитую из обрывков выброшенного платья.

Так, о друг, я отдал Возвышенному своё нижнее одеяние из лохмотьев, а сам надел грубую одежду Возвышенного, сшитую из обрывков выброшенного платья.

Поэтому, о друг, если сказать обо мне правду, можно было бы, поистине, сказать, что я — подлинный сын Возвышенного, рожденный из его уст, зачатый дхаммой, рожденный дхаммой, родственник дхаммы, принявший грубую одежду Возвышенного из обрывков выброшенного платья.

И если я, о друг, будучи далек от страстей, пожелаю того, я смогу достичь любую из девяти джхан и пребывать в ней; и я обладаю пятью сверхъестественными силами.

И я, о друг, благодаря разрушению асав вступил в такое состояние освобожденного ума, где нет асав; я пребываю в нем; я постиг его собственным высочайшим знанием даже в этой нынешней жизни.

И потому, друг, думающий, что я могу скрыть шесть сверхъестественных сил, с таким же успехом может думать, что слона высотой в пять или шесть сажений можно скрыть под обрывком пальмового листа».

(«Самъютта-никая» II, 220)

О допущении в сангху женщин

И вот в то время Будда, Возвышенный, пребывал в Капилаватту, в земле Сакья, проживая в баньяновом парке.

Тогда Готами Маха-паджапати отправилась туда, где пребывал Возвышенный; придя к нему, она склонилась перед Возвышенным и стала подле него. Стоя так, она обратилась к Возвышенному: «Господин, а что, если бы женщинам было разрешено уходить из дома для бездомной жизни по правилам дхаммы, установленным татхагатой?»

«Оставь это, Готами! Не мечтай о том, чтобы женщинам было позволено уходить из дома для бездомной жизни по правилам дхаммы, установленным татхагатой».

Затем Готами Маха-паджапати обратилась с той же просьбой к Возвышенному во второй и в третий раз — и получила тот же ответ.

Тогда Готами Маха-паджапати с мыслью: не позволяет Возвышенный женщинам уходить для бездомной жизни... грустная, печальная, в слезах, всхлипывая, отдала приветствие Возвышенному с правой стороны и ушла прочь.

Тогда Возвышенный, пребывавший в Капилаватту, пока ему это было приятно, отправился в путь в Веса-

ли; и вот, переходя с места на место, он пришел в Весали. И здесь, в Весали, Возвышенный пребывал в большой роще в строении с остроконечным фронтоном.

И вот Готами Маха-паджапати обрезала волосы, облачилась в желтое одеяние и вместе со многими женщинами племени Сакья отправилась в Весали; скитаясь из одного места к другому, она подошла к Весали, к большой роще и к строению с остроконечным фронтоном. Здесь она стала за портиком с распухшими запыленными ногами, печальная, грустная, заплаканная, всхлипывающая.

Тут досточтимый Ананда заметил, что она так стоит; и он сказал ей: «Зачем ты, Готами, стоишь здесь, за портиком, с распухшими запыленными ногами, такая грустная, печальная, заплаканная, всхлипывающая?»

«О господин мой, Ананда, это потому, что Возвышенный не позволяет женщинам уходить из дома для бездомной жизни по правилам дхаммы, установленным татхагатой».

После этого досточтимый Ананда отправился в то место, где находился Возвышенный, склонился перед ним и сел подле него. Сидя так, досточтимый Ананда обратился к Возвышенному: «Господин, здесь находится Готами Маха-паджапати; она стоит за портиком... плачет и печалится... потому что Возвышенный не разрешает женщинам уходить из дома... по правилам дхаммы, установленным татхагатой. Но, господин, а что, если бы разрешить это женщинам?»

«Оставь, Ананда! Не мечтай, чтобы это было позволено женщинам!»

Затем досточтимый Ананда обращался с той же просьбой во второй и в третий раз — и получал от Возвышенного все тот же ответ.

И вот подумал досточтимый Ананда: «Не разрешает Возвышенный, чтобы женщины уходили... для бездомной жизни... А что, если мне попросить Возвышенного дать такое разрешение каким-нибудь другим способом?» Так, через некоторое время досточтимый Ананда спросил Возвышенного:

— Господин, способна ли женщина, уйдя из дома для бездомной жизни по правилам дхаммы, установленным татхагатой, — способны ли они понять плод вступления в поток, однократного возвращения, невозвращения и состояния араханта?

— Женщины способны на это, Ананда.

— Тогда, господин, если женщины способны на это, то, поскольку Готами Маха-паджапати сослужила Возвышенному большую службу, — ибо она была теткой, нянькой и кормилицей, кормила грудью Возвышенного после смерти его матери, — нельзя ли разрешить женщинам уходить из дома для бездомной жизни по правилам дхаммы, установленным татхагатой?

— Тогда пусть будет так, Ананда: если Готами Маха-паджапати возьмет выполнять восемь важных правил, можно считать, что она получила полное посвящение. Вот эти правила:

Во-первых, бхиккуня, даже если она носит одеяние в течение сотни лет, должна приветствовать бхикку, должна вставать пред ним, должна отдавать ему поклон и оказывать все знаки уважения, даже если тот бхикку только надел одеяние. Пусть это правило никогда не будет нарушено, пусть к нему относятся с уважением, с почтением, с пониманием, пусть его соблюдают до конца жизни.

Во-вторых, бхиккуня не должна проводить дождливый сезон в таком месте, где не живет ни один

бхикку. Пусть это правило никогда не будет нарушено, пусть к нему относятся с уважением, с почтением, с пониманием, пусть его соблюдают до конца жизни.

В-третьих, пусть каждые полмесяца бхиккуня ожидает от сангхи двух вещей: назначения дня отдыха и прихода одного из бхикку для поучения. Пусть это правило никогда не будет нарушено...

В-четвертых, в конце сезона дождей пусть каждая бхиккуня в присутствии мужской и женской сангхи должна будет добровольно отчитаться в отношении трех вещей: о виденном, о слышанном и о подозреваемом. Пусть это правило никогда не будет нарушено...

В-пятых, бхиккуня, повинная в серьезных нарушениях, должна покаяться в конце полумесяца перед обеими сангхами. Пусть это правило никогда не будет нарушено...

В-шестых, когда бхиккуня провела для периода в практике шести правил, она может просить полного посвящения от обеих сангх. Пусть это правило никогда не будет нарушено...

В-седьмых, бхиккуня не следует ни при каких обстоятельствах оскорблять или порицать бхикку. Пусть это правило никогда не будет нарушено...

В-восьмых, отныне отменяется право бхиккуня говорить в присутствии мужчин-бхикку; однако не запрещается бхикку обращаться к бхиккуня. Пусть это правило никогда не будет нарушено, пусть к нему относятся с уважением, с почтением, с пониманием, пусть оно соблюдается до конца жизни.

Так вот, Ананда, если Готами Маха-паджапати возьмет на себя обет соблюдать эти восемь важных правил, пусть это считается для нее полным посвящением.

Тогда досточтимый Ананда, получив от Возвышенного эти восемь важных правил, пошел к Готами Маха-паджапати (и передал ей все сказанное Возвышенным). Она ответила:

«Так же, о господин Ананда, как женщина, или мужчина, или юноша, или подросток любят украшать себя, вымыв голову и надев венок из цветов голубого лотоса, или жасмина, или из других пахучих цветов, берут его обеими руками и возвращают на макушку, — так и я, господин Ананда, беру на себя обет соблюдать эти восемь важных правил, не нарушать их до конца жизни».

Затем досточтимый Ананда вернулся к Возвышенному, склонился перед ним и сел подле него. Сидя так, досточтимый Ананда обратился к Возвышенному: «Господин, Готами Маха-паджапати приняла обет соблюдать восемь важных правил; сестра матери Возвышенного получила полное посвящение».

(Тогда Учитель ответил:)

«О, Ананда, если бы женщины не получили позволения уходить из дома для бездомной жизни согласно правилам дхаммы, установленным татхагатой, тогда праведная жизнь продолжалась бы долго, а благая дхамма продолжалась бы в течение тысячи лет. Но теперь, Ананда, поскольку женщины получили разрешение уходить из дома для бездомной жизни... недолго будет преобладать праведная жизнь; только пятьсот лет, о Ананда, продолжится благая дхамма*».

Как те семьи, Ананда, в которых много женщин и мало мужчин, легко становятся жертвами разбойни-

* После смерти Учителя сангха обвинила Ананду среди прочего и в том, что он открыл женщинам доступ в сангху и таким образом вызвал ее упадок.

ков и грабителей, точно так же, о Ананда, в любых правилах дхаммы, когда женщины получают разрешение уходить из дома для бездомной жизни, недолго будет преобладать праведная жизнь.

Подобно тому, о Ананда, как порча, называемая плесенью, нападает на рисовое поле в цвету, и это поле не продержится долго, точно так же, Ананда, в любых правилах дхаммы, когда женщины получают разрешение уходить из дома для бездомной жизни, недолго будет преобладать праведная жизнь.

Подобно тому, Ананда, как порча, называемая ржой, нападает на поле сахарного тростника в цвету, и это поле не продержится долго, — точно так же, Ананда, в любых правилах дхаммы, когда женщины получают разрешение уходить из дома для бездомной жизни, недолго будет преобладать праведная жизнь.

И вот точно так же, Ананда, как человек должен с осторожностью строить дамбу на берегу большого водохранилища, чтобы воспрепятствовать разливу воды, точно так же, о Ананда, я с тщательностью провозгласил эти восемь важных правил, которые не должны быть нарушены до конца жизни».

(«Виная» II, X)

Почему благая дхамма недолговечна

Так я слышал. Однажды Возвышенный находился в Кимбили, в бамбуковой роще. Тогда бхикку Кимбила подошел к Возвышенному, сел подле него и спросил:

— Господин, в чем причина того, что когда татхагата в конце концов умирает, благая дхамма оказывается недолговечной?

— Здесь дело в том, Кимбила, что когда татхагата в конце концов умирает, бхикку и бхиккунни, а также миряне мужчины и женщины пребывают, не обращая внимания на татхагату, не повинуются ему; не обращая внимания на дхамму, пребывают они, не повинуюсь ей; не обращая внимания на сангху, пребывают они, не повинуются ей; они пребывают вне обучения и не обращают на него внимания — как и на сосредоточенность ума, на серьезность и дружеские чувства.

Это, о бхикку, и есть причина, почему после окончательного ухода татхагаты благая дхамма оказывается недолговечной.

(«Ангуттара-никая» IV, 84)

Глава 7

ВО ВРЕМЯ БОЛЕЗНИ

Несравненный врач

Так говорил Возвышенный, так говорил арахант (как я слышал об этом):

«О бхикку, я — брахман, который живет на поданную милостыню; всегда чисты мои руки; я ношу свое последнее тело. Несравненный врач, несравненный хирург — вот кто я такой.

Вы — подлинные сыновья мои, о бхикку, рожденные из моих уст, рожденные дхаммой, наследники дхаммы, а не мирских вещей»*.

(«Ити-вуттака» 100)

Уход за больным

И вот в это время некий бхикку страдал кровавым поносом; он лежал в собственных нечистотах там, где свалился.

Возвышенный обходил жильё в сопровождении досточтимого Ананды; они пришли к жилью этого бхикку.

Тогда Возвышенный увидел, как этот бхикку лежит в собственных испражнениях там, где упал; увидев его, он пошел к нему, подошел и сказал: «О бхикку, чем ты болен?»

— У меня кровавый понос, господин.

* Здесь ссылка на утверждение брахманов о том, что они рождены из уст Брахмы.

— А ухаживает ли кто-нибудь за тобой?

— Нет, господин.

— Почему же, друг, прочие бхикку не заботятся о тебе?

— Я бесполезен для сангхи, господин; поэтому бхикку не заботятся обо мне.

Тогда Возвышенный сказал досточтимому Ананде: «Пойди, Ананда, принеси воды; мы обмоем этого бхикку».

«Да, господин», — ответил досточтимый Ананда. Когда он принес воду, Возвышенный стал поливать ею того бхикку, тогда как досточтимый Ананда обмыл его целиком. Потом Возвышенный взял того бхикку за голову, а досточтимый Ананда — за ноги; и вдвоем они положили его на ложе.

Тогда Возвышенный по этому случаю собрал сангху и стал спрашивать этих бхикку:

— О бхикку, есть ли среди вас такой-то бхикку, постоянно проживающий здесь, который сейчас болен?

— Есть, господин.

— А чем болен этот бхикку?

— Господин, этот бхикку болен кровавым поносом.

— Но, бхикку, скажите мне: ухаживает ли кто-нибудь за ним?

— Нет, господин!

— Почему же? Почему, бхикку, никто не заботится о нем?

— Господин, этот бхикку бесполезен для сангхи; вот почему другие бхикку не ухаживают за ним.

— О бхикку, вы не имеете ни матери, ни отца, которые заботились бы о вас. Если вы не станете заботиться друг о друге, кто же другой, спрашиваю я вас,

сделает это? Бхикку, *тот из вас, кто хотел бы служить мне, пусть служит больным.*

Если у кого есть учитель, пусть он ухаживает за ним, пока он жив; пусть ожидает его выздоровления. Если у него есть старший или сотоварищ по жилью, или ученик, или сотоварищ по учению, такой человек должен ухаживать за ним и ожидать его выздоровления. Если никто не станет ухаживать за ним, это следует считать оскорблением.

(«Виная. Махавагга» VIII, 26)

Посещение больного

Так я слышал. Однажды Возвышенный находился вблизи Раджгахи, в Большой роще, на поляне, где кормят белок.

В тот раз досточтимый Ваккали находился в кладовой гончара; он был болен, слаб, страдал болезнью горла.

И вот досточтимый Ваккали обратился к слугам, говоря: «Подойдите сюда, друзья! Пойдите к Возвышенному и от моего имени припадите к его ногам, скажите: "Господин, бхикку Ваккали болен, ослаб, страдает болезнью горла. Он припадает к ногам Возвышенного". И далее скажите так: "Как хорошо было бы, если бы Возвышенный посетил бхикку Ваккали из сострадания к нему"».

Молчанием выразил Возвышенный свое согласие. Затем Возвышенный облачился и, взяв чашу и верхнюю одежду, отправился навестить досточтимого Ваккали.

И вот досточтимый Ваккали увидел, что идет Возвышенный, хотя тот еще был далеко; увидев его, Ваккали задвигался на своем ложе.

Тогда обратился Возвышенный к досточтимому Ваккали: "Достаточно, Ваккали! Не шевелись на своем ложе! Вот приготовлены сиденья, я сяду здесь". И он сел на приготовленное сиденье.

Усевшись, Возвышенный сказал досточтимому Ваккали:

— Ну, Ваккали, надеюсь, что ты держишься как следует, надеюсь, ты достаточно терпелив. Уменьшаются ли твои боли, не возрастают ли они? Есть ли признаки их ослабления, нет ли признаков возрастания?

— Нет, господин, я не держусь как следует, не обладаю терпением. Сильные боли одолевают меня. Они не уменьшаются; нет признаков их уменьшения, есть признаки возрастания.

— Имеешь ли ты сомнения, Ваккали? Не мучит ли тебя совесть?

— Поистине, господин, я не имею ни малейшего сомнения, и меня нимало не мучит совесть.

— Нет ли чего-нибудь в твоём поведении, Ваккали, в чем ты мог бы упрекнуть себя?

— Нет, господин, в моем поведении нет ничего, в чем я мог бы упрекнуть себя.

— Если это так, Ваккали, тебя, должно быть, что-то беспокоит, ты, вероятно, о чем-то сожалешь.

— Долгое время, господин, я страстно желал, чтобы мои глаза были устремлены на Возвышенного; но не было у меня в этом теле достаточно силы, чтобы прийти и увидеть Возвышенного.

— Замолчи, Ваккали! Что такого в зрелище этого моего низменного тела? Тот, кто видит дхамму, видит меня; тот, кто видит меня, о Ваккали, видит дхамму. Поистине, о Ваккали, видя дхамму, человек видит меня; видя меня, человек видит дхамму».

(И после беседы о непостоянстве всех вещей Учитель покинул Ваккали.)

(«Самъютта-никая» III, 120)

Больной и уход за ним

«Есть пять признаков, о бхикку, при которых трудно ухаживать за больным. Когда он не желает принимать лекарства; или не соблюдает умеренности в приеме лекарств; или не принимает предписанных лекарств; не открывает истинную природу своего нездоровья ухаживающему, который желает ему благополучия (а также не говорит ему), ослабляется ли его болезнь или усиливается, или остается без перемены; наконец, когда он не в состоянии терпеть возникающие в своем теле чувства — болезненные, острые, режущие, колющие, горестные, неприятные, разрушающие жизнь.

Таковы, бхикку, пять признаков, при которых трудно ухаживать за больным. И пять признаков (при которых легко ухаживать за больным) противоположны этим.

Есть еще пять признаков, о бхикку, при которых уход за больным бесполезен. Если мы не умеем назначить нужное средство; если мы не знаем, какое из требующихся средств хорошо и какое плохо; если мы применяем неподходящее средство и не применяем подходящее; если ухаживаем за больным из алчности, а не в силу благотворительности; если нам противно убирать нечистоты, рвотную массу, вытирать слюни, если мы неспособны от времени до времени поучать больного благочестивой беседой, неспособны ободрить, укрепить и утешить больного.

Таковы, о бхикку, пять признаков, при которых уход бесполезен.

И пять признаков хорошего ухода противоположны этим».

(«Виная-питака. Махавагга» VIII, 26)

Виды больных

Вот, бхикку, три вида больных, которых можно найти в этом мире. Каковы же эти три?

В одних случаях, бхикку, больной не выздоравливает от своей болезни независимо от того, будет ли он получать надлежащее лекарство или нет, будет получать надлежащее питание или нет, будет иметь надлежащий уход или нет.

В других случаях, о бхикку, больной все же выздоравливает после своей болезни независимо от того, получает он все это или нет.

Еще в других случаях, о бхикку, больной выздоравливает несмотря на то, что не получает ни одной из этих вещей.

Подобным же образом, о бхикку, в мире можно найти три вида людей, сравнимых с этими тремя видами больных. Что же это за три?

Вот, бхикку, человек имеет или не имеет случая увидеть татхагату; имеет или не имеет случая услышать дисциплину дхаммы, провозглашенную татхагатой; и он не вступает на путь жизни, на путь совершенства в благих деяниях.

Вот, бхикку, человек имеет или не имеет случая увидеть или не увидеть татхагату, имеет или не имеет случая услышать дисциплину дхаммы, провозглашенную татхагатой, но (тем не менее) всту-

пает на путь жизни, совершенной в благих деяниях.

И еще, бхикку, бывает человек, который имеет случай, не упускает возможности увидеть татхагату, имеет случай, не упускает возможности услышать дисциплину дхаммы, провозглашенную татхагатой, — вступает на путь жизни, совершенной в благих деяниях.

...И вот, бхикку, именно ради этого последнего человека предпринята проповедь дхаммы. Именно ради этого следует проповедовать дхамму другим.

(«Ангуттара-никая» I, 120)

Слова успокоения

Так я слышал. Однажды Возвышенный находился среди народа бхагги, у места, где живут крокодилы, в роще Бхесакала, в оленьем парке. Тогда домохозяин Накулапитар пришел к Возвышенному, приветствовал его и сел подле него.

Усевшись таким образом, домохозяин Накулапитар обратился к Возвышенному, говоря: «Учитель, я — разбитый старик, проживший жизнь, человек преклонного возраста; я достиг конца жизни. Я болен, я всегда хвораю. И, кроме того, Учитель, я — такой человек, которому редко случается видеть Возвышенного и его почитаемых бхикку. Да ободрит и успокоит меня Возвышенный, да будет это для меня пользой и благословением на многие долгие годы».

«Верно, верно, отец семейства, тело твое ослаблено и отягощено годами. Для того, кто носит это тело, о отец семейства, утверждать, что здоровье длится дольше, чем одно лишь мгновение, было бы чистой

глупостью. А по этой причине, отец семейства, тебе следует так воспитывать себя: хотя мое тело болезненно, мой ум не должен быть больным. Так нужно воспитывать себя, о отец семейства».

Тогда Накулапитар, домохозяин, ободренный, радостно услышавший слова Возвышенного, встал со своего места, поклонился Возвышенному справа и отправился обратно.

(«Самъютта-никая» III, I)

Утешить больного

Однажды Возвышенный находился среди сакьев, в Капилаватту, в фиговом парке.

И в тот раз многие бхикку были заняты шитьем одеяния для Возвышенного, «ибо, — говорили они, — когда пройдут эти три месяца, одежды Возвышенного будут готовы, и Возвышенный отправится в путь».

И вот один из сакьев, Маханапа, услышав это, сказал: «Многие бхикку заняты шитьем одеяний»... (и так далее)... И он отправился к Возвышенному, приветствовал его и сел подле него. Усевшись так, Маханапа, сакья, сказал:

— Я слышал, господин, разговор о том, что многие бхикку заняты шитьем одеяний для Возвышенного; и они говорят, что когда эти одеяния будут готовы, к концу третьего месяца, Возвышенный отправится далее своим путем.

И вот, господин, мы ни разу не слышали из собственных уст Возвышенного о том, как благоразумного мирянина, который болен, который испытывает страдания, тяжело мучается, — как должен ободрить его другой благоразумный мирянин.

— Благоразумного брата-мирянина, который заболел, о Маханапа,.. другому благоразумному брату-мирянину следует ободрить четырьмя утверждениями утешения, а именно: «Вот он, Возвышенный, арахант, высочайший Будда»... и так далее; и «Прими утешение, добрый господин, в дхамме и в сангхе, а также в добродетелях, дорогих сердцу благородных людей; сохраняй их нерушимыми и незапятнанными,.. что ведет к равновесию ума».

Затем, Маханапа, когда заболевший благоразумный брат-мирянин получил таким образом ободрение со стороны другого брата-мирянина при помощи четырех успокаивающих утверждений, последний должен произнести следующие слова:

Предположим, больной желает увидеть своих родителей. Тогда, если больной говорит: «Мне очень хочется видеть родителей!» — другой должен ответить: «Мой дорогой, ты подвержен смерти. Хочешь ты видеть родителей или нет, но ты умрешь. Как раз сейчас самое время для тебя оставить всякое желание увидеть родителей!»

И предположим, что больной сказал: «Оставлено это сильное желание видеть родителей», — тогда другому следует сказать: «Да, добрый господин, ты все еще страстно желаешь увидеть детей. И поскольку ты в любом случае должен умереть, сейчас самое время для тебя оставить всякое желание увидеть своих детей!»

И так же точно нужно говорить ему относительно пяти чувственных наслаждений. Предположим, больной говорит: «Мне очень хочется получить пять чувственных наслаждений», — другой должен сказать ему: «Мой друг, небесные наслаждения превосходят пять чувственных наслаждений, и они более разнообразны. Сейчас самое время для тебя отвести ум от

человеческих радостей и устремить его к радостям четырех великих царей дэвов».

Опять же, если больной говорит: «Мой ум сделался таким устойчивым», — другому следует сказать: «Еще более превосходны и разнообразны, нежели радости четырех великих царей дэвов, радости сонма тридцати трех... дэвов Ямы, дэвов Радостей, Творящих дэвов, сорадующихся труду прочих дэвов (все это мирские дэвы)... лучше удерживать ум на мире Брахмы»*. И когда ум больного таким образом приобрел устойчивость, пусть другой скажет ему:

«Мой добрый господин, даже мир Брахмы непостоянен, не вечен, подвержен личному началу. Хорошо бы вам, дорогой господин, устремить ум выше мира Брахмы и сосредоточить его на прекращении личного».

И если больной скажет, что он сделал это, тогда, уверяю тебя, о Маханапа, нет различия между братом-мирянином, который способен так провозгласить истину, и учеником, ум которого освобожден от асав, пока речь идет об освобождении**.

(«Самъютта-никая» V, 408)

Хвала Учителю

Однажды Возвышенный пребывал около Саватхи, в роце Джета, в парке Анатхапиндики.

И вот в то время раджа Косалы Пасенади только что возвратился после воинского состязания, в кото-

* Все упоминаемые здесь дэвы называются «бхумика», «земные», в противоположность субъективному миру Брахмы.

** В последней фразе букв. «свобода в силу освобожденности», т. е. подобно арахантам такие миряне свободны от какого бы то ни было субстрата повторного рождения.

ром одержал победу, добившись успеха. Подъехав к парку, он свернул туда; пока продолжалась дорога, пригодная для повозки, он ехал в своей колеснице, а затем сошел с нее и пошел через парк пешком.

В то время многие бхикку ходили взад и вперед на открытом воздухе. Тогда Пасенади, раджа Косалы, подошел к этим бхикку и так обратился к ним: «Досточтимые господа, где сейчас находится Возвышенный, арахант, высочайший Будда? — ибо я жажду узреть его».

«Вон там, махараджа, его помещение, и дверь закрыта. Пожалуйста, пройдите туда спокойно, — скажали эти бхикку, — без волнения, взойдите на веранду, кашляньте и возьмитесь за задвижку. Возвышенный откроет вам дверь».

Так, раджа Пасенади подошел к помещению, как ему было сказано, кашлянул и стукнул задвижкой. И Возвышенный открыл дверь.

Тогда раджа Косалы Пасенади вошел в помещение, припал головой к ногам Возвышенного, поцеловал его ноги и коснулся их руками, а затем провозгласил свое имя: «Господин, я — Пасенади, раджа Косалы; Пасенади, раджа Косалы, — это я!»

— Но, махараджа, какое же значение видите вы во мне, если оказываете мне такое глубокое смирение, если вы проявляете такое сердечное почтение к этому телу?

— Для того чтобы показать свою благодарность, господин, показать мою глубокую признательность Возвышенному, высказываю я это глубокое смирение, проявляю такое сердечное почтение. Ибо Возвышенный, господин мой, тот, кто ходит для блага многих людей, тот, кто обратил многих людей к благородному способу, который находится в согласии со

всем прекрасным и полезным. Вот почему, о господин, я таким образом выражаю свое почтение.

Опять-таки, господин, Возвышенный добродетелен, Возвышенный обладает добродетелями будды, благородными, благими добродетелями; он обладатель благих добродетелей. Это еще одна причина такого моего преклонения.

И еще, господин, Возвышенный много дней был обитателем леса. Он житель лесного жилища, он обитает в уединенных лесных жилищах. Это другая причина моего преклонения.

И еще, господин, Возвышенный вполне довольствуется любыми пожертвованиями одежды, пищи или жилья, лекарств, необходимых предметов и других разрешенных вещей, которые он может получать. Это — дальнейшая причина моего преклонения.

И он достоин почитания, поклонения и хвалы, достоин подношений, «приветствий с воздетыми руками»; он — поле заслуги, непревзойденной в этом мире. Это еще одна причина для моего преклонения.

(Далее Его Величество перечисляет все признаки араханта, детально изложенные в другом месте; в заключении он говорит:)

Теперь, господин, я ухожу. Я — занятой человек; у меня много дел.

«Прекрасно, махараджа! Делайте то, что кажется вам полезным», — сказал Учитель.

Тогда Пасенади, раджа Косалы, поднялся со своего места, отдал приветствие Возвышенному правой рукой и вышел.

(«Ангуттара-никая» V, 66–69)

Сравнение разных пожертвований

«Учитель Готама, я раздаю дары, раздаю большую милостыню; я приветлив, я такой человек, у которого можно просить подавание. Я стремлюсь к богатству законными путями и, добившись его, я раздаю щедро это богатство, приобретенное законными способами; я подаю милостыню одному, двум, трем, пяти, семи, десяти, двадцати, даже до сотни, — нет, еще большему числу, нежели это. (Скажи мне), учитель Готама, приобретаю ли я какую-нибудь заслугу благодаря таким жертвованиям, благодаря этим жертвованиям?»

«Несомненно, молодой юноша, такими жертвованиями, совершая такие подношения,.. ты действительно приобретаешь большие заслуги! Тот, кто добивается богатства законными способами, кто, добившись его, щедро раздает свое богатство, приобретенное законным образом, — совершая такие жертвования, так раздавая милостыню, — приобретает большие заслуги».

(«Сутта-нипатта, магхасутта»)

(Некий брахман спрашивает Учителя о жертвоприношении:)

«Но, учитель Готама, существует ли какое-нибудь другое жертвование, другое жертвоприношение, не столь трудное, не столь тягостное, как это тройное жертвоприношение с его шестнадцатью атрибутами (о которых сказано выше), но приносящее большие плоды, большую выгоду?»

— Да, брахман, действительно существует другое жертвоприношение, не столь трудное, не столь тягостное (как твое), но приносящее большие плоды, большую пользу.

— Прощу тебя, учитель Готама, скажи мне, что же это такое?

— Тот, о брахман, кто с преданным сердцем направляется в поисках убежища к Будде, к дхамме и сообществу братьев, — тот совершает жертвоприношение,.. приносящее большой плод, большую пользу.

— Но, учитель Готама, есть ли еще какое-нибудь другое жертвоприношение (подобного рода)?

— Да, брахман, есть... Тот, кто с преданным сердцем принимает на себя обеты и сознательно их выполняет: воздерживается от отнятия жизни, от присвоения того, что не дано, от неправильного поведения по отношению к чувственному влечению, от лжи, от опьяняющих напитков, полученных брожением или перегонкой, которые дают начало лености, — это, брахман, и есть жертвоприношение, не столь трудное и не столь тягостное (как твое), но приносящее большой плод, большую пользу.

(«Дигха-никая» I, 145)

Пять великих даров

(Когда человек обратился за спасением к трем убежищам: к Будде, к закону и к братству...)

«Эти пять даров, о брахман, суть великие дары, высочайшие дары, непреходящие, традиционные, известные с древних времен; они не смешивались ранее, не смешиваются ныне, не должны в будущем смешиваться с другими вещами; они не вызывают презрения у отшельников и многоученых брахманов. Что же это за пять?»

При этом, о бхикку, благородный ученик оставляет отнятие жизни; он противодействует отнятию жизни. Так, в противодействии ему, бхикку, благородный ученик дарует безопасность всем существам в наиболее полной мере, он дарует им свободу от ненависти и вреда. Так, даруя ее в полной мере, он сам разделяет такую безопасность и такую свободу от ненависти и вреда. Таков, бхикку, первый из пяти великих даров, которые суть высочайшие, непреходящие, свойственные традиции... не вызывают презрения у отшельников и многоученых брахманов. И вот это, бхикку, есть (вместе с обращением к трем убежищам) четвертая вещь, которая имеет своим результатом приобретение заслуги, которая приносит в качестве результата благоприятные обстоятельства, ведущие к небесному миру, приносящие исполнение желаемого, наслаждение, пользу и счастье.

Во-вторых, бхикку, благородный ученик отказывается от присвоения того, что не дано, отказывается от неправильного поведения по отношению к чувственным желаниям, отказывается ото лжи, от злоупотребления перебродившими и перегоняемыми опьяняющими напитками, которые дают начало небрежности. Отбросив все это, бхикку, он дарует безопасность всем живым существам в полной мере, дарует им свободу от ненависти и вреда. Поступая так в полной мере, он сам становится соучастником такой безопасности, такой свободы от ненависти и вреда. Это и есть, бхикку, пятый из пяти великих даров».

(«Ангуттара-никая» IV, 246)

Ранние дары общине

Анатхапиндика, питающий бедных

И вот в то время домохозяин Анатхапиндика был мужем сестры богатейшего жителя Раджагахи; как-то он отправился в Раджгаху по делам. И в тот же раз богатейший житель Раджагахи пригласил сообщество бхикку, руководимое Буддой, к утреннему угощению. Богач дал распоряжение рабам и слугам, говоря так: «Ну, люди, соберитесь к завтрашнему дню в нужное время, приготовьте рис, сварите его, приготовьте карри и сладости!»

Тогда домохозяин Анатхапиндика подумал так: «В прошлом, когда я приходил сюда, этот домохозяин оставлял все свои дела и приветствовал меня дружеской речью. Но теперь он как будто вне себя, отдает приказания рабам и слугам, говоря: "Теперь, люди, встаньте утром пораньше..." и тому подобное... Что может быть причиной? Хотел бы я знать, не берет ли он себе жену, не выдает ли одну из дочерей замуж? Или готовится к великому жертвоприношению? Или он пригласил на утреннее угощение царя Магадхи Сеня Бимбисару со всем двором?»

Но когда богач Раджагахи отдал распоряжение своим рабам и слугам, он подошел к домохозяину Анатхапиндике, обратился к нему с дружеской речью и сел подле него. Усевшись, Анатхапиндика повторил богачу пришедшие ему на ум мысли.

«Нет, домохозяин, — ответил тот, — я не беру себе жену, не выдаю никого замуж; и не приглашал я царя Магадхи Сеня Бимбисару с его двором на утреннее угощение. Но я действительно приготовил великое жертвоприношение, ибо я пригласил на утреннее угощение общину бхикку, руководимую Буддой».

Тогда тьма вокруг Анатхапиндики исчезла, воссиял свет, так что рассеялись его страх и трепет, из-за которых каждый волосок на теле встал дыбом (то же самое произошло еще два раза).

Так домохозяин Анатхапиндика пришел к Прохладной Роще; и вот в это время Возвышенный, рано поднявшись с ложа, прохаживался взад и вперед на открытом воздухе. И Возвышенный увидел Анатхапиндику, домохозяина, когда тот еще находился в отдалении. Поэтому Возвышенный оставил свое место для прогулки и сел на приготовленное для него седалище; усевшись, он обратился к домохозяину Анатхапиндике и сказал ему: «Подойди, Судатта!»

Тогда Анатхапиндика сказал себе: «Возвышенный называет меня по имени!» Восхищенный и обрадованный, он приблизился к Возвышенному и припал к его ногам, говоря: «Счастливо ли пребывает мой господин, Возвышенный?» И Учитель ответил ему:

*«Всегда пребывает счастливым он,
освобожденный брахман,
Не отвлекаемый страстями, спокойный,
свободный от оков,
Разрушивший все преграды, укротивший
боль сердца.
Счастливым пребывает успокоенный,
достигший мирного ума».*

И тогда Возвышенный обратился к Анатхапиндике с речью, которая постепенно шла все дальше — о благотворительности и праведности, о небесном мире; об опасности, бесполезности и низости страстей, о том, какую выгоду приносит оставление мира. И когда Возвышенный увидел, что сердце Анатхапинди-

ки, домохозяина, стало гибким и мягким, освободилось от препятствий, возвысилось и успокоилось, тогда он изложил ему учение закона будд, провозгласил превосходнейшее учение, а именно: о страдании, о возникновении страдания и о пути, ведущем к прекращению страдания.

И тогда так же, как чистая ткань, отмытая от пятен, легко способна впитать краску — точно так же и внутри домохозяина Анатхапиндики, сидевшего там, возникло чистое и незапятнанное зрение, которое видит дхамму; и он узрел тот факт, что все, по природе своей обладающее свойством возникновения, обладает также и свойством исчезновения.

Тогда домохозяин Анатхапиндика узрел дхамму, достиг дхаммы и погрузился в дхамму. Так он вышел за пределы сомнения, оставил все вопросы о том и другом, достиг уверенности, достиг независимости от кого бы то ни было в познании послания Учителя; и он так сказал Возвышенному: «Превосходно, о господин! Превосходно, о господин! Так же, как мы поднимаем то, что опрокинуто, как показываем то, что скрыто; или указываем путь тому, кто заблудился; или держим светильник во тьме, чтобы имеющие глаза могли видеть предметы, — так и закон был различными способами изложен Возвышенным; так что и я, о господин, устремляюсь к убежищу в Возвышенном, в дхамме и в общине бхикку. Да примет меня Возвышенный, как ученика, который нашел в нем убежище, начиная с сегодняшнего дня и до конца жизни. И да примут от меня Возвышенный и община бхикку завтрашнее угощение!»

И Возвышенный принял его своим молчанием.

Тогда домохозяин Анатхапиндика, увидев, что он принят Возвышенным, поднялся со своего места,

склонился перед ним, приветствовал его согласно правилам и ушел.

И вот богач Раджагахи услышал, что община бхикку, предводительствуемая Буддой, приглашена на завтрашнее угощение домохозяином Анатхапиндикой. Богач сказал последнему: «Слышал я, о домохозяин, что община бхикку под водительством Будды приглашена тобой для завтрашнего угощения. А сейчас ты — гость здесь, в Раджагахе, так что я предлагаю тебе, домохозяин, средства, чтобы приготовить пищу для общины, предводительствуемой Буддой!»

«Ни слова об этом, отец семейства! Я сам располагаю средствами, чтобы приготовить для них пищу!»

Затем услышал эту новость также и старший горожанин Раджагахи; и он пришел к Анатхапиндике с таким же предложением; точно так же пришел к нему и раджа Магадхи Сения Бимбисара, предложивший свою помощь; но Анатхапиндика отверг оба предложения.

Тогда Анатхапиндика, домохозяин, по прошествии ночи, приготовил в доме богача Раджагахи изысканную пищу, твердую и мягкую, и отправил посланцев к Возвышенному: «Господин, пришло время! Готово угощение!»

В ответ на это Возвышенный, облачившись в одеяние на рассвете, взял чашу и верхнюю одежду и направился к дому богача Раджагахи; придя туда, он сел на приготовленное для него место вместе с общиной бхикку.

Тогда домохозяин Анатхапиндика собственными руками стал подносить пищу общине, предводительствуемой Буддой; и он наплатил их всех изысканной пищей, твердой и мягкой; когда же все они окончили

еду и убрали руки от чаш, он сел на правой стороне и сказал Возвышенному: «Я прошу Возвышенного, да соблаговолит он провести время дождей в Саватхи вместе с общиной бхикку!»

И Возвышенный ответил: «О домохозяин, татхагаты очень любят уединение».

«Понимаю, Возвышенный! Понимаю, Счастливый!»

Тогда Возвышенный, научивший, тронувший, пробудивший домохозяина Анатхапиндику и доставивший ему наслаждение благочестивой беседой, поднялся с места и ушел.

И вот в это время у Анатхапиндики, домохозяина, было много друзей и знакомых, для каждого из которых он всегда имел слово приветия. Так что, окончив свое дело в Раджагахе, он ушел из Саватхи. По пути он отдал распоряжения слугам, говоря: «Добрые люди, пожалуйста, приготовьте как следует дома для отдыха, приготовьте жилища, приготовьте приношения (пищи), ибо в этот мир появился Будда; и этот Возвышенный был приглашен мною и пройдет по этой дороге».

Тогда эти слуги по повелению Анатхапиндики, домохозяина, сделали все, что было сказано.

А когда Анатхапиндика оказался в Саватхи, он обозрел все селения и подумал: «Где же можно пребывать Возвышенному, чтобы он находился не слишком близко от селения и не слишком далеко от него; в таком месте, которое удобно для прихода и ухода, куда легко приблизиться людям, желающим его увидеть; которое не слишком многолюдно днем, а ночью свободно от шума и гама; в таком месте, которое укрыто от ветра, удалено от людской суеты и удобно для уединения?»

Тогда домохозяин Анатхапиндика заметил, что роща принца Джеты обладает всеми этими качествами... что она расположена не слишком близко от селения и не слишком далеко от него и т. д. Поэтому он обратился к принцу Джеты и сказал ему: «Молодой господин, прошу вас, отдайте мне вашу рощу, чтобы я сделал в ней место для жилья».

«Нет, домохозяин, она не продается, — ответил принц, — разве если вы разбросаете деньги по всей этой роще».

«Сделка заключена, молодой господин», — сказал домохозяин.

«Нет, нет, не соглашаюсь», — ответил принц.

И вот они спросили у знающих людей, считать ли этот разговор сделкой. Знающие люди решили так: «Поскольку, молодой господин, вами была названа цена, вопрос о роще является сделкой».

Таким образом, домохозяин Анатхапиндика приказал привезти золото в повозках и велел рассыпать его по всей роще Джета. Но привезенного за один раз золота оказалось недостаточно, чтобы покрыть небольшое место около входа. Поэтому Анатхапиндика разослал своих людей, сказав: «Идите, любезные, принесите еще золота и покройте это место!»

Тогда принц Джеты подумал: «Это не может быть обычным делом — иначе этот домохозяин не стал бы расходовать так много золота!» И он сказал ему: «Остановись, домохозяин! Не покрывай золотом это пространство, оставь его мне, и пусть оно будет моим даром!»

Тогда домохозяин подумал: «Этот принц Джеты — человек выдающийся, широко известный; если такой выдающийся человек будет верить в дисциплину закона, это окажет большое влияние». Поэтому он

отдал принцу Джеты это пространство, а принц построил там дом с воротами.

Затем домохозяин Анатхапиндика построил обители, кельи, кладовые, залы для служения, места для костров, водоемы для омовений, отхожие места, площадки для прогулок, колодцы и покрытия для колодцев, купальни и комнаты для хранения одежд, а также водоемы и крытые беседки.

(«Виная» II, 6, 4; первая часть повторяется в «Сутта-нипатта» I, 211)

Глава 9

СЧАСТЬЕ В ЭТОМ МИРЕ

Заповедь

Тогда Випасси, Возвышенный, арахант, так прочел обет:

*«Долготерпение — истинный аскетизм:
Но ниббана, как говорят просветленные,
выше всего.
Кто вредит другому — тот не последователь
Будды,
Кто причиняет зло другому — тот не аскет.
Удерживать себя от всех вредоносных действий.
Утвердить себя в совершении добродетельных
действий.»*

*Очистить свое мышление:
таково Учение Просветленных.
Не оскорблять, не причинять вреда,
быть сдержанным и умеренным,
соблюдать правила Пратимокши*,
не употреблять много пищи,
сидеть в одиночестве и спать в одиночестве;
В медитации держать свои мысли под
контролем —
таково Учение Просветленных».*

*(«Дигха-никая» II, 49
«Дхаммапада» 183–185)*

* «Пратимокша», пали: «патимокха» — букв. «предписание», «обет»; в дальнейшем — двухнедельное покаяние в грехах среди членов общины бхикку.

Здесь приведена также самая знаменитая гатха в каноне; здесь Будда приписывает ее предшествующему Будде, Випасси.

Путь на небеса

Честность, скромность, справедливость, щедрость — такие качества имеют благородные.

Таков путь к воплощению небожителем.

Следуя этому пути, можно родиться в небесном мире.

(«Ангуттара-никая» IV, 236)

Совет мирянину

(Молодой домохозяин Сигала после поклонения шести сторонам пространства просит открыть ему благородное учение.)

Возвышенный сказал:

«Теперь, молодой господин, поскольку четыре порочных действия были устранены благородным учеником, поскольку он не совершает дурных действий в силу четырех побуждений к дурным действиям и поскольку он не следует шести отверствиям, поглощающим богатство, — он таким образом становится человеком, отвергнувшим четырнадцать путей зла; это тот, кто охватывает шесть сфер пространства; тот, кто вооружен для завоевания двух миров; тот, кому обеспечены и этот мир, и мир потусторонний. Когда тело будет разрушено, после смерти он возродится в мире счастья после блаженного возвращения».

— И каковы же эти четыре дурных действия, которые он отбросил?

— Вот они, молодой господин:

Дурные действия: отнятие жизни у живых существ; присвоение того, что не дано; дурные поступки в (сексуальных) страстных действиях; лживость. Таковы эти четыре.

Так говорил Возвышенный. Когда Счастливым сказал это, Учитель прибавил следующее:

*«Кто отнимает жизнь, кто ворует и лжет,
Кто бесчестит чужую жену, — того мудрецы
порицают».*

— И каковы же четыре мотива дурного действия, освободившись от которого, он не совершает никакого дурного действия?

— Человек совершает дурные действия, следуя по ложному пути в силу желания, ненависти, заблуждения и страха. Но, поскольку благородный ученик не следует по этим четырем ложным путям, он не совершает никакого дурного поступка в силу этих четырех мотивов дурного поведения.

Так говорил Возвышенный. Когда Счастливым сказал это, Учитель прибавил следующее:

*«Кто нарушает закон
В силу вожделения, ненависти, глупости
или страха,
Его доброе имя гаснет
Как Луна во время ущерб».*
*«Кто же не выходит за рамки дхаммы
В силу вожделения, ненависти, глупости
или страха,
Его слава поистине возрастает,
Как Луна во время возрастания».*

— И каковы же шесть отверстий, поглощающих благосостояние, которым ему не надо следовать?

— Молодой человек, вот они: предаваться питью перебродивших и опьяняющих напитков, которые дают начало лени; предаваться хождению по улицам во внеурочное время; частым празднованиям,

азартным играм — это дает начало лени; иметь дурных товарищей, предаваться праздности; таковы шесть отверстий, которые поглощают благосостояние.

- (1) И вот, молодой человек, существуют также шесть дурных последствий приверженности к опьяняющим напиткам: утрата благосостояния, возрастающие ссоры, подверженность болезням, утрата доброго имени, нескромные поступки, ослабление силы ума. Таковы эти шесть.
- (2) И вот, молодой господин, существуют также шесть дурных последствий приверженности гулянию по улице в неурочное время: человек лишен охраны и беззащитен; остается без защиты его жена и дети; остаются без защиты также и его имущество; самого этого человека подозревают в дурных поступках: приобретают вес все дурные слухи об этом человеке; также он подвергается многочисленным дурным влияниям. Таковы эти шесть.
- (3) И вот, молодой господин, существуют также шесть дурных последствий частого посещения празднеств. (Такой человек все время думает:) «Где же пляски? Где музыка? Где бьют в барабан? Где читают стихи? Где бьют в барабан? Где бьют в мриданги?» Таковы эти шесть.
- (4) И вот, молодой господин, существуют шесть дурных последствий приверженности азартным играм: если человек выигрывает, он наживает себе врага; если он проигрывает, ему приходится оплакивать потерю; ибо ушло от него видимое средство существования. Он идет к месту собрания, но там его слова не имеют веса. Друзья и правители относятся к нему с презрением. Те, у кого есть

дочери на выданье, не стремятся выдать их за него, полагая: «Игрок не сумеет содержать жену». Таковы шесть дурных последствий приверженности азартным играм.

(5) И вот, молодой господин, существуют шесть дурных последствий плохих друзей: его приятелями и дармоедами оказываются бесчестные люди, пьяницы, пропойцы, обманщики, лжецы. Таковы эти шесть.

(6) И вот, молодой господин, существуют шесть дурных последствий праздности. (Праздник человек говорит:) «Слишком холодно», — и не работает; или: «Слишком жарко», — и не работает; или: «Слишком рано», — и не работает; или: «Уже поздно», — и не работает; или: «Я слишком голоден», — и не работает; или: «Я съел слишком много», — и не работает. И вот, когда он живет со всеми этими оправданиями относительно труда, к нему не приходит богатство, у него не возникает богатство, а то, что имелось, оказывается разрушенным.

Так говорил Возвышенный.

(«Дигха-никая» III, 181)

Не внешнее омовение

Однажды Возвышенный пребывал в Весали, в большой роще, в доме с остроконечной кровлей.

Тогда Нандака, знатный человек из Ликчави, пришел к Возвышенному, приветствовал его и сел подле него. Когда он сидел таким образом, Возвышенный сказал этому Нандаке, знатному человеку из Ликчави:

«Благородный ученик, о Нандака, обладающий четырьмя качествами, вступил в поток, спасен от падения, утвердился, непременно достигнет просветления. Каковы же эти четыре?»

Среди них, Нандака, благородный ученик обладает твердой верой: "Таков он, Возвышенный, арахант, высочайший Будда (и так далее)... обладает устойчивой верой в дхамму и в общину бхикку; он обладает добродетелями, любимыми благородными людьми, и сохраняет их нерушимыми... так чтобы они вели к равновесию ума". Таковы эти четыре, Нандака.

Далее, одаренный этими четырьмя качествами благородный ученик благословен долгой жизнью, как небесной, так и человеческой; благословен красотой, благословен добрым именем, благословен высшей властью, человеческой и божественной.

Это, о Нандака, я знаю — не потому, что слышал слова какого-нибудь отшельника или брахмана; но я удостоверился в этом сам, увидел это сам, понял сам; и потому я говорю это тебе».

Как раз в это время некто подошел к Нандаке, знатному человеку, и сказал ему: «Господин, подошло время вашего омовения».

«Не надо об этом, добрый человек! — сказал Нандака. — Нет надобности более говорить об этом внешнем омовении! Мне следует довольствоваться этим внутренним омовением — надо уяснить себе, надо постичь эту веру в Возвышенного».

(«Сутта-нипатта» V, 389)

Путь к небесному миру

*«Вера в Будду, дхамму, сангху,
умеренность и праведные дары
Таковы устремления добрых людей,
Таков путь, ведущий к небесам;
По этой дороге идут в мир дэвов».*

(«Ангуттара-никая» IV, 236)

Однажды Возвышенный пребывал в Саватхи. Находился там также и брахман Сангарава. Он очищал водой и практиковал водное очищение. Он проводил дни и ночи, предаваясь привычке совершать омовение.

И вот досточтимый Ананда, облачившись в одеяние, взяв с собой верхнюю одежду и чашу, отправился в Саватхи в ранний час просить милостыню. И когда он завершил свой обход Саватхи и по возвращении съел полученную пищу, он подошел к Возвышенному, приветствовал его и сел подле него. Усевшись так, досточтимый Ананда сказал:

«Господин, здесь находится брахман, некий Сангарава, пребывающий в Саватхи очиститель воды, практикующий такое очищение. День и ночь он предается привычке пребывать в воде. Хорошо было бы, господин, если бы Возвышенный посетил брахмана Сангараву из сострадания к нему!»

И Возвышенный выразил молчанием свое согласие.

Тогда на следующий день, в ранний час, Возвышенный облачился в свое одеяние и, взяв верхнее одеяние и чашу, отправился к месту пребывания брахмана Сангаравы; придя туда, он сел на приготовленное для него место. Тогда брахман Сангарава подошел к Возвышенному и приветствовал его; после

взаимного обмена приветствиями и вежливыми словами он сел подле Возвышенного.

Когда он сидел таким образом, Возвышенный сказал брахману Сангараве следующее:

— Верно ли говорят, о брахман, что ты — очиститель водою, что ты практикуешь очищение водою, пребываешь в воде днем и ночью, отдавшись привычке совершать омовение?

— Это верно, учитель Готама.

— Так скажи мне, брахман, какую пользу ты получаешь от такой практики омовения и тому подобного?

— Вот какую, учитель Готама: какое бы зло я ни совершил днем, я смываю его в тот же вечер при помощи омовения. Именно этой пользы я добиваюсь, как очиститель водою и тому подобное.

Тогда сказал Возвышенный:

*«Закон — это водоем, а брахман — гхат для
омовения.*

*Он невозмутим и незагрязнен, восхваляет
в словах добрых людей;*

*Когда сюда приходят для омовения учителя
закона,*

*Они очищаются в каждом своем члене и
достигают Дальнего Брега».*

На это брахман Сангарави сказал Возвышенному: «Превосходно, мастер Готама!.. Да примет меня мастер Готама как своего последователя, с этого же дня и до самого конца моей жизни, как того, кто нашел в нем убежище».

(«Сутта-нипатта» I, 183)

Почитать старых

И вот в это время ученики Группы Шести опередили общину бхикку, предводительствуемую Буддой, и присвоили себе жилье и помещение для сна, говоря: «Это помещение будет предназначено для наших старших монахов, это — для наших учителей, а это — для нас». Таким образом досточтимый Сарипутта, который прибыл за общиной бхикку, предводительствуемой Буддой, нашел, что все места под навесами заняты, все кровати заняты, все свободное пространство заполнено; он не нашел места, где можно было бы лечь, уселся у корней дерева (и там провел ночь).

И вот Возвышенный вышел рано на рассвете и прочистил горло. Досточтимый Сарипутта также прочистил горло.

— Ах, кто это здесь? — спросил Возвышенный.

— Это я, Сарипутта, господин.

— А почему ты сидишь здесь, Сарипутта?

Тогда досточтимый Сарипутта рассказал ему обо всем происшедшем.

Возвышенный по этому случаю и по этой причине созвал всю общину бхикку и спросил: «Верно ли, бхикку, как я слышал, что ученики Группы Шести так поступили (присвоив помещение старших бхикку)?»

— Это так, господин.

Тогда Возвышенный выразил им свое порицание (и напомнил о правилах, которые он уже установил для таких случаев) и сказал бхикку:

«Скажите теперь, бхикку, кто заслуживает наилучшего помещения, наилучшей воды и наилучшей пищи?»

Тогда некоторые бхикку сказали: «Тот, кто ушел из касты брахманов»; другие сказали: «Тот, кто ушел из касты воинов» (как странствующий монах), или «тот, кто был домохозяином», или «начитанный в суттах», или «начитанный в винае», или «проповедник дхаммы».

Другие опять говорили: «Нет, это тот, кто добился первого состояния джханы, или второго, или третьего, или четвертого». А другие говорили: «Нет! Это тот, кто вступил в поток; тот, кто однажды возвратится; тот, кто не возвратится; тот, кто стал арахантом; тот, кто познал истину; тот, кто обладает шестью сверхъестественными силами».

Тогда Возвышенный обратился к бхикку:

«В прежние дни, о бхикку, давным-давно, на склонах Гималаев, вблизи от могучего баньяна, обитали куропатка, обезьяна и слон; но они жили вместе, не испытывая уважения друг к другу, не проявляя почтения и вежливости друг к другу. И вот, бхикку, что произошло с этими друзьями. Сказали они: "Послушайте, давайте установим, кто среди нас старший по возрасту, давайте условимся воздавать ему почести, уважение и почитание, поддерживать его и выполнять его распоряжения".

И в соответствии с этим решением куропатка и обезьяна обратились к слону: "Дорогой наш слон, скажи, что помнишь о прошлых днях".

"Друзья, когда я был слоненком, я часто гулял над этим баньяном, так что он проходил у меня между ногами, а его верхняя ветвь только-только доходила до моего брюха. Я могу припомнить прошлые дни с этого времени, мои друзья".

Тогда, бхикку, куропатка и слон задали тот же вопрос обезьяне. (Та ответила:)

"Друзья, когда я была маленькой обезьянкой, я могла, сидя на земле, откусывать верхние побеги этого же баньяна. Я могу припомнить прошлые дни с этого времени".

Тогда, бхикку, обезьяна и слон задали тот же вопрос куропатке. (Та ответила:)

"Друзья, давным-давно, много-много лет назад, там, на расчищенном месте, стояло баньяновое дерево. Я съела одну из его ягод и освободила кишечник от испражнений здесь, где мы сейчас сидим. И вот из косточки вырос этот самый баньян. Поэтому я должна быть старше вас обоих".

И вот, бхикку, на это обезьяна и слон сказали куропатке: "Друг, ты старше нас всех! С этих пор мы будем оказывать тебе всяческий почет, уважение и почитание. Мы будем кланяться тебе и выполнять твои приказания. Пожалуйста, отныне давай нам все необходимые советы".

После этого, бхикку, куропатка давала им советы, наставляла их в добродетельном поведении и стала сама ему следовать. Так, все они вместе пребывали во взаимном уважении, вежливости и почитании; после смерти своих тел они вновь родились на небесах в счастливом состоянии. И образ жизни этих трех был назван "триттирьям брахмачарьям", т. е. "святой жизнью куропатки".

*"Искусны в дхамме почитающие старость
В этом мире ждет их хвала, а в другом —
блаженство"*.

Таким образом, бхикку, поскольку даже звери могут жить вместе во взаимном уважении, оказывать друг другу честь и почитать друг друга, также и вы зажгите ярко ваш свет; чтобы вы, ушедшие из этого

мира под покрывало моей дисциплины, дхаммы, столь превосходно провозглашенной, пребывали вместе и оказывали друг другу честь, уважение и почитание.

И когда Учитель закончил это благочестивое поучение, он повелел, чтобы во всех случаях воздавалось почитание старшим».

(«Виная» II, 6; повторено в «Джатаках» I, 37)

Глава 10

СОВЕТЫ МИРЯНАМ

О друзьях (ложные друзья)

(Тогда Возвышенный сказал молодому домохозяину Сигале:)

«Есть четыре вида людей, молодой господин, которых надо считать врагами, нарядившимися в одеяния друзей: совершеннейший грабитель; тот, кто хорош лишь на словах; сладкоречивый; негодный друг.

И вот из этих четырех совершеннейшего грабителя надо считать врагом, нарядившимся в одеяние друга. Во-первых, он оказывается полнейшим грабителем; затем он желает получить многое, а дать мало; он выполняет свой долг из страха; он следует за другом ради собственной выгоды. Таков он на этих четырех путях.

Следует видеть на четырех путях и того, кто хорош только на словах. Он приветствует тебя, рассказывая о своих прошлых деяниях; он приветствует тебя обещаниями будущих деяний; он наслаждается пустыми словами; но когда возникает необходимость в делах, он указывает на собственное невезение. Таков он на этих четырех путях.

Следует видеть на четырех путях и сладкоречивого. Он проворен в дурных делах, но непроворен в хороших; он поет тебе хвалу в глаза, а за спиной говорит о тебе дурно. Таков он на этих четырех путях.

Следует видеть на четырех путях негодного друга. Он оказывается твоим сотоварищем в питье перебродивших напитков и продуктов перегонки; он оказы-

вается твоим сотоварищем в гулянье по улицам в неурочное время; он слоняется с тобой по праздникам и глазает на развлечениях; он бывает твоим сотоварищем в азартных играх, ведущих к лени».

Настоящие друзья

«А этих четырех, молодой господин, следует признать настоящими, чистосердечными друзьями:

Другом, который помогает тебе, следует признать такого человека, который оказывается неизменным в благополучии и в горе; он говорит тебе то, что принесет тебе благо; он выказывает любовь к тебе.

Друга, который помогает тебе, нужно признать на четырех путях. Он надзирает за тобой, когда ты невнимателен; он надзирает за твоим имуществом, когда ты рассеян; он оказывается твоей опорой во время страха; когда возникает нужда, он оказывает тебе щедрую помощь. Таков он на этих четырех путях.

Нужно отметить на четырех путях того, кто неизменен в благополучии и в несчастье. Он сообщает тебе свои тайны; он не покидает тебя в беде; он пожертвует самой жизнью своей ради твоего блага. Таков он на этих четырех путях.

Нужно отметить на четырех путях того, кто говорит тебе для твоего блага то, что есть. Он удерживает тебя от неверных действий; он удерживает тебя на правильном пути; он говорит тебе о том, чего ты не знал раньше; он указывает тебе путь к небесам. На этих четырех путях следует считать его настоящим, сердечным другом.

Нужно отметить на четырех путях того, кто выказывает любовь к тебе. Он не радуется твоей неудаче;

он радуется твоей удаче; он защищает тебя от клеветников; он поддерживает тех, кто говорит о тебе хорошо. На этих четырех путях следует считать его настоящим, сердечным другом».

Так говорил Возвышенный.

(«Дигха-никая», «сигаловада», III, 186–187)

Шесть областей

(На Востоке мать идет первой, а ребенок идет впереди родителей, например: «мать и отец», «ребенок и жена», «женщина и мужчина», «Луна и Солнце».)

«И как же, молодой господин, движется благородный ученик в шести областях?»

Вот что следует считать шестью областями: мать и отец — это восток; учителя — юг; ребенок и жена — запад; друзья и товарищи составляют север; слуги и рабочие — низ; отшельники и брахманы — верх.

(а) И вот на пяти путях должен рассматривать сын своих родителей как восток. Он говорит: "Как ранее я находил в них поддержку, так и я (в свою очередь) буду поддерживать их; я выполняю свой долг по отношению к ним; я поддерживаю честь своей семьи; я оставляю свое наследство; я буду продолжать приношения, полагающиеся покойным родственникам.

И вот на каких пяти путях родные мать и отец, установленные на востоке и принимающие служение сына, должны выказывать свою любовь к нему.

Они удерживают его от зла; они наставляют его на правильный путь, они учат его науке; они находят ему подходящую жену, а в надлежащее время передают ему свое богатство. Так для него сделана безопасная область востока, сделана свободной от страха.

(б) И вот, молодой господин, пять путей, на которых отдельным ученикам надо установить учителей на юге и служить им: надо вставать, приветствуя их, оказывать им поддержку, проявлять готовность к учению, служить им, со вниманием усваивать то, чему они учат.

Что же касается учителей, установленных на юге отдельными учениками, они должны выказывать ученикам, принимающим их служение, свою любовь пятью способами: они обучают их так, чтобы те получили хорошее обучение; они заставляют их сохранить то, чему они научились; они оказываются хорошими советчиками в каждой науке и в каждом искусстве; они хвалят их своим друзьям и товарищам; они охраняют их со всех сторон.

Так, этими пятью способами... (как выше...) выказывают они свою любовь к своим отдельным ученикам. Таким образом южная область охранена для благородного ученика, сделана безопасной, освобождена от страха.

(в) И вот, молодой господин, пятью способами следует мужу установить жену на запад и служить ей.

Выказывая ей почтение; давая ей приятное; делая ей приятное; не совершая прелюбодеяния; оставляя в ее руках порядок в доме; обеспечивая ее семейный очаг.

И вот какими пятью способами выказывает так почитаемая жена свою любовь к мужу:

Старательно выполняя свои обязанности по дому; хорошо управляя домашним хозяйством; не совершая прелюбодеяния; сберегая заработанное мужем; выказывая рвение и умение во всем, что она делает.

Так, пятью способами... (как раньше)... западная область сохранена для благородного ученика, сделана безопасной и свободной от страха.

(г) И вот, молодой господин, друзей и товарищей следует пятью способами устанавливать на севере и служить им как собратьям по касте:

Щедростью; добрыми словами; действиями ради их благополучия; отношениями к ним на равных; выполнением данных им обещаний.

Также пятью способами... (как раньше)... друзья и товарищи выказывают свою любовь собрату по касте...

Они следят за ним, когда он слаб; они надзирают за его имуществом, когда он слаб; они оказывают ему убежище во время страха; они не покидают его во время трудностей; они выказывают уважение к остальным членам его семьи.

Так, пятью способами... (как раньше)... северная область охранена для него, сделана безопасной и свободной от страха.

(д) И вот, молодой господин, пятью способами утверждаются внизу слуги и работники истинно благородного человека, который служит им:

Он дает им работу в соответствии с их силой; он обеспечивает их питанием и платой; ухаживает за ними во время их болезней; дает им долю из любого изысканного угощения, а в должное время дает им отпуск для отдыха.

Так (почитаемые пятью способами) слуги и работники выказывают свою любовь к подлинно благородному (своему хозяину):

Они рано встают и поздно ложатся; они принимают то, что им дано; они старательно выполняют свою работу; они повсюду воздают хвалу хозяину.

Так пятью способами... (как раньше)... область низа охранена для него, сделана безопасной, свободной от страха.

(е) И вот, молодой господин, члену касты следует пятью способами утвердить в верхней области отшельников и брахманов и служить им:

Добрыми действиями; добрыми словами; добрыми мыслями, обращенными к ним; открытыми для них дверьми; удовлетворением их (мирских) потребностей.

А этими пятью способами (как раньше)... отшельники и брахманы выказывают свою любовь члену касты:

Они удерживают его от зла; они наставляют его на правильный путь; они учат его тому, что он не знал раньше; они поясняют ему то, что он уже слышал; они указывают ему путь на небеса.

Так, этими пятью способами... (как раньше)... сохранена для него область верха, сделана безопасной и свободной от страха».

Так говорил Возвышенный.

(«Дигха-никая» III, 185–191)

Владелец театра

Однажды Возвышенный пребывал около Раджагахи, в роще Джета, у площадки для кормления белок.

Тогда пришел к Возвышенному Талапуто, владелец театра; он приветствовал Возвышенного и сел подле него. Усевшись так, Талапуто, владелец театра, сказал Возвышенному следующее:

(Далее, после посвящения, этот бхикку описывает свои переживания впечатляющими стихами в «*Тхерагатхе*» V, 1091)

«Слышал я, господин, такое старинное изречение древних учителей, которое следовало запомнить: го-

вора о тех, кто играет на сцене, они сказали: "Актер, который на подмостках или на арене заставляет людей смеяться и доставляет им удовольствие, подражая действительности, когда его тело после смерти распадается на элементы, оказывается повторно рожден в обители Смеющихся Дэвов". Что скажет об этом Возвышенный?»

«Достаточно, владелец театра, перестань. Не задавай мне этого вопроса!»

(Далее Талапуто, владелец театра, не обращая внимания на слова Учителя, снова задал этот вопрос — и задал его трижды. Тогда Возвышенный сказал:)

«Правда, я не разрешал этого вопроса, повторяя: достаточно, владелец театра, перестань! Не задавай мне этого вопроса! — тем не менее (твоя настойчивость такова, что) я объясню тебе это.

В таком случае таких существ, о владелец театра, которые в прошлом времени не были свободны от чувственности, а были связаны ее оковами, которые в прошлом не были свободны от ненависти, а были связаны ее оковами, которые в прошлом не были свободны от заблуждения, а были связаны его оковами, — в таких случаях играющий, который на подмостках или на арене вызывает состояние ума, полное чувственности, ненависти или заблуждения, так что подобные существа становятся еще более чувственными, ненавидящими или заблуждающимися, будучи сам опьянен и ленив, опьяняет других и делает их ленивыми. Такой человек, когда его тело разрушается, возрождается после смерти в Чистилище Смеха.

И вот если он представляет дело так, как ты говоришь: какой-либо актер на сцене или на арене заставляет людей смеяться или доставляет им удовольствие, подражая действительности,.. оказывается

повторно рожден в обители Смеющихся Дэвов, — тогда я объявляю тебе, что его мнение ошибочно.

Ныне, о владелец театра, я объявляю, что перед тем, кто подвержен искаженным мнениям, открываются два пути: один ведет в чистилище, а другой — к повторному рождению в виде животного».

При этих словах Талапуто, владелец театра, громко вскрикнул и залился слезами. Тогда Возвышенный сказал:

«Разве не говорил я тебе, владелец театра: достаточно! перестань, не задавай этого вопроса!»

«Да, господин; но я сожалею не об этом. Я печалюсь при мысли о том, что в течение многих долгих дней находился в заблуждении, был обманут и отвлечен в сторону, — отвлечен этими древними учителями и их преданиями, которые утверждали, что актер... повторно рождается в обители Смеющихся Дэвов. Превосходно, господин! Великолепно, господин! Так же, как если нам нужно поднять то, что было опрокинуто, или показать спрятанное, или указать путь заблудившемуся, или поднять светильник в темноте, чтобы имеющие глаза увидели предметы, — точно так же разными способами досточтимым Готамой была утверждена дхамма. К досточтимому Готаме я иду за убежищем, к дхамме и к общине бхикку — с этого дня и до конца своей жизни!»

(«Сутта-нипатта» IV, 305)

Что выгодно мирянину, что ему невыгодно

Тогда Возвышенный обратился к братьям-мирянам Паталигамы: «Существуют эти пять потерь, от-

цы семейств, которые постигают дурного и безнравственного человека. Каковы эти пять?

Здесь, отцы семейств, дурной и безнравственный человек в результате лености приходит к большой потере богатства. Такова первая потеря.

Затем опять-таки, отцы семейств, преобладают дурные отзывы о нем. Такова вторая потеря.

И далее опять-таки, отцы семейства, в какое бы общество он ни вошел, будь то общество благородных людей, брахманов, домохозяев или отшельников, он входит в это общество со стесненным и смущенным умом; такова третья потеря.

Далее, отцы семейств, он испытывает затруднения, когда умирает. Такова четвертая потеря.

И наконец, отцы семейств, по разрушении тела, после смерти, он повторно рождается в чистилище, на пути зла, в преисподней, в месте страдания.

Таковы, отцы семейств, эти пять потерь, которые предстоят дурному и безнравственному человеку.

И вот есть еще такие пять выгод, отцы семейств, которые предстоят праведному человеку. Каковы же эти пять?

При этом, отцы семейств, праведный человек, ведущий добродетельную жизнь, приобретает благодаря собственным усилиям большое богатство. Такова первая выгода.

Далее, отцы семейств, о нем преобладают благоприятные отзывы. Такова вторая выгода.

Опять-таки, отцы семейств, в каком бы обществе он ни появился, будь то благородные люди, брахманы, домохозяева или отшельники, он входит в него смело и уверенно. Такова третья выгода.

Далее, отцы семейств, он кончает жизнь с неомраченным умом. Такова четвертая выгода.

Наконец, отцы семейств, по разрушении тела, после смерти, он повторно рождается в мире божественных существ, в счастливом мире; такова пятая выгода.

Таковы, отцы семейств, пять выгод, которые предстоят праведному человеку, живущему добродетельной жизнью».

(«Дигха-никая» II, 85)

Воздаяние

«Глупец делает дурное, думая, что он не глупец. Его собственные действия сжигают его как огонь.

Того, кто вредит невредящим и безвинным, скоро настигает одно из десяти несчастий: острая боль, болезнь, разрушение тела, тяжелое мучение, умственное расстройство, немилость со стороны царя, клевета, утрата родственников, потеря богатства, его дом будет уничтожен молнией или огнем.

После смерти несчастный глупец обретает рождение среди несчастных (в адских состояниях)».

(«Дхаммапада» 136–140)

Дэвы окружают заботой благоразумного

*«В каком бы месте ни устроил свой дом
благоразумный,
Да поддерживает он добродетельных людей,
ведущих святую жизнь,
Да совершает он приношения всем обитающим
там дэвам!*

*Так почитаемые, они почтят и его; видя
уважение к себе, они будут уважать и его.*

*Как мать оберегает рожденного ею ребенка,
Так и тот, кого оберегают дэвы, во всем
видит удачу».*

(«Дигха-никая» II, 88)

*«Как в дремучем лесу высокие деревья
Растут под сенью могучего утеса,
Так и в этом мире под защитой
благочестивого и благородного
Быстро растут его дети и жена,
Родственники, друзья — и все,
кто от него зависит.*

*И, узрев благочестие, благотворительность
и доброту этого человека,
Если они мудры, они вскоре последуют
его примеру*

*И в этой жизни совершат труды,
ведущие к добру,
Завоюют блаженство на небесах,
цель своих стремлений».*

(«Ангуттара-никая» I, 152)

Виды слушателей

Тогда Возвышенный сказал:

«Бхикку, есть три вида людей, которых можно найти в нашем мире:

*Пустоголовый дурак, не способный видеть;
Хотя он вновь и вновь приходит к бхикку,
Слышит их беседу — ее начало, середину и конец,
Он никогда не сможет уяснить ее, ибо ему
не свойственна мудрость.*

па раскрылась, о бхикку, я стал одним из Великолепных Дэвов; когда же она свернулась, о бхикку, я был рожден повторно в Высочайшей обители, *брахма-вимана*. Там я был Брахмой, великим Брахмой, побеждающим, непобедимым, всевидящим повелителем.

Тридцать и шесть раз, о бхикку, я был Саккой, Владыкой Дэвов; бесчисленные сотни раз был я раджей, правителем мира, справедливым монархом, победоносным повелителем четырех сторон света; и управляемая мною область наслаждалась благословенной безопасностью: ибо я обладал семью сокровищами. Таким правителем был я, не говоря уже о всего лишь управлении провинцией.

И когда, бхикку, пришла мне на ум эта мысль: «Хотелось бы знать, каких дел плоды являют собой эти счастливые обстоятельства? Плод какого дела проявляется в том, что ныне я процветаю и обладаю столь могучей магической силой?»

Тогда, бхикку, пришла ко мне такая мысль: «Это — плод трех дел; он созрел и проявился в этом моем нынешнем процветании и обладании столь могучей магической силой; это — следствие дел милосердия, самообуздания и самоконтроля — *дана, шила и бхавана*».

Такова была суть слов Возвышенного. В них еще сказано:

*«Кто так пожелает приобрести заслугу,
Приносящую долговременное блаженство,
Пусть раздает милостыню, будет спокойным
И возвращает благожелательность.
Благодаря практике этих трех качеств,
Приносящих блаженство,
Этот мудрый человек, свободный от печали,
Рождается в мире блаженства».*

(«Ити-вуттака», 22)

Добрые дела

*«Благоприятный, радостный, счастливый,
благословенный рассвет!*

Прекрасный день, счастливое время —

Время раздачи милостыни достойным людям:

Когда добрые действия, слова и мысли,

Правильные намерения приносят

благоприятные последствия

Тем, кто их практикует. Счастливы они,

Добившиеся таких приобретений;

и они процветают на Пути!

Процветайте же и вы на Пути,

в буддха-сасане,

Свободные от болезни и счастливые

со своим семейством!»

(«Ангуттара-никая» I, 150)

«Магхаван с помощью внимательности обрел царство превыше божественного».

(«Дхаммапада», 30)

Добрые намерения

В Саватхи... в роце Джета... Тогда Возвышенный сказал бхикку следующее:

«В прошлые времена, бхикку, когда Сакка, Владыка богов, пребывал в человеческой форме, приняв на себя и выполняя семь правил поведения, он достиг своего состояния высшей власти; каковы же эти семь?»

(Он принял следующие правила:)

Всю свою жизнь да буду я поддерживать своих родителей. Да буду я уважать главу своего рода. Да будет моя речь мягкой. Да не скажу я дурного ни о ком. Очистив свое сердце от скверны себялюбия, да пребуду я в доме великодушным, бескорыстным, радостным при отдаче; да буду я надлежащим человеком, у которого можно просить помощи, находящим радость в том, чтобы делиться дарами с другими!

Да буду я говорить правду всю свою жизнь. Да буду я безгневен всю свою жизнь; а если гнев возникнет, да смогу я быстро погасить его.

Таковы были, о бхикку, семь правил, приняв и выполняя которые, Сакка достиг своего состояния верховной власти».

(«Сутта-нипатта» I, 227)

Будда и пастух: (Дханья-сутта)

(«Сутта-нипатта» 18–34. Здесь Будда играет словами Дханьи, придавая им противоположное значение, что нельзя выразить в переводе с достаточной полнотой.)

*Пастух Дханья: «Сварен рис у меня, сдоено молоко
Со своими живу я у берега Махи;
Если хочешь дождь послать, пошли, о небо!»*

*Возвышенный: «Гнева нет у меня, чист
я от скверны;*

*Ночь одну проведу у берега Махи;
Крыши нет надо мною, огонь потух, —
Если хочешь дождь послать, пошли, о небо!
Нет здесь ни сводов, ни комаров;*

*В поймах на сочных лугах стада пасутся;
Ливень хлынет — они его перетерпят, —
Если хочешь дождь послать, пошли, о небо!
Плот надежный я себе сколотил,
Переплыв поток, вышел на тот берег;
Больше этот плот не надобен мне, —
Если хочешь дождь послать, пошли, о небо!
Укрощенная после борьбы долголетней,
Мысль моя послушна мне и свободна.
Нет во мне теперь ничего дурного, —
Если хочешь дождь послать, пошли, о небо!
В средствах я ни от кого не завишу,
Мои сыновья со мною, они здоровы,
Ничего дурного о них я не слышу, —
Если хочешь дождь послать, пошли, о небо!
Я никому не служу, мне не платят,
Съем что подадут и скитаюсь по свету;
Нет мне надобности служить, —
Если хочешь дождь послать, пошли, о небо!
Есть у меня коровы, телята есть,
Стельные коровы есть, есть и телки,
И бык, коров повелитель, есть у меня, —
Если хочешь дождь послать, пошли, о небо!
Нет у меня коров, телят нет,
Нет стельных коров, нет и телок,
И быка, коров повелителя, нет у меня, —
Если хочешь дождь послать, пошли, о небо!
Глубоко и прочно врыты столбы,
Новы и крепки эти веревки из мунджи.
Даже бычкам молодым не сорвать привязи, —
Если хочешь дождь послать, пошли, о небо!
И тут, затопля холмы и долины,
На землю с небес обрушился ливень».*
И, заслышав шум дождя, Дханья

Такое тогда промолвил слово:
«О немалое обрели мы благо —
Возвышенный явился взорам нашим.
К тебе прибегаем мы, о зрящий!
Будь учителем нашим, мудрец великий!
Послушны мы оба — я и пастушка,
Будем жить в благочестии рядом
с Возвышенным.

Преодолеем смерть и рождение,
Навсегда положим конец страданиям!»

Мара лукавый сказал: «Сыновьями счастливы
имеющий сыновей,
Имеющий коров — коровами счастлив.
Привязанности приносят человеку счастье,
Ведь несчастлив тот, кто ни к чему
не привязан!»

Возвышенный сказал: «Из-за сыновей скорбит
имеющий сыновей,
Имеющий коров — из-за коров плачет.
Привязанности приносят человеку горе —
Лишь тот не скорбит, кто ни к чему
не привязан!»

(Перевод Ю. Алихановой в БВЛ
«Литература древнего Востока»)

Глава 11

ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ — И ЧТО ДАЛЬШЕ?

Столь редкая возможность родиться человеком*

*«Помни, что говорится в притче
О полуслепой черепахе в Восточном море
Или в другом океане, которая изредка
Попадает головой в плавающий хомут, —
Столь же редка эта возможность —
родиться человеком!»*

(«Тхери-гатха»)

«Подобно тому, бхикку, как если бы некий человек бросил в могучий океан хомут с дырой, а затем одноглазая черепаха выплывала бы на поверхность только раз в конце каждого столетия;

И вот, бхикку, что вы думаете об этом? Сумеет ли эта одноглазая черепаха, когда она будет появляться на поверхности только раз в конце каждого столетия, (всякий раз) попасть шейей в единственное отверстие хомута?

— Да, господин, это может случиться — иногда, по истечении длительного промежутка времени.

— Так вот, бхикку, заявляю вам: скорее эта одноглазая черепаха, если бы она появлялась таким образом на поверхности... — скорее она попадет своей шейей в этот хомут с одним отверстием, нежели глу-

* Это — вводные стихи сборника «Тхери-гатха», пер. д-ра С. Э. Рис-Дэвидс. Утверждается, что тхера Абхая («Тхери-гатха», 30) достиг степени «вступившего в поток» только благодаря медитации об этой притче.

пец, однажды попавший в преисподнюю, станет человеком. В чем причина этого?

Потому что при этом преобладает злоба — там пожирают мясо друг друга, там питаются за счет слабого вида, там нет спокойствия в жизни, нет праведных дел, нет дел, создающих заслуги. В чем причина этого?

Это происходит вследствие незнания четырех благородных истин. Каковы же эти четыре? Это благородная истина о страдании, благородная истина о возникновении страдания, благородная истина о прекращении страдания, благородная истина о пути, ведущем к прекращению страдания.

По этой причине, о бхикку, так должны вы проявлять старание; придерживаться мысли: "Это страдание; это возникновение страдания; это прекращение страдания; это путь, ведущий к прекращению страдания".

Так, бхикку, должны вы проявлять старание».

(«Сутта-нипатта» V, 455;

«Маджджхима-никая», часть III, 169)

*«Добиться рождения человеком действительно
трудно.*

Трудно зарабатывать на жизнь в этом

(человеческом) мире.

Еще труднее услышать чистую истинную

Дхамму.

Труднее всего быть Полностью

Просветленным».

(«Дхаммапада», 182)

«Бхикку, подобно тому как в стране Сигизмунда невелика часть, состоящая из восхитительных парков, великолепных роц, пашни и водоема, а большая ее часть состоит из земли, которая то приподнята, то опу-

щена, из высыхающих рек, из участков, занятых пнями и колючками, из твердой и каменистой почвы, —

Точно так же, бхикку, немноги те существа, которые рождены на земле; более многочисленны те, которые рождены в воде; и подобным же образом немноги те существа, которые родились среди людей, более многочисленны родившиеся вне человеческого рода».

Существование — это бесконечный мир

1. Солома и ветви

Так я слышал. Однажды Возвышенный пребывал около Саватхи, в роще Джета, в парке Анатхапиндики. Тогда Возвышенный сказал: «Бхикку!»

«Господин!» — отвечали эти бхикку Возвышенному. Возвышенный сказал:

«Этот круг рождения и смерти — мир, где нет конца, *анаматтагга*; нельзя вычислить его начала. Нельзя увидеть начало этих существ, препятствуемых неведением, связанных желаниями, пробегающих через круг рождения и смерти.

Так же, как если бы некий человек стал обрубать все побеги, ветви, сучья и листья во всей Индии, собрал бы их и сложил в кучу одну за другой, говоря: "Это моя мать, это — мать моей матери" и т. д. — все же и тогда нельзя пересчитать всех матерей матери этого человека. Нет, чтобы пересчитать их все, пришлось бы истратить все побеги, листья, сучья и ветви в этой Индии, снова и снова воспользоваться ими, пока наконец эта задача не была бы выполнена.

В чем же причина этого? Мир, не имеющий конца, бхикку, — это колесо рождения и смерти. Нельзя увидеть начало этих существ, препятствуемых неве-

дением, связанных желаниями, вечно пробегающих через круг рождения и смерти.

Так, долгое время, бхикку, переживаем мы зло, переживаем тяжкую боль, переживаем несчастья; а на погребальных полях растут кучи костей. И да почувствуете вы благодаря этому сильнейшее отвращение ко всей деятельности существования, да отвернетесь от нее окончательно, да освободитесь от нее целиком и полностью!»

2. Земля

... пребывал около Саватхи... (Возвышенный сказал:)

Этот мир, где нет конца, — этот круг рождения и смерти (как и ранее)

Так же, как если бы человек превратил эту могучую Землю во множество земляных шаров размерами с коллаттхи и клал бы их один за другим, говоря: «Это мой отец, а это отец моего отца» и т. д.

Не хватит земли для всех отцов отца этого человека. Нет, (чтобы ее хватило для всех них), все побеги, листья, сучья и ветки в этой Индии пришли бы к концу, и надо было бы пользоваться ими снова и снова (пока дело дошло бы до конца).

В чем же причина этого? (как и раньше)

3. Слезы

... около Саватхи... (Возвышенный сказал:)

Этот круг рождения и смерти — мир, не имеющий конца... (как и ранее)

И вот, что вы думаете? Что больше — поток слез, пролитых вами в этом долгом странствии, когда вы все время проходите по кругу рождения и смерти, плача и рыдая вследствие единения с нежеланным,

вследствие разлуки с желанным, — или вода четырех могучих океанов?

— Господин, насколько мы понимаем дхамму, провозглашенную Возвышенным, этот поток пролитых слез, господин, больше, нежели вода четырех могучих океанов.

— Хорошо сказано! Хорошо сказано! Вы, бхикку, превосходно понимаете дхамму, которую я провозгласил вам.

Поистине, большим оказывается этот поток слез, пролитых вами... (как ранее)

Долгое, долгое время переносили вы страдания, вызванные смертью матерей, сыновей, дочерей, несчастьями родственников, утратой богатства; долгое время переносили вы несчастье болезней. Поток слез, пролитых вами, когда вы переживали несчастья болезней с плачем и жалобами, поистине, превосходит воды четырех могучих океанов.

И в чем же причина этого? Мир, не имеющий конца... (как и ранее)...

Так что вы вполне способны испытать отвращение к деятельности существования, целиком и полностью отвернуться от нее, целиком и полностью освободиться от нее.

4. Молоко матери

...около Саватхи... (Возвышенный сказал:)

«Мир, не имеющий конца...»

И вот теперь, что вы думаете, бхикку? Что больше — все материнское молоко, которое вы всосали в этом долгом странствии, все время проходя по кругу повторных рождений, или вода в четырех могучих океанах?»

— Господин, насколько мы понимаем дхамму, провозглашенную Возвышенным, большим будет это молоко, которое мы всосали, господин; оно больше воды четырех могучих океанов.

— Хорошо сказано! Хорошо сказано, о бхикку! Это хорошо, что вы так понимаете провозглашенную мною для вас дхамму.

Поистине, больше это молоко, которое вы всосали в этом долгом странствии... (как и ранее)

И где же причина этого? Мир, не имеющий конца...

Так что вы вполне способны испытать отвращение к деятельности существования...

5. Горы

... около Саватхи...

Тогда некий бхикку подошел к Возвышенному, приветствовал его и сел подле него. Усевшись таким образом, этот бхикку спросил Возвышенного:

— Господин, сколь длительна кальпа?

— Поистине, долга кальпа, о бхикку; нелегко исчислить ее таким образом: столько-то лет, столько-то веков, столько-то тысячелетий, столько-то сотен тысяч лет.

— Но, может быть, есть какая-то поясняющая картина, о господин?

— Может быть, — ответил Возвышенный, —

Точно так же, как если бы здесь существовала могучая горная цепь длиной, шириной и высотой в четыре лиги, без трещины и расщелины, не имеющая внутренней пустоты, одна прочная масса без камней; и вот какой-то человек в конце каждого столетия будет один раз приходить к ней и в каждом таком случае проведет по этой горной массе кусочком бенаресской кисеи; так вот, бхикку, скорее таким образом

будет стерта эта могучая горная цепь, нежели придет к концу кальпа. Так долгод период кальпы, бхикку; и прошло множество кальп, много сотен таких кальп, много тысяч кальп, много сотен тысяч кальп...

(«Сутта-нипатта» II, 178 и след.)

*«Но кости одного человека, который прожил
одну кальпу,
Могли бы составить громаду — так сказал
могучий провидец, —
Высотой подобную Випулле, выше Скалы
Коршунов, выше горной крепости Магадхи
Однако при том, когда такой человек видит
с совершенным прозрением
Благородную истину, четвертичную
благородную истину,
Видит корень и причину страдания, и то,
Как оно приходит, как его преодолеть,
Видит Благородный Восьмеричный Путь,
Ведущий к исчезновению всякого зла, —
Семь раз, не более придется этому человеку
странствовать,
Затем он положит конец страданию,
разрушит все оковы»*.*

(«Ита-вуттака» § 24;
«Сутта-нипата» II, 185)

Ошибочные взгляды

*«Для того, о Пунна, кто придерживается
ложного взгляда,
Уготованы две возможности.*

* После вступления в поток человек связан с колесом рождения и смерти не долее, чем еще на семь жизней.

*Объявлю их: перерождение в чистилище
или в мире животных».*

(«Сутта-нипатта» IV, 307)

«Тот человек, о бхикку, который следует искаженным взглядам, преследует ошибочную цель, проявляет извращения в речи, в действиях или в поведении, совершает неправильные усилия, проявляет неправильное внимание и неправильную джхану, чьи знания и освобождение оказываются ложными, — для него каждое действие, каждое слово или мысль, совершенные и достигнутые в соответствии с такими искаженными взглядами, — каждый его акт воли, всякая надежда, любое решение, вся его деятельность, — все это вместе и в отдельности приведет его к тому, что окажется отвратительным, неприятным, отталкивающим, невыгодным и болезненным. И почему это так? Вследствие его ложных взглядов».

(«Ангуттара-никая» V, 212)

Действие производит результат

«Бхикку, объявляю вам, что из всех поступков, совершенных обдуманно и преднамеренно и накопившихся, ни один не был стерт. Их следует стереть, и это должно произойти в самой этой жизни или в какой-то другой жизни в подходящем для этого случае.

Объявляю вам, что без переживания результата такого совершенного поступка нельзя привести к концу зло.

При этом, бхикку, троична ошибка, троична вина телесного действия, совершенного с обдуманным на-

мерением, вызывающего страдание и имеющего результатом страдание.

Четверична ошибка и вина действия речи, совершенного с обдуманым намерением, вызывающего страдание и имеющего результатом страдание.

Троична ошибка и вина действия ума, которое имеет те же результаты».

(«Ангуттара-никая» V, 292)

Жизнь коротка

«Поистине, коротка эта жизнь. Она гибнет, не доходя до ста лет; но даже если человек живет и более ста лет, он в конце концов гибнет вследствие распада тела.

Люди печалятся из-за своего эгоизма: непостоянно владение богатством в этом мире; все оно подвержено переменам. Видя это, пусть человек не остается в доме, пусть сделается странником.

Смерть уносит даже то, о чем мы думаем: это моя собственность. Видя это, пусть он не отдается эгоизму.

Как пробудившись от сна, человек не видит более того, кто встречается ему во сне, так же точно не видит он более и того, кого любит, того кто умер и стал духом».

(«Самъютта-никая» V, 804–807)

Непостоянство

Тогда сказал Возвышенный досточтимому Ананде:

«Я могу вспомнить, Ананда, как в этом месте было шесть раз сброшено мое тело. И я обитал здесь как

раджа, как правитель, как владыка четырех направлений, охранитель народа, обладатель семи сокровищ, — и это был седьмой раз, когда было сброшено мое тело.

Но я не вижу, Ананда, ни одного места в этом мире вместе с миром дэвов с его марами, брахманами, отшельниками и брахмами, со всеми сонмами дэвов и человечества, — я не вижу места, где татхагата должен сбросить свое тело в восьмой раз.

Так говорил Возвышенный. Когда Счастливым произнес эти слова, он добавил далее следующее:

*"Увы, непостоянны все составные вещи!
Их природа — возникновение и исчезновение.
Когда они возникли, они исчезают.
Приведение их к концу — есть блаженство"».*

(«Дигха-никая» I, 198)

Смерть покрывает все

Так я слышал. Как-то Возвышенный пребывал в Саваттхи, в восточном парке, в двухэтажном доме матери Мигары.

И вот в тот раз Возвышенный, выйдя к вечеру из своего уединения, сидел в лучах солнца, клонившегося к закату, усевшись так, чтобы оно согревало ему спину.

Тогда досточтимый Ананда подошел к Возвышенному и, растирая рукою его члены, так обратился к Возвышенному:

— Чудесно это, господин! Странно это, господин! Теперь, господин, тело Возвышенного более не является чистым и прозрачным; ослабели все его члены и стали морщинистыми. Прежде тело его было луче-

зарным, а теперь в каждом органе видна перемена — в зрении, в слухе, в обонянии, во вкусе, в осязании. Все изменилось, господин!

— Точно так же, Ананда, природа распада внутренне присуща юности; природа болезни заключена в здоровье; в середине жизни мы пребываем в смерти; так что теперь мое тело более не является чистым и прозрачным; все мои члены слабы и морщинисты. Ранее мое тело было лучезарным; а теперь в каждом органе видна перемена — в зрении, в слухе, в обонянии, во вкусе, в осязании.

Так говорил Возвышенный, так говорил Счастливый. Сказав это, Учитель сделал следующее дополнение:

*«Позор тебе, негодная старость,
Заставляющая потускнеть краски.
Так восхитительная форма
Оказалась раздавлена старостью.
Живущий сотню лет
Все же обречен на смерть.
Ничто не в состоянии избежать уз смерти,
Которая сокрушает все сущее».*

(«Сутта-нипатта» V, 216)

Посланцы смерти

«Ты теперь слабый, как завядший лист,
Посланцы смерти берут тебя за руки,
Ты стоишь уже у ворот смерти
И нет ничего, что ты можешь взять с собой
в дорогу.
Поэтому создай себе свой "защищенный остров":

Старайся, прилагай усилия, борись энергично,
будь мудрым:

Когда все твои скверны, непорядочность,
униженность — будут развеяны прочь, тебе,
Святому, откроется вход в "счастливую землю".

Твоя жизнь прошла своим чередом,
Ты приблизился к "царству смерти".

Ты не можешь подождать,

На твоём пути нет возможности отдохнуть, и ты
не можешь ничего взять с собой в дорогу.

Поэтому создай себе свой "защищенный остров":

Старайся, прилагай усилия, борись энергично,
будь мудрым:

Развей прочь пыль омраченности и скверны,
вызывающую круговорот бытия:

Вытри "ржавчину" неведения, и ты не придешь
больше к рождению, разложению и старости.

Мудрый и внимательный побеждает свои
недостатки и проступки один за другим, в
каждый момент придерживается нравствен-
ности согласно Дхамме,

Очищает свои загрязнения ума полностью,
подобно тому как кузнец очищает серебро от
шлака.

Как ржавчина на железе: из него возникает и
его же съедает,

Так же и преступающий нравственность
Дхаммы: день за днем его собственные дей-
ствия разрушают его самого».

(«Дхаммапада» 235–240)

После смерти

Однажды Возвышенный пребывал в Саватхи, в парке Анатхапиндики. Тогда, к концу ночи, Хаттхака, сын дэва, приблизился к Возвышенному, озарив всю рощу Джета необычайным великолепием.

Приблизившись к нему, он подумал: «Я стану перед Возвышенным», — но опустил вниз, обессиленный, не смог стоять прямо. Подобно сливочному или оливковому маслу, вылитому на песок, расплывшемуся, впитавшемуся и неспособному сохранить форму, Хаттхака, сын дэва, не смог стоять перед Возвышенным, а опустил вниз, обессиленный и не был в состоянии стоять прямо.

Тогда Возвышенный сказал Хаттхаке, сыну дэва: «Создай материальную форму тела, о Хаттхака!»

«Да, господин», — ответил Хаттхака Возвышенному; и сделав это, он подошел к Возвышенному и стал подле него. Когда он так стоял, Возвышенный обратился к нему:

«Ну что, Хаттхака, как идут у тебя дела — так же, как и тогда, когда ты пребывал в человеческой форме?»

«Да, господин, так же; но теперь происходит и такое, чего я не чувствовал, будучи в человеческой форме. Точно так же, господин, как Возвышенный ныне пребывает в окружении бхикку и бхиккуни, братьев и сестер-мирян, царственных особ и министров, членов сект и их последователей, — так и я пребываю в окружении сынов дэвов. Даже издали, господин, приходят сыны дэвов, говоря: "Мы услышим дхамму из уст Хаттхаки, сына дэва".

Три вещи я не получил в достаточном количестве, господин; и я умер, сожалея о трех вещах. Что это за

три вещи? Я никогда не зрел Возвышенного достаточно время, и я умер, сожалея об этом. Я никогда не слышал достаточно благой дхаммы, и я умер, сожалея об этом. Я никогда не служил в достаточной мере общине бхикку, и я умер, сожалея об этом. Такковы эти три вещи, господин».

И затем он произнес такой стих:

*«Я никогда не мог досыта насладиться
восторгом
Своего желания видеть Возвышенного,
Слышать благу дхамму, служить
общине бхикку.
Сохраняя десять добродетелей, слушая дхамму,
Никогда досыта не насладившись
Этими тремя, Хаттхака, сын дэва, достиг
Авитха в мире Брахмы»*.*

(«Ангуттара-никая» I, 279)

Болезнь, смерть и явление Анатхапиндики

Так я слышал. Однажды Возвышенный пребывал в Саваттхи, в роще Джета, в парке Анатхапиндики.

И вот в то время отец семейства Анатхапиндика заболел, пораженный болезнью горла. Тогда Анатхапиндика позвал некоего человека и сказал:

«Подойди, добрый человек! Пойди к Возвышенному и, придя к нему, преклони колени перед Возвышенным от моего имени и скажи ему так: Господин, отец семейства Анатхапиндика болен, поражен бо-

* Родившийся в небесном мире после смерти становится его обитателем; его называют «дэвадатой», т. е. сыном дэва. «Авитха» — одно из высочайших субъективных, или бесформенных, состояний мира Брахмы.

лезню горла; он припадает к ногам Возвышенного». Затем подойди к досточтимому Сарипутте, сделай и скажи то же самое. Скажи ему также: «Было бы хорошо, господин, если бы досточтимый Сарипутта посетил обитель отца семейства Анатхапиндики из сострадания к нему».

«Очень хорошо, господин», — сказал этот человек, отправился к Возвышенному и сделал все, что его просили. Затем он подошел к досточтимому Сарипутте и передал ему послание Анатхапиндики.

На это досточтимый Сарипутта молчанием выразил свое согласие. Он облачился в свое одеяние, взял чашу и верхнюю одежду; и вот, сопровождаемый досточтимым Анандой, он отправился в обитель домохозяина Анатхапиндики. Придя туда, он уселся на приготовленное место и сказал: «Итак, домохозяин, поправляешься ли ты? Терпелив ли ты? Уменьшаются ли твои боли, не возрастают ли они? Есть ли признаки того, что они уменьшаются и не возрастают?»

«Нет, господин, я не поправляюсь. Я не выношу своего положения. Сильные боли одолевают меня, и они не ослабевают, нет признаков их уменьшения, они усиливаются. Как если бы какой-то сильный человек, господин Сарипутта, крушил мою голову острым мечом, так и жизненные ветры мучают меня с невероятной силой. Как если бы какой-то сильный человек перевязал мне голову крепкой веревкой, столь яростны боли в моей голове. Как если бы мясник или его подручный острым ножом вспарывал живот вола, такие точно боли раздирают мой живот. Как если бы два сильных человека схватили более слабого за обе руки и палили и жгли его в яме с тлеющим углем, такова и невероятная, жгучая боль в моем теле. Нет, господин Сарипутта, я не выздоровли-

ваю, я не выдержу. Мои страдания растут; они не уменьшаются».

«Тогда, отец семейства, ты должен так воспитывать себя, свой ум», — и достойный Сарипутта объяснил ему способ подчинения ума, как это описано в другом месте. На это домохозяин Анатхапиндика громко воскликнул, залившись слезами: «Увы, увыв!»

Тогда досточтимый Ананда спросил:

«Что происходит с твоим умом, о отец семейства? Держится ли он или погружается вниз?»*

«Нет, не это, господин Ананда! Я держусь, я не поддаюсь. Но так долго сидел я подле Учителя и бхикку, обладавшего воспитанным умом; однако я никогда не слышал такого благочестивого наставления, как эта ваша беседа».

«Правда, отец семейства, такое благочестивое наставление, как это, не произносится для тех людей, которые живут в своих домах и носят белые одежды. Для ушедших из дома произносятся такие благочестивые наставления».

«Тогда, господин Сарипутта, пусть оно будет произнесено и для тех, кто живут в домах, для тех, кто носит белые одежды. Среди моих сородичей, господин Сарипутта, есть такие, природа которых лишь слегка запятнана. Они гибнут, ибо не слышат дхаммы. Они достигнут понимания дхаммы».

Тогда досточтимый Сарипутта и досточтимый Ананда, дав напутствие отцу семейства Анатхапиндике, поднялись со своих мест и ушли. Вскоре после их ухода домохозяин Анатхапиндика скончался; по-

* В тексте: «*оляся твам, самсидаси?*», т. е. букв. «держишься или уступаешь?». Слово «оляся» объясняется как «висеть вниз головой» «подобно летучей мыши на дереве»; выражение обозначает ум, неспособный удержать тело в целостности.

сле его смерти и разрушения тела он родился повторно в сообществе Счастливых Существ.

Затем Анатхапиндика, ныне ставший сыном дэва, к концу ночи озарил чудесным великолепием всю рощу Джета, приблизился к Возвышенному, приветствовал его и стал подле него. Стоя так, Анатхапиндика, ставший сыном дэва, обратился к Возвышенному и произнес такие стихи:

*«Благословенна эта роща Джета,
Обитель сонма провидцев,
Где пребывает Правитель дхаммы!
Она пробуждает во мне радость.
Действие, познание, самовоспитание,
Жизнь в полной безупречности —
Люди очищают себя этими качествами,
Не рождением, не богатствами.
Поэтому пусть мудрый борется,
Видя в борьбе собственное благо.
Пусть он глубоко ищет дхамму:
Благодаря этому приходит чистота.
Подобно мудрому Сарипутте,
Добродетельному и подчинившему себя,
Бхикку, перешедший на другой берег,
Этим сравнился с наилучшими».*

Так сказал сын дэва Анатхапиндика. И Учитель одобрил его слова. Тогда Анатхапиндика, сын дэва, сказал: «Учитель одобряет!» — выразил почтение Возвышенному и, обойдя его справа, исчез.

И вот по прошествии ночи Возвышенный призвал бхикку и сказал: «О бхикку, этой ночью, когда приближалось утро, некий сын дэва озарил всю рощу чудесным великолепием; он подошел ко мне и, подойдя, приветствовал меня и стал возле меня. Стоя та-

ким образом, этот сын дэва обратился ко мне в стихах». И Возвышенный повторил стихи...

...Так говорил этот сын дэва, о бхикку, и сказав: «Учитель одобряет, приветствовал меня, обойдя справа, а затем исчез оттуда».

На это досточтимый Ананда сказал Возвышенному: «Так, господин, этим сыном дэва, должно быть, оказался Анатхапиндика. Ибо домохозяин Анатхапиндика, господин, обладал совершенной верой в досточтимого Сарипутту».

«Хорошо сказано, Ананда! Хорошо сказано, Ананда! Пока дело касается рассудка, ты сообразил правильно: этот сын дэва был Анатхапиндика, никто другой».

Так говорил Возвышенный. И эти бхикку радовались словам Возвышенного.

(«Маджджхима-никая» III, 143)

Продвижение в небесном мире

«Четыре благословения, о бхикку, можно искать благодаря обращению ума к учениям дхаммы, благодаря их устному повторению, благодаря умственным размышлениям над ними, благодаря проникновению в них при помощи прозрения. Каковы же эти четыре?»

При этом, о бхикку, какой-то бхикку усваивает дхамму в ее девяти членах, проповеди, песнопения, объяснения, стихи, торжественные изречения, слова Учителя, повествования о рождениях и чудесах, книгу различных учений. Он слушает их, повторяет, размышляет над ними и глубоко проникает в них своим прозрением. Затем он умирает с расстроенной внимательностью и вновь рождается в некотором обществе дэвов. Там блаженные существа повторяют

ему строфы дхаммы. Медленно пробуждается внимательность, бхикку! — но это существо быстро достигает в ней выдающихся успехов.

Таково первое благословение, которое надо искать, действуя подобным образом.

Затем опять-таки, бхикку, такой бхикку усваивает дхамму... (как ранее)... он умирает с расстроенной внимательностью и вновь рождается в сообществе дэвов. Там блаженные существа не повторяют ему строфы дхаммы; но может случиться так, что какой-то бхикку, обладающий магическими силами и подчинивший свою волю, объясняет дхамму в этом сообществе дэвов. Тогда такой бхикку думает: "Так вот это и есть жизнь, это и есть дисциплина дхаммы, согласно которой я жил праведной жизнью в прошлом рождении!" Поистине, о бхикку, медленно пробуждается внимательность; но такой бхикку быстро достигает в ней наивысших ступеней.

Подобно тому как человек, искусный в различении звуков барабанов, странствуя по большой дороге, может услышать звук некоторого барабана; и при этом он нисколько не сомневается в том, что слышит звук барабана, а сразу делает вывод: это звук барабана. Точно так же, о бхикку, такой бхикку усваивает дхамму... (как ранее)...

Таково второе благословение, которое надо искать, действуя подобным образом.

Затем, о бхикку, опять-таки некий бхикку усваивает дхамму... и вновь рождается в некотором сообществе дэвов. Тогда блаженные существа не произносят ему строфы дхаммы; также и какой-нибудь бхикку, обладающий магическими силами и подчинивший свою волю, не станет объяснять дхамму в этом сообществе дэвов; но какой-нибудь сын дэва сам

объясняет дхамму этому сообществу дэвов. Тогда такой бхикку думает: "Так это и есть жизнь, так это и есть та дисциплина дхаммы, согласно которой я жил праведной жизнью в прошлых рожденьях". Поистине, бхикку, медленно устанавливается внимательность; но этот бхикку быстро достигает в ней наивысших ступеней.

Подобно тому, бхикку, как человек, искусный в звуках цимбал, может, странствуя по большой дороге, услышать звуки каких-то цимбал; при этом он нисколько не сомневается в том, что слышит звук, а сразу делает вывод: это звук цимбал, — точно так же, о бхикку, этот бхикку усваивает дхамму... (как ранее)... Это третье благословение, которое следует искать, действуя подобным образом.

Затем, бхикку, опять-таки некий бхикку усваивает дхамму... и вновь рождается в некотором сообществе дэвов. Тогда блаженные существа не произносят ему строфы дхаммы; также и какой-нибудь бхикку, обладающий магическими силами и подчинивший свою волю, не станет объяснять дхамму в этом сообществе дэвов; и какой-нибудь сын дэва не будет объяснять дхамму в этом сообществе; но некоторое существо, рожденное в видимой форме, так напоминает другому существу, рожденному таким же образом: "Помнишь ли ты, добрый господин? Помнишь ли, добрый господин, как в нашем прошлом рождении мы жили праведной жизнью?" И другое существо отвечает: "Да, добрый господин, я действительно помню это". Поистине, бхикку, медленно возникает внимательность; но этот бхикку быстро достигнет в ней наивысших ступеней*.

* «*Опанатико*» — букв. «в силу видимого рождения», т. е. без родителей. Такой человек просто «появляется» или «проявляется» в небесном мире.

Подобно тому как двое людей, некогда бывшие товарищами в игре и вместе мастеровившие пирожки из грязи, встречаются друг с другом, и один говорит другому: "Друг, помнишь ли это? Помнишь ли то?" — а второй отвечает: "Да, мой друг, действительно помню; я действительно помню", — точно так же, о бхикку, усваивает такой бхикку дхамму... (как ранее)...

Это четвертое благословение, которое следует искать, действуя подобным образом, — кто слушал дхамму, кто повторял ее, кто проник в нее своим прозрением. И таковы эти четыре благословения, которые следует искать».

(«Аннуттара-никая» II, 185–186)

Суппабуддха, прокаженный

Так я слышал. Однажды Возвышенный находился около Раджагахи, в бамбуковой роще, на площадке для кормления белок.

И вот в то время жил в Раджагахе некий бедняк, прокаженный, по имени Суппабуддха, — бедное, несчастное, убогое создание. И случилось в то время, что Возвышенный сидел там, окруженный большой толпой, и учил дхамме.

И Суппабуддха, прокаженный, увидел издалека собравшуюся толпу и при виде ее подумал: «Несомненно, там раздают милостыню, раздают пищу, твердую и мягкую. Что, если я подойду к этой толпе? Может быть, и я получу там что-нибудь поесть — твердую или мягкую пищу...»

Так Суппабуддха, прокаженный, приблизился к той толпе и узрел Возвышенного, сидящего там сре-

ди этой большой толпы и проповедующего дхамму. Увидев Возвышенного он подумал: «Нет! Здесь не раздают милостыню, здесь не подают твердую и мягкую пищу. Это самана Готама проповедует собравшимся дхамму. А что, если я прослушаю это учение?»

И вот он уселся в стороне, думая: «И я также хочу слушать учение».

Тогда Возвышенный, читая своими мыслями мысли всего собрания, сказал себе: «Хотел бы я знать, кто из этих присутствующих способен постичь истину». Тогда он увидел сидящего в толпе Суппабуддху, прокаженного, и при виде его он узнал: «Этот человек способен постичь истину».

Поэтому ради Суппабуддхи, прокаженного, Учитель произнес проповедь, в которой в должном порядке рассмотрел вопросы: о раздаче милостыни, о святой жизни и о небесном мире; и он показал низость и порочность чувственных желаний, а также пользу освобождения от *асав*.

И вот когда Возвышенный увидел, что сердце Суппабуддхи, прокаженного, смягчилось, приобрело гибкость, освободилось, возвысилось, исполнилось веры, тогда он представил ему для усвоения превосходнейшую дхамму всех будд: страдание, причину страдания, прекращение страдания и путь.

Тогда подобно тому как белая ткань, свободная от пятен, готова принять краску, так и Суппабуддха, прокаженный, когда он сидел там, на том же самом месте, пробудился к чистому, незапятнанному прозрению в истину, к познанию того, что все, имеющее начало, должно также иметь конец. И тогда Суппабуддха, прокаженный, увидел истину, достиг истины, постиг истину, погрузился в истину, пересек океан сомнений, обрел уверенность и, не нуждаясь

более ни в чем, утвердившись в учении Учителя, вскочил со своего места и приблизился к Возвышенному, усевшись подле него.

Сидя так, он обратился к Возвышенному:

«Великолепно, о господин! Великолепно, о господин! Подобно тому, господин, как надо поднять упавшее, открыть скрытое, указать путь заблудившемуся, показать свет во тьме, говоря: "Теперь, имеющие глаза могут увидеть формы", — точно так же Возвышенный разными способами изъяснил истину. Я, даже я, о господин, обращаюсь за убежищем к Возвышенному, к дхамме и к сообществу бхикку. Да примет меня Возвышенный как своего последователя, как человека, который с этого времени и до конца жизни пришел к нему за убежищем».

После этого Суппабуддха, прокаженный, наученный, утвердившийся, пробужденный и осчастливленный благочестивой беседой Возвышенного, воздал хвалу и приветствие его словам, выразил ему благодарность и поднялся с места, выразил почтение Возвышенному, обойдя его справа, и ушел.

И случилось так, что молодой бычок наскочил на прокаженного Суппабуддху и, боднув, убил его.

И вот многие бхикку пришли к Возвышенному, приблизились к нему, приветствовали его и сели подле него. Усевшись таким образом, они обратились к Возвышенному: «Господин, Суппабуддха, прокаженный, после того как он был научен, утвержден в дхамме, пробужден и осчастливлен благочестивой беседой Возвышенного, ныне мертв. Пожалуйста, скажите, каково его новое рождение, каково его достижение».

(Так сказал Учитель:) «Бхикку, Суппабуддха, прокаженный, был мудрецом. Он жил в соответствии

с дхаммой. Он не надоедал мне спорами о дхамме. Суппабуддха, прокаженный, о бхикку, разбил этот сосуд — три вида оков, он стал вступившим в поток; он избегнул падения вниз, он обрел уверенность, он неизбежно достигнет просветления».

На это один из бхикку спросил Возвышенного: «Прошу, господин, скажите, что было условием, что было причиной, которая сделала Суппабуддху, прокаженного, бедным, несчастным, убогим созданием».

«Когда-то, бхикку, Суппабуддха, прокаженный, был сыном богатого человека в этом самом городе Раджагахе. Однажды, проходя через сад, он увидел паччека-будду Тагара-Сикхи, который входил в город, чтобы просить милостыню. Увидев его, Суппабуддха, подумал: "Что делает здесь этот прокаженный?" — плюнул на него и ушел. После этого он попал в ад на многие годы — на сотни, на тысячи, на многие сотни тысяч лет; и плодом этого поступка было его повторное рождение здесь, в этом городе Раджагахе, в форме прокаженного, бедного, несчастного, низкого создания. И как только он вступил в дисциплину дхаммы, установленную татхагатой, он воспринял веру, приняв святую жизнь, доктрину, самопожертвование и мудрость. Так утвердившись, он после смерти и разрушения тела родился повторно в счастливом состоянии, в блаженном мире, в сообществе дэвов тридцати трех; и там, поистине, превосходит всех прочих дэвов славой, сиянием и известностью».

После этого Возвышенный, видя, что тема исчерпана, произнес это вдохновенное изречение:

*«Имеющий глаза, чтобы видеть,
Видя ямы на пути,*

*Должен решительно шагнуть вперед:
Так и в мире людей
Мудрому необходимо устранить
Все грехи и злонравие».*

(«Удана» V, 3)

Все встречаются в центре

В Саваттхи. Тогда брахман Уннабха пришел к Возвышенному, отдал ему дружеское приветствие и после взаимного обмена вежливыми приветствиями сел подле него. Усевшись таким образом, брахман Уннабха сказал следующее:

— Учитель Готама, есть эти пять контролирующих способностей различных сфер, различного объема, различной протяженности, которые не достигают взаимно плодов объема и протяженности другого. Что это за пять? Это контролирующие способности глаза, уха и т. д., а также тела.

И вот, учитель Готама, поскольку пять контролирующих способностей независимы друг от друга по своим сферам, объему и протяженности, какое существует общее для них убежище, к которому они все направлены, и кто тот, кто пожинает плоды их совместной сферы протяженности?

— Так и есть, брахман, как ты говоришь... Общее для них убежище есть ум. Именно ум пожинает плоды их совместной сферы и протяженности.

— А что же, учитель Готама, будет убежищем для ума?

— Внимательность, брахман, будет убежищем для ума.

— А что будет убежищем для внимательности, учитель Готама?

— Освобождение, брахман, будет убежищем для внимательности.

— А что же, учитель Готама, будет убежищем для освобождения?

— Ниббана, брахман, есть убежище для освобождения.

— А что же тогда, учитель Готама, будет убежищем для ниббаны?

— Этот вопрос, брахман, заходит слишком далеко. Ты не можешь получить ответа, охватывающего такой вопрос. Погрузиться в ниббану, о брахман, значит жить святой жизнью, цель которой и есть ниббана, задача которой и есть ниббана.

После этого брахман Уннабха, довольный словами Возвышенного, поблагодарил его, встал с места, поклонился ему, обошел его справа и ушел.

Вскоре после его ухода Возвышенный сказал бхикку:

— О бхикку, как в хижине с заостренной крышей или в помещении со сводчатым потолком, с окном, выходящим на Восток, когда Солнце встает, и его лучи пройдут сквозь окно, куда они упадут?

— На западную стену, господин!

— Точно так же, бхикку, вера брахмана Уннабхи в татхагату прочна, имеет корни, устойчива, сильна; она не будет расстроена никем в этом мире, будь то отшельник и брахман, дэва, Мара или Брахма.

Если в это время, о бхикку, брахману Уннабхе придется умереть, не будет никаких связывающих его оков, из-за которых он был бы вынужден вновь вернуться в этот мир.

(«Сутта-нипатта» V, 217–219)

Глава 12

ПУТЬ СВЯТОСТИ

Святая жизнь — это содружество с прекрасным

Так я слышал. Однажды Возвышенный пребывал среди сакьев в Саккаре, в городе царства сакьев.

Тогда досточтимый Ананда пришел к Возвышенному, приветствовал его и сел подле него. Так усевшись, досточтимый Ананда сказал следующее:

— Половина святой жизни, господин, — это дружба с тем, что прекрасно, связь с тем, что прекрасно, близость с тем, что прекрасно.

— Не говори так, Ананда! Не говори так, Ананда! Это — вся святая жизнь, а не половина святой жизни. От бхикку, столь благословенного содружеством с прекрасным, мы можем ожидать того, что он вступит на Благородный Восьмеричный Путь, что он пройдет далеко по этому Благородному Восьмеричному Пути.

И как же, Ананда, столь благословенный бхикку вступает на Благородный Восьмеричный Путь, как он идет далеко по этому Благородному Восьмеричному Пути?

При этом, Ананда, он достигает *правильного взгляда*, который основан на отсутствии привязанности; на бесстрастии, на прекращении вожделения; это прекращение проявляется в готовности отказаться от желаемого. Он достигает *правильной цели*, которая основана на том же, связана с тем же; подобным же образом достигаются *правильная речь, правиль-*

ное действие, правильный образ жизни, правильное усилие, правильная внимательность и правильная сосредоточенность, основанные на непривязанности, на бесстрастии, на прекращении вожеления, что связано с готовностью к отказу от желаемого.

Так, Ананда, бхикку, благословенный дружбой с тем, что прекрасно, связью с тем, что прекрасно, близостью к тому, что прекрасно, вступает на Благородный Восьмеричный Путь и идет далеко по этому пути.

Таков способ, Ананда, при помощи которого ты должен понимать, как святая жизнь в ее целостности состоит из дружбы, связи, близости к тому, что прекрасно. Поистине, Ананда, существа, подверженные повторному рождению, освобождаются от повторного рождения, подверженные разрушению, подверженные смерти, подверженные печали, горести, сожалению и отчаянию, — освобождаются от них благодаря своему содружеству с тем, что прекрасно.

Благодаря этому методу, Ананда, ты должен понимать, что святая жизнь в ее целостности состоит из содружества с тем, что прекрасно, из близости к тому, что прекрасно.

(«Сутта-нипатта» V, 2)

**Красота — это истина,
истина — это красота**

(Различные секты обвиняли Учителя в нескольких ересьях, среди которых была и та, что он будто бы учит, что Вселенная произошла случайно, появилась лишь в силу слепого случая. И вот здесь он дает объяснения этого вопроса страннику Бхаггаве.)

— И вот ныне, Бхаггава, я достиг наивысшего знания. Не только знаю я это, но обладаю в высшей степени превосходным знанием. Далее, я не злоупотребляю знанием; а поскольку я не злоупотребляю им, я узрел спокойствие, я постиг, что татхагата не может совершить ошибку.

И вот, Бхаггава, когда я таким образом провозгласил (свое знание), некоторые отшельники и брахманы стали злословить меня, стали распространять беспочвенную, пустую ложь, лишённую истины, говоря: «Отшельник Готама и его бхикку отклонились от истины; ибо отшельник Готама учит так:

”Когда человек достигает освобождения, называемого Красотой, и по достижении этого состояния пребывает в нем, в такое время он считает Целое (т. е. Вселенную) уродливым”».

Но я никогда не говорил этого, Бхаггава. Вот что я говорю: «Всякий раз, когда некто достигает освобождения, называемого прекрасным, тогда он действительно знает, что такое красота».

— Тогда, господин, это именно они отклонились от истины, они, обвиняющие Возвышенного и его бхикку в отклонении от истины. Уверен я, господин, в Возвышенном. Это Возвышенный может научить меня таким способом, чтобы и я также оказался в состоянии достичь освобождения, называемого прекрасным, чтобы я, достигнув его, мог пребывать в нем.

— Но трудно для тебя, Бхаггава, придерживающегося других взглядов, признать иной образ мыслей; имея разные наклонности, разные цели и разные системы мысли, — трудно для тебя достичь освобождения, называемого прекрасным, трудно, достигнув его, пребывать в нем.

Смотри же, Бхаггава, что касается этого доверия ко мне, которое ты имеешь, храни его, пожалуйста, со старанием!

— Что делать, господин! Если это будет для меня трудно, поскольку я придерживаюсь других взглядов и признаю иную систему мысли, имею другие наклонности, другую цель и другую систему, — тогда я, во всяком случае, старательно сохраняю то доверие, которое я чувствую по отношению к Возвышенному.

Так говорил Возвышенный. И член рода Бхаггава, странник, радовался тому, что сказал Возвышенный, наслаждаясь его словами.

(«Дигха-никая» III, 34–35)

«Я нашел Учителя!»

Так я слышал. Однажды Возвышенный совершал странствие среди народа Магадха и пришел в Раджагахе. Он оказался около жилища гончара Бхаггавы и пришел к нему. Придя к этому Бхаггаве, он сказал:

— Если не будет тебе неприятно, Бхаггава, я проведу одну ночь под крышей твоего сарая.

— Не возражаю, господин, — ответил гончар Бхаггава, — но здесь есть еще один странник, который только что начал свой первый сезон дождей. Если он согласится, господин, пожалуйста, оставайтесь столько, сколько пожелаете.

А в то время здесь находился некий член рода по имени Пуккусати; он обладал верой в Возвышенного, ушел из дома, чтобы стать странником и вести бездомную жизнь; это и был тот странник, который проводил под крышей гончара свой первый сезон дождей.

Итак, Возвышенный приблизился к досточтимому Пуккусати, подошел к нему и сказал:

— Если это не будет вам неприятно, о бхикку, я проведу одну ночь под этой крышей.

— Помещение достаточно велико, друг! Оставайтесь сколько вам угодно, достойный господин!

Тогда Возвышенный вошел под кровлю сарая, расстелил на одной стороне охапку соломы, сел, скрестив ноги и держа туловище выпрямленным, поставив перед собой в качестве цели внимательность. И Возвышенный сидел так до глубокой ночи. Подобным же образом сидел так до глубокой ночи и досточтимый Пуккусати.

И вот Возвышенному пришла на ум мысль: «Интересно, каково расположение ума этого члена рода. Что, если я спрошу его?» И вот Возвышенный обратился к досточтимому Пуккусати:

— Доверяя кому, о бхикку, ушли вы странствовать из дома для бездомной жизни? Кто ваш учитель? Чью доктрину вы одобряете?

— Друг, есть на свете отшельник по имени Готамма, из рода сакьев, который ушел странствовать из своего рода сакьев. Благоприятные сведения об этом Готамме распространились, о мой господин, далеко за пределы его царства: это он, Возвышенный, Арахант, Полностью Просветленный, совершенный в познании, в практике, благотворитель, познавший мир, колесничий для людей, желающих, чтобы их укротили, учитель дэвов и людей, Будда, Возвышенный! Обладая доверием к этому Возвышенному, я и отправился странствовать. Этот Возвышенный и есть мой учитель; доктрину этого Возвышенного я одобряю.

— А где же сейчас обитает этот Возвышенный, о бхикку, этот арахант, который полностью просветлен?

— В северных областях, о друг, есть город, называемый Саватхи; вот там обитает ныне этот Возвышенный, этот Арахант, Полностью Просветленный.

— А видели ли вы когда-нибудь его, о бхикку? Узнали бы вы его, если бы увидели?

— Нет, о друг, я никогда не видел этого Возвышенного; и если бы я увидел его, я не узнал бы его.

Тогда Возвышенный подумал: «Итак, этот член рода ушел странствовать силою веры в меня. Что, если сейчас я научу его дхамме?» И тогда Возвышенный сказал досточтимому Пуккусати:

— Я научу вас некоторому учению, о бхикку. Пожалуйста, послушайте это учение. Будьте внимательны, я буду говорить!

— Очень хорошо, друг! — ответил досточтимый Пуккусати Возвышенному.

(Тогда Учитель объяснил ему подробно шестеричную природу человека. И когда он кончил, он сказал:)

— О бхикку, хорошенько запомните это мое рассмотрение шестеричной природы!

После этого досточтимый Пуккусати воскликнул: «Я нашел Учителя! Я нашел Благотворителя! Все-просветленного я нашел!»

И он вскочил со своего места, набросил одеяние на одно плечо и склонил голову к ногам Возвышенного, говоря:

— Моя ошибка, господин! Моя вина! Таким было мое безумие, такой была моя ослепленность, моя глупость, когда я, не подумав, употреблял слово «друг», разговаривая с Возвышенным! Да примет Возвышен-

ный признание моей вины, как таковой, чтобы в будущем я был более благоразумным.

— Поистине, бхикку, вы ошибаетесь в своем безумии, в своей ослепленности, в своей глупости, обращаясь ко мне таким образом. Однако, поскольку вы увидели свою ошибку как ошибку и как следует признали ее, мы не принимаем ее как вашу ошибку. Ибо в этом, бхикку, заключается рост в благородной дисциплине: когда некто увидел свою ошибку, ему следует раскаяться в таковой и в будущем практиковать самообуздание.

— Господин, можно ли мне получить от Возвышенного полное посвящение?

— А есть ли у вас, бхикку, требуемые чаша и одеяние?

— Нет, господин, у меня нет требуемых чаши и одеяния.

— Но, досточтимый, татхагаты не дают полного посвящения тем, у кого нет требуемых чаши и одеяния.

После этого досточтимый Пуккусати, обрадованный словами Возвышенного, выразил ему благодарность, снова встал со своего места, приветствовал Возвышенного, обойдя его с правой стороны, и ушел, чтобы найти для себя одеяние и чашу.

И вот когда досточтимый Пуккусати ходил в поисках одеяния и чаши, бродячая корова ударила его рогом, и он умер.

Затем многие бхикку пришли к Возвышенному, приблизились к нему и уселись подле него. Сидя таким образом, эти бхикку сказали Возвышенному: «Господин, член рода по имени Пуккусати, получивший наставление от Возвышенного, был убит. Какова его судьба, каково его состояние после смерти?»

— О бхикку, этот член рода Пуккусати — мудрый человек. Он шествовал согласно предписаниям дхаммы и не надоедал мне вопросами о дхамме. Бхикку, член рода Пуккусати разрушил пять оков, которые привязывают нас к рождению в этом мире, и должен будет появиться в мире Брахмы. Он непременно достигнет ниббаны; и ему более не суждено вернуться сюда.

(«Маджджхима-никая» III, 140)

Дхамма глубока

Однажды Возвышенный пребывал среди народа куру в Каммасадамме, в предместье столицы куру. И вот досточтимый Ананда пришел к Возвышенному, приветствовал его и сел подле него. Сидя так, досточтимый Ананда сказал Возвышенному следующее:

— Чудесно, господин! Чудесно, господин! Сколь глубок этот закон причинности, сколь глубоким он кажется! Однако же я считаю его вполне простым для понимания!

— Не говори так, Ананда! Не говори так! Поистине, глубок этот закон причинности, и глубоким оказывается он. В силу незнания, в силу непонимания, в силу отсутствия проникновения в эту доктрину закона причинности мир оказался запутанным подобно клубку веревки, оказался как бы покрыт ядовитой росой, уподобился зарослям травы мунья и болотных трав, оказался неспособным преодолеть ужас распада, пути горя и гибели, оказался неспособным выйти за пределы бесконечного движения по кругу (повторных рождений).

У того, Ананда, кто пребывает в созерцании наслаждения всем тем, что связано с вожделением, вырастает страсть; страсть есть условие рождения вожделения; вожделение есть условие становления. Обусловлены ими рождение, разрушение и смерть, печаль и страдание, горе, сожаление и отчаяние. Так возникает вся эта масса зла.

Это подобно тому, как если бы существовало большое дерево, чьи корни уходят в глубину и в стороны и поглощают сок. Поистине, Ананда, столь большое дерево, так питаемое, так обеспечиваемое питанием, будет прочно стоять в течение долгого времени.

Точно так же, у того, кто пребывает в созерцании наслаждения всем, что связано с вожделением, вырастает страсть. И, как я сказал... из страсти возникает вся эта масса зла.

Но у того, Ананда, кто пребывает в созерцании горести всего, что связано с вожделением, страсть исчезает. Благодаря исчезновению страсти прекращается и вожделение; поэтому прекращаются также и становление, рождение, разрушение и смерть... страдание и отчаяние. Так прекращается вся эта масса зла.

Предположим, Ананда, что где-то стоит большое дерево; приходит человек с топором и корзиной и срубает это дерево под корень. Он срубает его под корень, окапывает его ствол вокруг ямой, вытаскивает из земли все корни, даже маленькие, все их ответвления. Далее он разрубает древесину на поленья, раскалывает их, а затем расщепляет на щепки. Потом он сушит щепки под ветром и на солнце, сжигает их в огне, собирает золу в кучу и рассеивает ее по ветру или высыпает в быстро текущий ручей, чтобы тот унес ее прочь.

Поистине, это большое дерево, срубленное таким образом под корень, превратится в подобие пальмо-

вого пня, обратится в ничто; и в будущем оно не сможет дать новые побеги.

Точно так же, Ананда, у того, кто пребывает в созерцании горести всего, что связано с вожделением, прекращаются страсти; и с прекращением страстного вожделения прекращаются также становление, рождение, разрушение и смерть, печали, страдания, горе, сожаление и отчаяние. Таково прекращение всей этой массы зла.

(«Сутта-нипатта» II, 92)

Оковы

(Махакали спрашивает Учителя о предмете святой жизни, или брахмачарья:)

— Следовательно, господин, бхикку живут святой жизнью под руководством Возвышенного именно ради постижения практики дхьяны?

— Конечно, нет, Махакали. Не ради этого бхикку живут святой жизнью под моим руководством. Есть другие цели, более высокие и более прекрасные, о Махакали, для осуществления которых бхикку живут святой жизнью под моим руководством.

— И что же это за более высокие и более прекрасные цели, господин?..

— Здесь, Махакали, в этой дисциплине, бхикку благодаря полнейшему разрушению трех оков — веры в реальность телесной природы, сомнения в Учителе и его Учении, веры в ценность обрядов и церемоний — становится вступившим в поток, спасенным от падения; он получает уверенность в достижении совершенной мудрости. Такова, Махакали, одна более высокая и более прекрасная цель.

Далее, опять-таки, Махакали, бхикку благодаря полнейшему разрушению трех оков и благодаря износу (других оков, а именно:) чувственности, недоброжелательства и заблуждения, становится однажды возвращающимся. Да, всего лишь раз возвращаясь в этот мир, он приходит к концу горести. Такова, Махакали, более высокая и более превосходная цель.

Далее, опять же, Махакали, бхикку благодаря полнейшему разрушению пяти (последних) оков, которые привязывают человека к рождению в низших мирах, спонтанно становится (в бесформенном мире) ушедшим навсегда существом, которое по своей природе никогда не возвратится. Такова, Махакали, еще более высокая и более превосходная цель... Далее, опять-таки, Махакали, бхикку благодаря разрушению *асав*, благодаря собственным сверхъестественным силам осуществляют даже в этой самой жизни незапятнанное освобождение сердца, освобождение мудрости, достигает состояния освобождения и пребывает в нем. Это, Махакали, еще более высокая и более превосходная цель, ради осуществления которой бхикку живут святой жизнью под моим руководством. Таковы эти другие цели...

— Но, господин, существует ли какая-нибудь тропа, какой-то Путь, ведущий к осуществлению этих целей?

— Действительно, Махакали, такая тропа существует, действительно есть Путь, ведущий к этим целям.

— Что же это за тропа, господин, что это за путь, ведущий в этом направлении?

— Истинно, это Благородный Восьмеричный Путь, о котором следует помнить: правильный взгляд, правильная цель, правильная речь, правильное дейст-

вие, правильный образ жизни, правильное усилие, правильная внимательность, правильная сосредоточенность. Это, Махакали, и есть Путь; это путь, который ведет к достижению этих целей.

(«Дигха-никая» I, 155)

Пять оков

«Прекрати пять, оставь пять, подчини пять! Тот бхикку, который сам полностью освободился из пяти оков, зовется "Пересекший поток"».

(«Дхаммапада», 370)

Пять низших оков — как их остановить

Так я слышал. Однажды Возвышенный пребывал в Саваттхи, в роще Джета, в парке Анатхапиндики. Тогда Возвышенный обратился к бхикку, говоря: «О бхикку!» «Да, господин!» — отвечали эти бхикку. Так говорил им Возвышенный:

— Помните ли вы, бхикку, пять оков, призывающих нас к низшему миру, как я учил об этом?

На это досточтимый Малункьяпутта ответил Возвышенному следующее:

— Господин, я помню эти пять оков.

— И как же ты помнишь их, Малункьяпутта?

— Вот как, господин: взгляд на телесную природу, как тому учит Возвышенный, и колебания, и моральную запятнанность зависимостью от обрядов и ритуалов, возбуждение чувственного наслаждения и недоброжелательство, о которых Возвышенный учит как об оковах, привязывающих к низшему миру. Та-

ковы пять оков, которые я сохраняю в памяти, господин!

— А кому преподаны эти пять оков, которые ты хранишь в памяти, о Малункьяпутта? Разве не упрекают тебя странники, придерживающиеся других взглядов, пользуясь притчей о нежном дитяти для своих упреков, не скажут ли они так:

Но, Малункьяпутта, не может быть природы тела для нежного дитяти, несмышленного, лежащего на спине. Как же тогда может возникнуть в нем какое-то представление о природе тела? Однако внутри него действительно существует дремлющая склонность к мнению о природе тела.

Точно так же, Малункьяпутта, не могут в уме нежного дитяти, несмышленного, лежащего на спине, существовать представления о природе ума. Как же тогда могут внутри него существовать какие-либо колебания ума? Однако внутри него наличествует дремлющая склонность к таким колебаниям.

Поэтому также, Малункьяпутта, он не в состоянии практиковать какую-либо мораль. Как же тогда может внутри него существовать какая-то запятнанность морали зависимостью от обрядов и ритуалов? Однако внутри него наличествует дремлющая склонность к такой запятнанности.

Опять же, Малункьяпутта, такое нежное дитя не имеет чувственных страстей. Как же тогда может такой ребенок знать возбуждение чувственного наслаждения? Но склонность к нему есть.

Наконец, Малункьяпутта, для этого нежного дитяти разные живые существа вообще не существуют. Как же тогда может внутри него скрываться недоброжелательство против живых существ? Однако в нем налицо склонность к нему.

И вот, Малункьяпутта, не станут ли эти странники иных взглядов порицать тебя, пользуясь для порицания этим образом нежного дитяти?

Когда все это было сказано, досточтимый Ананда так обратился к Возвышенному:

— Пришло время, Возвышенный! О благодетель, теперь наступило время для Возвышенного изложить (значение) пяти оков, которые привязывают нас к низшему миру. Слушая Возвышенного, бхикку запомнят его слова.

— Тогда, Ананда, выслушай меня и старательно пользуйся умом; а я буду говорить.

— Именно так, господин, — ответил досточтимый Ананда Возвышенному. Тогда Возвышенный сказал следующее:

— В этом вопросе, Ананда, неученые, темные люди, которые не признают благородных, которые не сведущи в благородной дисциплине, не были обучены этой благородной дисциплине, которые не признают достойных людей, неискусны в достойной доктрине, не были обучены достойной доктрине, — такие люди сохраняют одержимость ума мнением о телесной природе, сохраняют ум, охваченный мнением о телесной природе; и когда у них уже возникло такое мнение, они не могут знать вполне, по-настоящему, как от него избавиться. Ибо это мнение о телесной природе невозможно устранить: это мнение о телесной природе сидит в самой глубине их существа, и оно является собой оковы, привязывающие человека к низшему миру.

То же самое можно сказать и о каждом виде других четырех оков.

И вот, Ананда, поговорим о пути, который являет собой приближение к тому, чтобы отбросить эти пять оков, которые привязывают человека к низшему миру. Невозможно предположить, чтобы кто-либо познал, увидел или отбросил эти пять оков, не вступив на Путь, не приблизившись к отбрасыванию этих оков.

Подобно тому, Ананда, как ни один человек не доберется до крепкой древесины крепкого и высокого дерева, полного крепкой древесины, не срубив снаружи его кору и луб, так же нельзя и добраться до этих пяти оков без вступления на Путь, без приближения к их отторжению.

Но, Ананда, как человек добирается до крепкой древесины толстого и высокого дерева, полного крепкой древесины, срубив снаружи его кору и луб... так же и с этими пятью оковами.

Подобным же образом, Ананда, как река Ганга течет вперед, полная воды, доходящей до берегов, так что из нее может напиться даже ворон; и как если бы какой-то слабосильный человек пришел и сказал: «Я разгону рукой этот поток Ганги и таким образом перейду безопасно на другой берег», — но не смог бы сделать этого, — точно так же, Ананда, тот человек, чье сердце не забилося радостно в груди, кто не успокоился, не укрепился, не освободился, когда ему показали доктрину о прекращении телесной природы, — такого человека, Ананда, следует считать столь же слабосильным.

Но, предположим, Ананда, что когда река Ганга течет вперед, полная воды, доходящей до берегов, и как если бы к ней подошел силач и сказал: «Я разгону рукой этот поток Ганги и перейду безопасно на другой берег», — он мог бы сделать это. Точно так же,

Ананда, когда показана доктрина прекращения телесной природы, тот, чье сердце радостно забьется в груди, кто успокоился, укрепился и освободился, — на такого человека следует смотреть как на подобного силача.

И вот, Ананда, что же это за Путь, что за приближение к тому, чтобы отбросить эти пять оков, привязывающих человека к низшему миру?

При этом, Ананда, бхикку благодаря прозрению в субстрат (повторного рождения), благодаря отбрасыванию дурных предметов, благодаря успокоению всех видов нечистоты, благодаря отстраненности от чувственности, от дурных состояний вступает в *первую джхану*, и это сопровождается направленной и устойчивой мыслью, рожденной из одиночества, легкой и ревностной; и он пребывает в этой джхане.

Затем он созерцает все, что связано с телом, чувством, восприятием, деятельностью ума и сознанием, в свете непостоянства и страдания; он видит в них мучение, бедствие, нарыв, стрелу в теле, нечто вредное, нечто нездоровое, нечто чуждое, нечто подверженное разрушению, пустое, лишенное «я». От таких вещей он очищает свое сердце. Так очищая от них сердце, он подготавливает его к природе амриты, думая: «Это хорошо, это превосходно, это успокоение всех видов деятельности, это отказ от всех субстратов (повторного рождения), это разрушение вожеления, это бесстрашие, это прекращение, это ниббана».

Так утвердившись, он достигает разрушения асав; и даже если он не достигает их разрушения, все же увлеченный самой этой жаждой праведности, увлеченный этой привлекательностью праведности, благодаря этому разрушению пяти оков, привязывающих человека к низшему миру, он рождается повтор-

но без родителей (в мире Брахмы) с тем, чтобы из этого мира перейти в мир добра и никогда не вернуться.

Таков, Ананда, Путь, таково приближение к тому, чтобы отбросить эти пять оков...

Опять же, Ананда, бхикку благодаря успокоению направленной и устойчивой мысли вступает в состояние внутреннего спокойствия, этой целеустремленности воли, свободной от направленной и устойчивой мысли, рожденной из душевного равновесия, ревностной и полной легкости, которое есть *вторая джхана*,.. так же достигает он *третьей джханы* и *четвертой джханы*... и пребывает в ней. Таков, Ананда, Путь, таково приближение к тому, чтобы отбросить пять оков.

Подобным же образом, Ананда, бхикку, выйдя за пределы всех восприятий объектов, положив конец объективности, не обращая внимания на разнообразие предметов, (размышляя:) безгранично пространство, — достигает постижения безграничности пространства; и так он пребывает... (как ранее)... и так достигает сферы бесконечного сознания и пребывает в ней... и так достигает сферы пустоты и пребывает в ней.

Тогда он рассматривает все явления, связанные с чувствами, восприятием, деятельностью ума и сознанием, также в свете непостоянства и страдания, как язву, как обман, как стрелу, как нечто дурное, как нечто нездоровое, как нечто чуждое, как подвластное разрушению, пустое, лишенное «я». От таких вещей очищает он свое сердце... (как ранее).

Таков, Ананда, Путь, таково приближение к этому Пути, к тому, чтобы отбросить эти пять оков, привязывающих к низшему миру.

— Если это, господин, и есть Путь, приближение,.. как же тогда некоторые бхикку оказываются освобожденными благодаря освобождению сердца, а другие — благодаря освобождению при помощи мудрости?

— Это, Ананда, есть следствие различия способностей.

Так говорил Возвышенный. И досточтимый Ананда в восторге внимал его словам.

(«Маджджхима-никая» I, 64)

«Я»

Тогда Ваччагота, странник, пришел к Возвышенному и дружески его приветствовал; и после этого взаимного обмена приветствиями он уселся подле Возвышенного. Сидя так, он обратился к Возвышенному:

— Учитель Готама, что можешь ты сказать о существовании «я»?

При этих словах Возвышенный хранил молчание.

— Как же, учитель Готама? Есть ли такая вещь, как «я»?

И при этих словах Возвышенный хранил молчание. Тогда Ваччагота, странник, (с неудовольствием) встал со своего места и ушел. Вскоре после того, как он ушел, досточтимый Ананда сказал Возвышенному:

— Как же это случилось, господин, что Возвышенный не дал ответа на вопрос, заданный странником Ваччаготой?

— Если бы, Ананда, когда мне был задан вопрос: существует ли «я», я ответил ему, что «я» существует, тогда, Ананда, это было бы в согласии со всеми те-

ми брахманами и отшельниками, которые верят в вечное «я».

А если бы, Ананда, когда мне был задан вопрос: существует ли «я», я ответил бы ему, что «я» не существует, тогда это было бы в согласии с теми отшельниками и брахманами, которые верят в уничтожение «я».

Опять же, Ананда, если бы на вопрос странника Ваччаготы о существовании «я», я ответил бы, что «я» действительно существует, разве этот ответ соответствовал бы моему знанию о том, что вещи непостоянны?

— Нет, господин, не соответствовал бы.

— Опять же, Ананда, если бы на вопрос: «Следовательно, "я" не существует?» — я ответил бы: «Нет, оно не существует», — это увеличило бы смущение Ваччаготы, странника, уже находящегося в смущении. Ибо он сказал бы: «Раньше у меня было "я", а теперь его у меня больше нет».

Это малое тело содержит все

Однажды Возвышенный пребывал вблизи Саваттхи, в роще Джета, в парке Анатхапиндики, благотворителя бедных.

И вот в то время некий Рохитасса, сын дэва, когда ночь уже клонилась к концу, осветил чудесным сиянием всю округность рощи Джета; он приблизился к Возвышенному, приветствовал его и стал подле него. Стоя так, этот Рохитасса, сын дэва, сказал: «Господин, существует ли такое место, отправившись куда, мы могли бы достичь такого состояния, где нет ни рождения, ни старости, ни разрушения, ни распада,

за которыми следует повторное рождение где-то в другом месте? Можно ли, господин, уйдя туда, узнать конец, или увидеть конец, или дойти до конца мира?»

— Нет, друг! Я объявляю, что нигде нет такого места, отправившись куда, мы не нашли бы рождения, старости, разрушения и распада, за которыми следует повторное рождение в каком-то другом месте. Я объявляю, что куда бы мы ни пошли, мы не будем в состоянии узнать конец, увидеть конец, дойти до конца мира.

— Замечательно, господин! О господин, это чудесно! Как хорошо сказаны эти слова, произнесенные Возвышенным! В прошлые дни, господин, я был мудрецом по имени Рохитасса; сыном Бходжи был я. Я обладал магической силой и мог летать по воздуху. Я обладал большой скоростью — даже такой, какую проявляет могучий стрелок из луку, хорошо обученный и весьма искусный в стрельбе, с легкой стрелой и небольшим усилием, когда он пускает тонкую стрелу далеко за пределы тени, отбрасываемой пальмой во время восхода и заката. Такой могучей была быстрота моих ног, что я мог пробежать от восточного до западного океана. У меня, господин, обладавшего такой скоростью полета и такой могучей быстротой ног, возникло такое желание: «Идя вперед, я дойду до конца мира».

И вот так, господин, даже таким, каков я был, не подкрепляясь пищей или питьем, не отдыхая, даже не отправляя природных нужд, не ожидая возможности рассеять усталость при помощи сна, — хотя в то время срок жизни человека составлял сто лет, — я странствовал целую сотню лет, но никогда не находил конца, никогда не приходил к концу — и умер до того, как дошел до конца мира!

Как чудесно, господин, то, что было столь хорошо сказано Возвышенным для моего понимания: «Ты не можешь ходьбой достичь такого места, где нет рождения, нет старости, нет разрушения, нет старости, нет распада, нет возникновения в другом месте для повторного рождения. Ты не можешь при помощи ходьбы прийти к такому месту!»

— Именно так! Тем не менее, мой друг, я не говорю, что без достижения конца мира можно было бы положить конец печали (ибо ты способен положить ей конец здесь и сейчас). И вот я объявляю тебе, друг мой, что в этом самом теле, длиной в шесть футов, с его чувственными впечатлениями, с его мыслями и представлениями, заключен весь этот мир, возникновения этого мира и прекращения этого мира, равно как и Путь, ведущий к его прекращению.

(Сказав это, Учитель подытожил сказанное в следующих стихах:)

*Нельзя достичь ходьбой конца мира!
Но нет спасения человеку от печали,
Если он не достигнет конца мира.
Поистине, мудрый, ведущий святую жизнь,
Он знает мир. Он идет к концу мира.
Он спокоен, ибо знает. Он не стремится
Ни к этому, ни к другому миру.*

(«Ангуттара-никая» II, 46)

Сознание (1)

(Возвышенный сказал:)

Вследствие двух вещей, о бхикку, сознание оказывается преходящим. Что это за две вещи? Как следст-

вие глаза и формы, возникает сознание глаза. Глаз непостоянен, изменчив, становится другим. Поэтому такая двойственность подвижна и преходяща, непостоянна, изменчива, становится другой; и сознание глаза — подобной же природы.

Какими бы ни были условия, каким бы ни были взаимоотношения возникновения сознания глаза, эти условия и взаимоотношения преходящи, изменчивы, становятся другими. Таким образом сознание глаза появляется вследствие преходящих взаимоотношений; как же тогда может оно быть постоянным!

И вот, бхикку, это столкновение, совпадение, встреча этих трех вещей — глаза, формы, сознания глаза — называется зрительным соприкосновением.

Зрительное соприкосновение также преходяще, изменчиво, становится другим. Какими бы ни были условия, какими бы ни были взаимоотношения возникновения зрительного соприкосновения, эти условия и взаимоотношения преходящи, эти условия и взаимоотношения преходящи, изменчивы, становятся другими. Таким образом зрительное соприкосновение появляется вследствие преходящих взаимоотношений; как тогда может оно быть постоянным?

В состоянии соприкосновения, о бхикку, мы чувствуем, в состоянии соприкосновения осознаем, в состоянии соприкосновения воспринимаем. А потому и эти вещи также оказываются подвижными и преходящими, непостоянными, изменчивыми, становятся другими.

То же самое можно сказать об ушах, о носе, языке, теле и уме.

Таким образом вследствие этих двух вещей сознание оказывается преходящим.

(«Сутта-нипатта» IV, 67)

Океан

(Возвышенный сказал:)

Океан, океан! — так говорит неученая толпа, о бхикку!

Но в благородной дисциплине, о бхикку, это не океан, а огромная масса воды, огромный водоем.

Глаз человека, о бхикку, — это океан. Его движение — это движение форм. Тот, кто преодолевает эти движения форм, называется «перешедшим поток». Тот, кто перешел, тот, кто пересек океан глаза с его волнами, с его заливами и проливами, с его акулами и злыми духами, которые суть вожделение, — такой брахман стоит на дальнем берегу.

Подобным же образом, бхикку, и язык человека — это океан, а его движение состоит из вкусов. Тот, кто побеждает вкусы,.. также пересекает поток.

И ум человека, бхикку, являет собой океан. Его движение состоит из мыслей. Тот, кто побеждает ум,.. стоит на дальнем берегу.

Так говорил Возвышенный.

*Тот, кто пересек это море, изобилующее
чудовищами,
Демонами и страшными, непреодолимыми
волнами,
«Искусный в предании», человек святой жизни,
«Ушедшим к концу мира» и «вышедшим
за пределы» его называют.*

(«Сутта-нипатта» IV, 157; эти же стихи в § 60 «Ити-вуттаки»)

Всё

Возвышенный сказал:

Бхикку, я буду учить вас Всему. Прошу вас, слушайте это учение.

И что такое, бхикку, есть это Все? Это глаза и видимый объект, уши и звук, нос и запах, язык и вкус, тело и объекты прикосновения, ум и мысли. Это, бхикку, и называется Всем.

И вот, бхикку, тот, кто скажет: «Отвергнув все это, я провозглашу некоторое другое Все», — такой может быть сущность его речи; но, будучи спрошен, он не сможет выполнить свою похвальбу и, кроме того, придет к разочарованию. Ибо сделать это, о бхикку, будет не в его силах.

(«Сутта-нипатта» IV, 15)

Подчинение способностей

Тот встречается со злом, о бхикку, кто не укротил «Все шесть сторон обители чувственных впечатлений».

*А те, кто научился властвовать над ними
С верой в товарища, — они пребывают
свободными от вожделения.*

*Взирая на восхитительные или неприятные
предметы,*

*Пусть сдерживает он свои склонности,
Вожделения к прекрасному; пусть
не разрушает сердца*

Мыслями: «О, это дорого!»

И снова услышав приятные или резкие звуки,

*Не отвлекаясь их сладостью, пусть обнаружит
Ошибку своих чувств; пусть*

не разрушает сердца

Мыслями: «О, это сладкозвучно!»

Если его нос уловит какой-то

восхитительный аромат,

А после него — неприятное зловоние,

Пусть он сдерживает отвращение к этой вони

И не увлекается вожделением к аромату.

Если он вкусит сладкую, изысканную пищу,

А после его язык опять-таки ощутит горечь,

Ему не следует жадно пожирать сладкое,

Не следует и чувствовать отвращение

к горькому.

Не опьяняйтесь содержанием приятного,

Но и не отшатывайтесь от прикосновения боли:

Безразличный к удовольствию и к боли,

Пусть он будет свободен от влечения и

отвращения.

Другие одержимы (вождедением),

В такой одержимости они живут и познают,

Но мудрый рассеивает все низкие привычки ума

И следует по пути отказа от «я».

При соприкосновении с этими шестью

Правильно воспитанный ум никогда

не будет потрясен.

Бхикку, победите обоих — вожделение

и отвращение.

Выйдите за пределы рождения и смерти!

(«Сутта-нипатта» IV, 70, 71)

Невозмутимый и освобожденный

Тогда досточтимый сын Малункьи пришел к Возвышенному и сел подле него после приветствия. Сидя таким образом, досточтимый сын Малункьи сказал Возвышенному следующее:

— Для меня было бы хорошо, господин, если бы Возвышенный вкратце преподал мне свое учение; услышав это учение от Возвышенного, я мог бы пребывать в уединении, в отдалении серьезный, ревностный, решительный.

— На твою просьбу, сын Малункьи, я скажу: какой толк в том, что я бесполезно учил тебя, когда ты был молодым бхикку, если сейчас, будучи старым человеком, человеком зрелой жизни и преклонного возраста, прожив много лет, ты в конце жизни прошишь меня теперь кратко изложить свое учение?

— Но, господин, хотя я и стар, хотя я сильно отягощен годами, да преподаст мне мой господин, Возвышенный, вкратце свое учение! Может быть, я смогу понять его, понять то, что скажет Возвышенный. Несомненно, я мог бы стать наследником слов Возвышенного.

— Так как же ты думаешь, сын Малункьи? Что касается этих форм, познаваемых глазами, которые ты не видел, которые никогда не видел раньше, которых не видишь сейчас и никогда не имеешь желания увидеть в будущем, — имеешь ли ты какое-либо пристрастие, какую-то страсть, какое-то тяготение к таким формам?

— Нет, господин.

— Что касается тех звуков, которые познаются ушами, которых ты не слышал, никогда не слышал, которых не слышишь сейчас и не имеешь желания

услышать в будущем, — имеешь ли ты какое-то пристрастие к таким звукам, какую-то страсть, какое-то тяготение?

— Нет, господин.

— А что касается запахов, познаваемых носом, вкусом, познаваемых языком, прикосновений, познаваемых телом, — которые ты не обонял, не вкушал, с которыми ранее не соприкасался, которые не обоняешь, не вкушаешь, с которыми не соприкасаешься сейчас и не желаешь этого в будущем, — имеешь ли ты какое-либо пристрастие, какую-либо страсть, какое-либо тяготение к таким запахам, вкусам или прикосновениям?

— Нет, господин.

— А что касается вещей, познаваемых умом, вещей непознанных, никогда не бывших познанными ранее, вещей, которые ты не знаешь сейчас и не желаешь познать в будущем, — имеешь ли ты к таким вещам какое-либо пристрастие, какую-либо страсть, какое-либо тяготение?

— Нет, господин.

— Тогда в этих случаях, поскольку речь идет о вещах видимых, слышимых, осязаемых и познаваемых, у тебя будет просто наличествовать видение видимой вещи, звук слышимой вещи, ощущение осязаемой вещи и представление о познаваемой вещи. И вот, сын Малункьи, поскольку дело обстоит так, как я только что сказал, поскольку благодаря этому и в этом у тебя не будет никакого пристрастия, никакой страсти, никакого тяготения ни в этой жизни, ни в иной, ни в промежутках между жизненными состояниями, — как раз это и будет концом страдания.

— Господин, я понимаю все до мелочей в этом учении, вкратце преподанном мне Возвышенным.

После этого досточтимый сын Малункьи более широко изложил учение Возвышенного в стихах; Учитель одобрил эти стихи, повторив их.

Затем досточтимый сын Малункьи, радуясь словам Возвышенного, выразил ему благодарность, поднялся с места, приветствовал Возвышенного, обойдя его справа, и ушел.

Далее досточтимый сын Малункьи, пребывая в одиночестве, в отдалении, серьезный, ревностный и решительный, в скорости достиг той цели, ради которой члены рода в должное время уходят из дома для бездомной жизни, для той непревзойденной жизни в святости, когда благодаря самостоятельному постижению истины и пребыванию в ней при помощи собственных сверхъестественных сил они достигают освобождения. И таким образом он постиг истину: «Разрушено повторное рождение, прожита святая жизнь, сделано должное, нет более существования в условиях, подобных нынешним».

И досточтимый сын Малункьи стал еще одним из арахантов.

(«Сутта-нипатта» IV, 72 и след.)

Притча о постоянно дымящемся муравейнике

Так я слышал. Однажды Возвышенный пребывал около Саватхи, в роцце Джета, в парке Анатхапиндики. И вот в то время досточтимый Кумара-Кассапа пребывал в Темной роцце. Тогда некий дэва с чудесным сиянием озарил великолепием все пространство этой роцци, явившись к досточтимому Кумара-Кассапе, приблизившись к нему и став подле него. Стоя та-

ким образом, этот дэва так обратился к досточтимому Кумара-Кассапе: «О бхикку, о бхикку, этот муравейник дымится по ночам и пышет пламенем днем», — а потом рассказал следующую притчу:

К мудрецу пришел брахман и сказал: «Рой, о мудрец, взяв свое орудие». И мудрец взял свое орудие и рыл — и наткнулся на лом. Тогда он сказал: «Господин, вот лом».

Тогда сказал брахман: «Брось этот лом, возьми свое орудие, о мудрец, продолжай рыть». Тот так и сделал — и наткнулся на пузырь; тогда он сказал: «Господин, вот пузырь».

Тогда сказал брахман: «О мудрец, брось этот пузырь, возьми свое орудие и рой». Он так сделал — и наткнулся на вилы с двумя зубцами; тогда он сказал: «Господин, вот вилы с двумя зубцами».

Тогда сказал брахман: «О мудрец, брось эти вилы с двумя зубцами, возьми свое орудие и продолжай рыть». Тот так и сделал — и наткнулся на ларец; тогда он сказал: «Господин, вот ларец».

Тогда сказал брахман: «О мудрец, брось ларец, возьми свое орудие и продолжай рыть». Тот так и сделал — и обнаружил черепаху; а далее таким же образом нашел лезвие ножа, затем кусок мяса, а после него нашел змею.

Тогда сказал брахман: «О мудрец, брось все эти вещи, а змея пусть останется. Не убивай змею; воздай почести змее».

«И вот, о бхикку, — сказал тот дэва, — прошу тебя, сообщи эти вопросы Возвышенному, спроси его о них и запомни объяснения, данные Возвышенным; ибо не вижу я никого другого в этом мире, о бхикку, а также в мире дэвов с их марами и брахмами, с их брахманами и сонмами отшельников, дэвов и лю-

дей, — не вижу никого другого, кто укрепил бы мое сердце ответом на эти вопросы, за исключением одного лишь татхагаты, ученика татхагаты или такого человека, который научился у них».

Так говорил этот дэва; и, сказав это, он исчез оттуда.

После этого досточтимый Кумара-Кассапа, когда ночь пришла к концу, приблизился к Возвышенному; подойдя к нему, он приветствовал его и сел подле него. Сидя таким образом, он описал случившееся Возвышенному, а также слова того дэва; затем так спросил Возвышенного:

— Господин, что такое муравейник? Что это дымится по ночам? Что пышет пламенем днем? Кто этот брахман? Кто мудрец? Что такое орудие? Что такое копание? Что такое лом, что пузырь, что вилы с двумя зубцами, что ларец, что черепаха, что лезвие ножа, что кусок мяса, что такое змея?

— Муравейником, бхикку, называется это тело, составленное из четырех элементов, рожденное родителями, вскормленное рисом, кашей и похлебкой; это — вещь непостоянная, подверженная разрушению, сокрушению; вещь, по природе своей разбивающаяся на части, которые рассеиваются во все стороны. Все то, о бхикку, о чем думают и размышляют по ночам касательно своих повседневных дел, — все это дымится по ночам. Все то, о бхикку, что после размышления и обдумывания ночью человек претворяет в действие днем в мыслях, словах и делах, — все это пышет пламенем днем.

«Брахманом», о бхикку, называется татхагата, арахант, полностью просветленный.

«Мудрецом», о бхикку, называют такого бхикку, который все еще учится.

«Орудием», о бхикку, называют благородное прозрение, а «рытьем» — его серьезное применение. «Ломом», о бхикку, называют неведение, а «отбросить лом» значит уничтожить неведение. Слова «рой, мудрец» означают «пользуйся своим орудием».

«Вилами с двумя зубцами», о бхикку, называют блуждания ума; «отбросить вилы» значит оставить колебания ума. «Пузырь», о бхикку, это гнев и состояние разгневанности. Таков смысл этих выражений.

«Ларцом», о бхикку, называют пять препятствий: препятствие чувственных вожделений, враждебности, лености и вялости, беспокойства и тревожности, а также блужданий ума. Таким образом, слова «отбрось ларец» означают «оставь пять препятствий».

«Черепахой», о бхикку, называют пять групп вожделений — тела, чувства, восприятия, деятельности, сознания. «Отбросить черепаху» — значит отбросить пять групп вожделений.

«Лезвием ножа», о бхикку, называют пять шнуров чувственных наслаждений, а именно: формы, воспринимаемые чувством зрения, доставляющие наслаждение, приятные, привлекательные, дорогие, приносящие удовольствие, вызывающие вожделение. Подобным же образом это формы, воспринимаемые ухом, носом, языком и прикосновениями тела. «Отбросить лезвие ножа» значит отбросить пять шнуров чувственного наслаждения. «Куском мяса», о бхикку, называют страсть к наслаждению; «отбросить кусок мяса» — значит отбросить эту страсть...

«Змея», о бхикку, — это название такого бхикку, который разрушил *асавы*. «Пусть остается змея», «не убивай змею», «воздай почитание змее» — таков смысл этих выражений.

Так говорил Возвышенный; и досточтимый Кумара-Кассапа радовался его словам и слушал их с удовольствием.

(«Маджджхима-никая» I, 23)

«Есть из вас один»...

И вот в то время Возвышенный пребывал вблизи Саваттхи, в восточном парке, в доме Матери Мигары. В тот день он сидел, окруженный сообществом бхикку; был день упосатха*.

Тогда досточтимый Ананда, когда углубилась ночь и проходило время первой стражи, поднялся со своего места, накинул верхнее одеяние на плечо и, поклонившись Возвышенному, со сложенными ладонями сказал ему:

— Господин, уже поздняя ночь; вот проходит первая стража. Сообщество бхикку давно уже сидит здесь. Пусть мой господин, Возвышенный повторит для этих бхикку патимокку — обеты и покаяние. Но на эти слова Возвышенный хранил молчание.

Затем, когда проходила вторая стража, досточтимый Ананда во второй раз поднялся со своего места и обратился к Возвышенному с той же просьбой. Но Возвышенный хранил молчание. И еще в третий раз, когда проходила третья стража, досточтимый Ананда поднялся с места и обратился с той же просьбой. Тогда Возвышенный сказал: «Собрание не вполне чисто, Ананда!»

Тогда досточтимый Моггаллана Великий подумал: «Хотелось бы знать, о ком из присутствующих гово-

* Так назывались дни начала полнолуния, новолуния и четвертей.

рит это Возвышенный». И досточтимый Моггаллана Великий обозрел в уме все сообщество бхикку, читая мысли сидевших своим умом (ибо он обладал силами *иддхи*, ясновидения). И досточтимый Моггаллана Великий увидел того человека, человека дурного поведения, зловредной природы, с нечистой и подозрительной печенью, который скрывал свои дела, обладая нечистыми мыслями, уверял, что они чисты; внутренне грязный, полный вожеления, наполненный нечистотой, он сидел там, среди всех, среди сообщества бхикку. И, увидев его, досточтимый Моггаллана Великий встал со своего места, подошел к нему и сказал: «Встань, друг! Тебя увидел Возвышенный! Ты не имеешь доли, не имеешь части в собрании бхикку!»

Но при этих словах тот человек хранил молчание. Тогда досточтимый Моггаллана Великий повторил их во второй и в третий раз. Но и в третий раз тот человек снова хранил молчание.

Тогда досточтимый Моггаллана Великий взял того человека за руку и вывел его за дверь; закрыв дверь на засов, он подошел к Возвышенному и сказал: «Господин, этот человек выведен вон. Собрание вполне чисто, господин. Пусть мой господин, Возвышенный, произнесет патимокху для бхикку!»

«Странно это, Моггаллана! Чудесно это, Моггаллана! Этот безумец, как я его называю, должен был ждать, пока его возьмут за руку».

Тогда Возвышенный обратился к бхикку и сказал: «Впредь с этого дня, бхикку, я сам не буду соблюдать день упосатха и не буду повторять патимокху. С нынешнего дня, бхикку, вы соблюдайте день упосатха и повторяйте патимокху. Не приличествует татхагате, не свойственно ему соблюдать день

упосатха и повторять патимокху, когда собрание не вполне чисто»*.

(«Удана» V, 5)

Чрезмерное усердие

(Некто Сона Коливиса, сын богатого отца, получил посвящение и полное наставление от Учителя.)

И вот досточтимый Сона вскоре после того, как он получил полное посвящение, пребывал в Прохладной Роще. Там он из-за чрезмерного усердия в ходьбе взад и вперед (стремясь к цели) стер ступни, так что то место, где он ходил взад и вперед, было покрыто пятнами крови, как это бывает на бойне, у мясника. И тогда к досточтимому Соне, пребывающему отдельно от прочих бхикку, в уединении, пришла целая вереница таких мыслей:

«Вот я, один из тех учеников, один из бхикку Возвышенного, пребывающих в серьезном рвении. Однако мое сердце от *асава*, от привязанности к *асавам*, не освободилось. А ведь меня ожидает дома большое богатство; и я могу употребить это богатство для того, чтобы с его помощью совершать добрые дела. Что, если мне сейчас вернуться к низшей жизни (мирянина), употребить в дело свое богатство и с его помощью совершать добрые дела?»**

* Затем Учитель повторил «Восемь Чудес могучего океана». См. ниже.

** *Асавы* — букв. «потоки, ручьи, опьяняющие вещества», свойственные жизни. Их четыре: *кама*, чувственность; *бхава*, становление; *диттхи*, мнения и рассуждения; *авидджа*, неведение. Полное освобождение от этих четырех делает человека арахантом, святым, сверхчеловеком.

И вот Возвышенный прочел своим собственным умом мысли, появившиеся в уме досточтимого Соны; и так же быстро, как сильный человек вытягивает вперед свою руку и опускает ее, так же точно и он исчез с Пика Коршуна и появился в Прохладной роще. Тогда вместе со многими бхикку Возвышенный пошел от одного жилища к другому со своим обычным обходом и пришел туда, где ходил взад и вперед досточтимый Сона.

И вот когда Возвышенный увидел то место, забрызганное кровью, подобное бойне у мясника, он сказал бхикку: «Кто ходит здесь, бхикку, чьей кровью обрызгано это место, подобное бойне у мясника?»

«Господин, — отвечали они, — досточтимый Сона вследствие чрезмерных усилий в ходьбе взад и вперед разбил себе ноги; потому-то это место для ходьбы находится в таком состоянии».

Тогда Возвышенный направился к жилищу досточтимого Соны и сел на приготовленное для него место. А досточтимый Сона приветствовал Возвышенного и сел подле него. Когда он уселся таким образом, Возвышенный сказал досточтимому Соне: «Верно ли, Сона, что когда ты пребывал в одиночестве, тебе в голову пришла вереница таких мыслей: "Вот я, один из тех учеников Возвышенного, которые пребывают в серьезном рвении; однако мое сердце не освободилось от асав, хотя и не привязано к ним; а меня дома ожидает большое богатство; и я мог бы употребить его для того, чтобы с его помощью совершать добрые дела; так не лучше ли мне сейчас вернуться к низшей жизни (мирянина), употребить в дело свое богатство и с его помощью совершать добрые дела?"»

— Да, это так, господин!

— Теперь что скажешь ты, Сона? Прежде, когда ты жил дома, не был ли ты искусен в игре на струнах вины?

— Да, господин.

— Теперь что скажешь ты, Сона? Когда струны твоей вины были чрезмерно натянуты, издавала ли звуки твоя вина, была ли она пригодна для музыки?

— Нет, господин.

— А теперь что скажешь ты, Сона? Когда струны твоей вины не были ни чрезмерно натянуты, ни слишком ослаблены, но оказывались натянуты умеренно, издавали ли звуки эти струны, была ли вина пригодна для музыки?

— Да, господин.

— Точно так же, Сона, чрезмерное усердие располагает нас к самовозбуждению, тогда как недостаток усердия располагает к лени. Поэтому ты, Сона, упорствуй в равномерности усердия, подчиняя себе свои способности, сделай это своей целью.

— Да будет так, господин, — ответил Сона, внимая тому, что сказал ему Возвышенный.

И Возвышенный, дав таким образом наставление досточтимому Соне этими словами, исчез из вида Соны в Прохладной роще, исчез так быстро, как сильный человек протягивает руку или снова опускает ее; и он вновь появился на вершине Пика Коршуна.

После этого досточтимый Сона упорствовал в равномерности усердия, подчинил свои способности и сделал это своей целью. И досточтимый Сона, который жил в уединении и в отдалении, серьезный, ревностный и решительный, в непродолжительное время пришел к постижению для себя в самой этой жизни силами собственного ума той непревзойденной цели святой жизни, для достижения которой

члены рода уходят из дома для бездомного существования; так что он познал безошибочно: разрушено повторное рождение; прожита святая жизнь; выполнена задача — нет более для меня жизни в условиях, подобных этим.

Таким образом досточтимый Сона стал еще одним из арахантов.

(«Виная» 1, 5 § 13)

Хорошая стрельба

Однажды Возвышенный пребывал в Весали, в Большой роще, в Покое с остроконечным верхом. И вот тогда досточтимый Ананда рано утром облачился в свое одеяние и, накинув на плечи верхнюю одежду и взяв чашу, вышел в Весали просить милостыню. Там досточтимый Ананда увидел множество юношей Ликчави в полузакрытом павильоне; они практиковались в стрельбе из лука, выпуская стрелы с далекого расстояния так, что эти стрелы пролетали сквозь маленькую замочную щель и расщепляли предыдущую стрелу; юноши делали выстрел за выстрелом без единого промаха.

Увидя это, досточтимый Ананда подумал: «Поистине, хорошо стреляют эти юноши из Ликчави; поистине, искусны эти юноши из Ликчави, ибо даже издалека могут они расколоть стрелу, делая через небольшую замочную щель выстрел за выстрелом без промаха».

Далее досточтимый Ананда закончил свой обход Весали, вернулся, съел полученную пищу, а затем отправился к Возвышенному и сел подле него. Сидя так, он рассказал Возвышенному о том, что увидел,

как и о том, что он об этом подумал. Тогда Возвышенный сказал:

— А как ты думаешь, Ананда, что будет более трудной задачей: стрелять таким образом сквозь маленькую замочную щель и при этом расщеплять стрелу или кончиком волоса расщепить сотую часть кончика волоса?

— Это гораздо более трудная для достижения задача, господин, гораздо более трудная.

— Да, Ананда, гораздо более трудная задача осуществляется теми, кто проникает в самую истину, в самую суть слов: это зло; это возникновение зла; это прекращение зла; это подход к прекращению зла.

По этой причине, Ананда, прилагай старание, чтобы постичь истину этих слов.

(«Сутта-нипатта» V, 453)

Обезьяна и смоляная ловушка

В Гималаях, о бхикку, в горном царстве, есть такая часть страны, которая неровна, которую трудно пересечь; там не живут ни обезьяны, ни люди. Подобным же образом там есть и такие места, где обитают обезьяны, но не живут люди. Есть в Гималаях, бхикку, ровные места — восхитительные земли, где обитают и обезьяны, и люди.

В этих местах, о бхикку, охотники устраивают смоляные ловушки на тропах обезьян. И вот, бхикку, те обезьяны, которые свободны от жадности и безумия, видя такую ловушку, держатся от нее подальше. Но жадная и глупая обезьяна подходит к смоле, хватая ее одной лапой, и эта лапа накрепко вязнет в смоле. Тогда, думая: «Я освобожу свою лапу!» — она

хватает смолу другой лапой; но и эта лапа также накрепко вязнет в смоле. Для того чтобы освободить обе лапы, обезьяна хватается за смолу ногой, и нога тоже накрепко пристает к смоле. Чтобы освободить обе лапы и ногу, обезьяна хватается за смолу другой ногой, но и та накрепко пристает к смоле. Чтобы освободить обе лапы и обе ноги, она хватается за смолу мордой — и морда также пристает к смоле.

И вот так, бхикку, эта обезьяна, пойманная пятью способами, лежит и воет, оказавшись добычей разумного охотника, который делает с ней все, что захочет: он убивает обезьяну, готовит ее для еды, обжаривая с разных сторон на угольях костра, а затем отправляется по своим делам.

Точно так же, бхикку, обстоит дело и с тем, кто блуждает по ложным, не подобающим ему пастбищам чувств. Поэтому не блуждайте так, ибо Мара хватает того, кто блуждает в неподобающих ему сферах; Мара ищет случая, ищет возможности.

Что же такое, бхикку, это ложное пастбище, неподобающее для бхикку? Это пятеричный жгут чувственного наслаждения, а именно: формы, познаваемые глазом, формы желанные, привлекательные, сладостные и дорогие. Также и формы, ощущаемые телом в прикосновении, желанные, привлекательные, сладостные и дорогие, обладающие приятными качествами и вызывающие желания. Таково, бхикку, ложное пастбище, неподобающее бхикку.

Поэтому, бхикку, блуждайте в своих собственных пастбищах; ибо в этом случае Мара не ловит человека; в таком случае Мара не имеет для себя возможности, не имеет удобного случая.

И что же такое, бхикку, подобающее вам наследственное пастбище?

Это четыре стоянки внимательности. Какие же это четыре? Здесь, бхикку, практикующий пребывает в созерцании тела, ревностный, владеющий собой, внимательный, противодействующий алчности и недовольству, свойственным миру. И так же пребывает он в созерцании чувств, ума и мыслей. Таково, о бхикку, пастбище для бхикку, подобающее ему в силу наследственных связей.

(«Сутта-нипатта» V, 148)

Сознание (2)

Так я слышал. Однажды Возвышенный пребывал вблизи Саваттхи, в роще Джета, в парке Анатхапиндики. И в тот раз в уме некоего бхикку Сати, сына рыбака, возникло такое ошибочное и неверное мнение: «Насколько я понимаю учение, преподанное Возвышенным, это самое сознание движется, странствуя по кругу рождения и смерти, — это и никакое другое».

И вот многие бхикку, услышав об этом ошибочном и неверном мнении бхикку Сати, сына рыбака, пришли к нему и спросили: «Верно ли, друг Сати, что ты, как мы слышали, придержишься такого ошибочного и неверного мнения, как следующее: "Насколько я понимаю учение, преподанное Возвышенным, это самое сознание движется, странствует по кругу рождения и смерти, — это и никакое иное?"»

Бхикку Сати, сын рыбака, ответил: «Да, это так».

Тогда эти бхикку, желая отвлечь бхикку Сати, сына рыбака, от такого ложного и неверного мнения, вступили в разговор с ним, стали подробно расспра-

шивать его и уговаривать, так обращаясь к нему: «Не говори так, друг Сати! Не давай словам Возвышенного такого неправильного толкования! Неправильно толковать слова Возвышенного — значит творить зло! Несомненно, Возвышенный никогда не сказал бы такого! Несомненно, Возвышенный разными способами учил, что сознание есть вещь, которая возникает в силу случая. Без особого случая не может появиться сознание».

Но бхикку Сати, сын рыбака, хотя эти бхикку так говорили с ним, спорили, спрашивали и убеждали его, упрямо упорствовал в своем ошибочном и неверном представлении, а именно: «Насколько я понимаю учение...» и так далее.

И вот когда эти бхикку так и не сумели убедить бхикку Сати, сына рыбака, не смогли отвратить его от ошибочных и неверных представлений, они отправились к Возвышенному, приветствовали его и сели подле него. Сидя так, эти бхикку рассказали Возвышенному обо всем — и о своем неуспехе и о том, зачем они пришли сюда.

Тогда Возвышенный обратился к одному бхикку: «Пойди ты, бхикку, и от моего имени позови сюда бхикку Сати, сына рыбака, скажи ему: "Друг Сати, тебя зовет Учитель!"»

«Да, господин», — ответил тот бхикку Возвышенному и передал его послание.

Таким образом бхикку Сати, сын рыбака, пришел к Возвышенному, приветствовал его и сел подле него. Когда он так сидел, Возвышенный спросил его о том, что ему сказали, говоря: «Верно ли, Сати, что ты, как я слышал, действительно придерживаешься этого ошибочного и неверного представления?..»

— Верно, господин, придерживаюсь.

— Так что же такое сознание, Сати?

— Господин, это тот, кто говорит, кто чувствует, кто переживает результаты действия, совершенного здесь или там, действия хорошего или дурного.

— Как же это, заблуждающийся человек?! Откуда ты услышал, что мною было преподано такое учение? Разве не провозглашал я различными способами, что сознание возникает случайно, что без случая нет проявления сознания? Но ты, заблуждающийся человек, из-за того, что неправильно воспринял мое учение, так ошибочно представляешь меня другим и роешь себе яму; ты создал для себя дурное следствие, которое на многие дни принесет тебе ущерб и страдание!

Затем Возвышенный обратился к бхикку и сказал: «А что же думаете вы, бхикку? Были представления этого бхикку Сати, сына рыбака, выращены в тепле этой дисциплины дхаммы?»

— Нет, господин.

— Тогда слушайте эти слова, бхикку, и не допускайте подобных ошибочных мнений.

В это время, когда раздавались слова Возвышенного, бхикку Сати, сын рыбака, сидел в молчании, смущенный, поникший, повесил голову, подавленный, неспособный возражать.

Тогда, увидев его отчаянное состояние, Возвышенный так обратился к Сати, сыну рыбака:

— Тебе следует показать твою ошибку, заблуждающийся человек, при помощи того же самого ошибочного и неверного мнения. Для этого я задам вопросы этим бхикку.

Затем Возвышенный обратился к тем бхикку со словами:

— А вы, бхикку, тоже поняли преподанную мною дхамму, как понял ее этот Сати, сын рыбака, кото-

рый неправильно воспринял мое учение и таким образом неправильно представляет меня другим, который роет для себя яму, куда сам упадет, который создает этим для себя дурное следствие, на многие дни приносящее ему ущерб и страдание?

— Разумеется, нет, господин. Ибо Возвышенным было сказано различными способами, что сознание возникает вследствие случая, что без такого случая нет проявления сознания.

— Хорошо сказано, бхикку! Вы хорошо понимаете преподанное мною учение! Но этот бхикку Сати, неправильно восприняв мое учение, неправильно представляет меня другим и роет для себя яму; он создал для себя дурные последствия, которые на многие дни принесут ему ущерб и страдания.

Итак, бхикку, сознание возникает в зависимости от какого-то условия и рассматривается только в соответствии с этим условием. Так, в зависимости от глаза и объекта возникает сознание глаза; то же самое и с сознанием уха, носа, языка, осязания, а также с сознанием ума, возникающим в силу обусловленности умом и мыслями.

Это подобно тому, как вспыхивает пламя, обусловленное какой-то причиной (как, например, топливом); оно рассматривается именно в этой обусловленности. Так, у нас есть пламя, сжигающее дрова, сжигающее хворост, траву, коровий навоз, соломку или кучу хлама. Точно так же, бхикку, обстоит дело и с названием, данным сознанию. Оно возникло, бхикку, понимаете ли вы это?

— Да, господин.

— Возникло вследствие такого-то и такого-то питания. Понимаете ли вы это?

— Да, господин.

— Когда некто сомневается в том, что «это произошло», бхикку, возникает колебание ума, не так ли?

— Да, господин.

— Когда некто сомневается в том, что «это произошло вследствие такого-то питания», возникает колебание ума, не правда ли?

— Да, господин.

— Но вы можете сказать: «Возможно, оно не произошло»; или: «Это не произошло в силу такого-то питания»; или: «Это не прекратилось с прекращением такого питания»; тогда также возникает блуждание ума, не так ли?

— Да, господин.

— Но когда некто видит благодаря совершенной мудрости то, что действительно есть: «Это произошло; это произошло вследствие такого питания; оно прекращается с прекращением такого питания», — тогда более нет блуждания ума, не так ли?

— Да, господин.

— Но когда некто видит благодаря совершенной мудрости то, что действительно есть: это произошло; оно произошло вследствие такого питания; оно прекращается с прекращением такого питания, — тогда более нет блуждания ума, не так ли?

— Это так, господин.

— Так вот, бхикку, уверены ли вы в том, что «это произошло; это произошло вследствие такого питания; оно прекращается с прекращением такого питания»? Ясно ли вы понимаете благодаря совершенной мудрости то, что действительно существует: эти вещи действительно таковы?

— Конечно, господин.

— Тогда, бхикку, если эта точка зрения, совершенно очищенная и уясненная, стала вашей, если вы придерживаетесь ее, храните ее, цените ее, подобно некоторому богатству, называете ее своей, станете ли вы тогда понимать ее согласно моей притче о плоте, при помощи которой я преподавал вам учение? Будете ли вы считать ее чем-то таким, что можно оставить позади и не сохранить?

— Конечно, нет, господин.

— А если вы не придерживаетесь этой точки зрения, совершенно очищенной и уясненной, тогда не следует ли вам по-настоящему понимать ее, как она есть в действительности, как нечто такое, что нужно оставить позади и не сохранить?

— Конечно, нет, господин.

(«Маджджхима-никая» I, 259–269 —
опущены повторения)

Продвижение по пути идет постепенно

Так же, бхикку, как могучий океан постепенно углубляется и уходит вниз, становясь все глубже без внезапных обрывов в пропасть, — точно так же, бхикку, в этой дисциплине дхаммы обучение оказывается постепенным, движение бывает постепенным, оно идет шаг за шагом, и нет внезапного проникновения в прозрение.

И вот, поскольку это так, бхикку, это первое чудо и первое удивительное свойство этой дисциплины дхаммы; видя это вновь и вновь, бхикку радуется этой дисциплине.

Опять-таки, бхикку, подобно тому как могучий океан по своей природе устойчив и не выходит из сво-

их берегов, точно так же, бхикку, заряд энергии, который я передал своим ученикам, — этот заряд они не превышают, даже ценой жизни.

Это, бхикку, второе чудо и удивительное свойство... видя которое бхикку вновь и вновь радуются дисциплине дхаммы.

Так же, бхикку, как могучий океан не имеет никакой части или доли, общей с мертвым телом, ибо какое бы мертвое тело ни было опущено в этот могучий океан, оно сейчас же относится к берегу и выбрасывается на сушу; точно так же, бхикку, какой бы человек ни встретился нам — дурного поведения, зловредной природы, с нечистой и подозрительной печенью, скрывающий свои дела, кто не является отшельником, хотя провозглашает себя отшельником, кто нечист, хотя и провозглашает себя чистым, кто внутренне грязен, полон вожделений, кто в глубине своей скрывает нечистоту, — с таким человеком сообщество не имеет общей части, ни общей доли, но сейчас же при встрече с ним отвергает его. Хотя он сидит среди сообщества, бхикку, он тем не менее далек от сообщества, и сообщество далеко от такого человека.

И далее, поскольку такой человек отвергнут... это есть третье чудо и третье удивительное свойство этой дисциплины дхаммы, видя которую вновь и вновь бхикку радуются ей.

В сообществе нет касты, нет случая

Как великие реки, бхикку, называемые Гангой, Ямуной, Ачиравати, Сарабху и Махи, достигнув могучего океана, оказываются лишенными своих прежних имен и происхождения и все как одна считаются

могучим океаном, так точно, бхикку, и люди четырех варн — кшатрии, брахманы, вайшьи и шудры, — уходят из дома для бездомной жизни согласно дисциплине дхаммы татхагаты, отрекаются от своих прежних имен и от своего происхождения; их всех считают просто отшельниками, сынами Сакья... и поскольку это так... это четвертое чудо, четвертое удивительное свойство дисциплины дхаммы, о бхикку.

Как все потоки в мире, о бхикку, достигают могучего океана и все дожди, падающие с неба, впадают в него; однако никогда не видно, чтобы он оказался переполнен ими или опустел, — точно так же, бхикку, хотя многие бхикку уходят навсегда в париниббану, в которой не остается условий для повторного рождения, однако при этом мы не видим из-за их ухода опустошения или переполнения; точно так же, бхикку, это есть пятое чудо, пятое удивительное свойство дисциплины дхаммы...

Освобождение — вот цель

Как могучий океан, о бхикку, имеет лишь один вкус — вкус соли, так же, бхикку, и дисциплина дхаммы имеет один вкус, вкус освобождения. Поскольку это так... это есть шестое чудо и удивительное свойство дисциплины дхаммы...

Драгоценные камни

Как могучий океан, бхикку, скрывает в себе множество драгоценностей — драгоценных камней раз-

личных видов, таких как жемчуг, алмазы, кошачий глаз, горный хрусталь, кораллы, серебро, золото, рубин, изумруд, — точно так же, бхикку, дисциплина дхаммы содержит множество разнообразных драгоценностей, а именно: четыре серьезные джханы, четыре превосходных усилия, четыре пути силы воли, пять контролирующих способностей, пять сил, семь членов мудрости, Благородный Восьмеричный Путь. И вот, бхикку, поскольку такова дисциплина дхаммы... это седьмое чудо, седьмое удивительное свойство этой дисциплины дхаммы.

Плод

Как могучий океан, бхикку, являет собой обитель могучих существ, таких как макара, киты, крупные рыбы, морские божества, морские змеи и морские дэвы; как в могучем океане обитают чудовища, чье существо распространяется на одну, две, три, четыре, пять сотен йоджан, — точно так же, бхикку, эта дисциплина дхаммы есть обитель могучих существ, среди которых вступившие в поток и достигшие плодов вступления в поток; однажды возвращающиеся и достигшие плодов единственного возвращения; невозвращающиеся и достигшие плодов невозвращения; араханты и достигшие плодов состояния араханта. Поскольку это так... это есть восьмое чудо и удивительное свойство этой дисциплины дхаммы, видя которое вновь и вновь, бхикку радуются дисциплине дхаммы.

После этого Возвышенный, видя подлинность всего сказанного, трижды произнес такие вдохновенные слова:

ство; проявлял ревностную энергию и превозносил упражнения.

— Скажи, Кассапа, какие выгоды видел ты в том, чтобы так долго оставаться подобным образом обитателем леса?

— Господин, я так долго был обитателем леса, видя в этом двойную выгоду.

Я видел в этом собственную выгоду: спокойствие в этой нынешней жизни и сострадание к людям в будущем; ибо может случиться так, что в будущем люди, подверженные ложным мнениям, подумают: «Говорят, что те, кто был первыми просветленными после Возвышенного, долго-долго жили в лесу и превозносили жизнь в лесу...» (как выше). Таким образом они построят свою жизнь в соответствии с этими путями, и это послужит к их пользе и счастью на долгие-долгие времена.

Таковы, господин, два важных соображения, которые я имею в виду, пребывая в течение столь долгого времени обитателем леса.

— Хорошо сказано! Хорошо сказано, Кассапа! Ради пользы многих людей, из сострадания к миру, ради благополучия, выгоды, счастья дэвов и людей будет это сделано.

И потому, Кассапа, продолжай носить эту грубую одежду, сшитую из кусков выброшенных лохмотьев, продолжай совершать свои обходы, чтобы просить подаяния, продолжай и далее жить в лесу.

(«Сутта-нипатта» II, 202)

Притча о хорошем пастухе

Тогда Возвышенный сказал: «Бхикку, есть одиннадцать качеств, обладая которыми пастух непригоден к тому, чтобы пасти стадо скота и приносить ему пользу. Какие же это одиннадцать?»

— В этом деле, о бхикку, если пастух не знает форм, если не обладает умением разбираться в признаках, не удаляет яйца мух, не прикрывает язвы, не зажигает света, не знает места брода, не знает места водопоя, не знает тропы, не умеет приготовить место для кормления, доит коров, когда у них нет молока, не уделяет особого внимания быкам, отцам и вожакам стада, — итак, если он не обладает этими одиннадцатью качествами, он непригоден для того, чтобы пасти стадо, он не принесет ему пользы.

Точно так же, бхикку, тот бхикку, который не обладает этими одиннадцатью качествами, непригоден для роста, развития и движения в дисциплине дхаммы. Что же это за качества? Это (десять, которые я назвал, и еще одно): когда он не воздает особых почестей старшим бхикку, которые провели в сообществе уже много дней, которые давным-давно ушли из дома, которые суть отцы сообщества, его вожаки.

И как же, бхикку, будет бхикку познавшим форму?

В этом случае, о бхикку, такой бхикку знает всякую форму, любую форму, какова она есть в действительности, знает о ней следующее: форма — это четыре великих элемента, она основана на них. До этой степени он оказывается познавшим форму.

И как же, бхикку, умеет этот бхикку разбираться в признаках?

В этом случае, бхикку, такой бхикку знает: глупца знают по признакам его действия, мудрого знают по признакам его действия — как оно есть в действительности. До такой степени умеет он разбираться в признаках.

И как же, бхикку, удаляет этот бхикку яйца мух?

В этом случае, бхикку, такой бхикку не останавливается на цепи чувственных мыслей. Когда она возникла, он отбрасывает ее, сдерживает ее, избавляется от нее, заставляет ее сделаться несуществующей. То же самое и с цепью недоброжелательных мыслей, с цепью обидных мыслей. Он не останавливается на злобных, невыгодных состояниях ума, возникающих время от времени; он отбрасывает их, сдерживает, избавляется от них; заставляет их сделаться несуществующими. Так бхикку удаляет яйца мух.

И как же, бхикку, этот бхикку прикрывает язвы?

В этом случае, бхикку, такой бхикку, видя своим глазом какую-то форму, не воспринимает ни ее признаки вообще, ни ее атрибуты в частности, а упорствует в сдерживании зрительного ощущения, вследствие которого, если оно будет находиться под контролем, алчность и недовольство (эти дурные состояния) могли бы затопить его подобно наводнению; но он сохраняет наблюдение за зрительным ощущением, достигает подчинения этого зрительного ощущения. Точно так же достигает он подчинения уха, носа, языка, тела и ума. Так, бхикку, прикрывает язвы этот бхикку.

И как же, бхикку, этот бхикку зажигает огонь?

В этом случае, бхикку, такой бхикку подробно показывает другим дхамму, которую сам слышал и усвоил сердцем. Так он становится зажигающим огонь.

И как же, бхикку, этот бхикку оказывается знающим брод?

В этом деле, бхикку, такой бхикку от времени до времени приближается к тем бхикку, которые восприняли традиции, которые поддерживают дхамму, дисциплину и существенные стороны учения. Он вопрошает их, исследует, задает вопросы: «Как это происходит, господин? В чем смысл этого?» Тогда те досточтимые бхикку раскрывают перед ним то, что было скрыто, придают ясность тому, что было неясным, рассеивают его сомнения относительно сомнительных мест учения. Так, бхикку, становится такой бхикку знающим брод.

И как же, бхикку, становится такой бхикку знающим место водопоя?

В этом деле, бхикку, когда преподается дисциплина дхаммы, установленная татхагатой, бхикку приобретает знание смысла, знание дхаммы, приобретает ту радость, которая сопровождает дхамму. Так становится он знающим место водопоя.

И как же, бхикку, этот бхикку знает тропу?

В этом деле, бхикку, такой бхикку понимает Благородный Восьмеричный Путь, каков он есть в действительности; так он оказывается знающим тропу.

И как же, бхикку, этот бхикку оказывается искусным в устройстве места для кормления?

В этом деле, бхикку, такой бхикку понимает четыре стоянки внимательности, каковы они есть в действительности. Так он оказывается искусным в устройстве места для кормления.

И как же, бхикку, этот бхикку оставляет после дойки немного молока?

В этом деле, бхикку, когда преданные домохозяева приносят и предлагают ему одеяние, милостыню,

жилье, необходимые вещи и лакомства, бхикку, принимая это, проявляет умеренность. Таким образом он оставляет после дойки немного молока.

И как же, бхикку, этот бхикку выражает особое почтение к старшим бхикку, которые пережили в обществе многие дни, которые давным-давно ушли из дома, к отцам и вожакам сообщества?

В этом деле, бхикку, такой бхикку в отношении к ним проявляет доброту в поступках, произносит добрые слова, проявляет доброту в мыслях как на людях, так и в частных случаях. Вот так выражает он им особое почтение.

Так, бхикку, обладающий этими одиннадцатью качествами бхикку, оказывается пригодным к достижению роста, развития и процветания в этой дисциплине дхаммы.

(«Маджджхима-никая» I, 33)

Слон

1) Как слон в битве терпит стрелы, вонзившиеся в него, так и я должен терпеть жестокие манеры людей, живущих в этом зловредном мире.

2) Усмиренный — его ведут в битву.

Усмиренный — на него поднимается царь.

Усмиренный человек — лучший из людей:

его не могут испортить жестокие манеры
(других людей этого мира).

3) Хороши прирученные мулы и синдские лошади с прославленной родословной.

Действительно хороши могущественные слоны.

Но лучше всех тот [человек], кто смирил себя.

4) Однако все эти животные бесполезны для нас: они не приведут нас к ниббане.

Только мы самостоятельно можем достигнуть Запредельного Всем Путям,

Самоограничением смиряя сами себя.

5) В период течки из висков могущественного слона Дханапалаки течет пахучая жидкость, и он, пленник, ничего не ест, но мечтает о своем лесе.

6) Вялый, прожорливый и сонливый, лениво неуклюже валяющийся туда-сюда,

Как огромная прожорливая свинья, глупец вынужден рождаться снова и снова.

7) С безначальных времен этот ум странствовал где хотел, пытаясь доставлять себе удовольствие как ему угодно, бродил как заблудившийся скиталец.

Как хозяин останавливает взбесившегося слона, так теперь я с мудростью буду сдерживать, обуздывать, ограничивать свой ум, контролировать его полностью.

8) Приучитесь наслаждаться серьезностью, усердием, старательностью, искренностью.

Наблюдайте свои мысли и будьте неутомимы [в этом самонаблюдении].

Уведите себя с Пути Несчастья, как слона, завязшего в грязи.

9) Если можешь — найди себе попутчика честного, стойкого, неколебимого, разумного, понимающего. Оставив все свои заботы позади себя, радостно иди с ним к цели с полной решимостью.

10) Если не можешь найти себе попутчика честного, стойкого, неколебимого, разумного, понимающего, то — как царь покидает границы своего царства, завоеванного врагами, как слон в слоновом лесу, продолжай свой путь в одиночестве.

11) Лучше жить в уединении.

С дураком не может быть содружества.

Живи в одиночестве и не делай зла.

Живи в одиночестве, ограничивая свои потребности.

Одинокий, как могущественный слон в лесу, держится в уединении.

(«Дхаммапада» 320–330)

Магическая сила

В Саваттхи... Тогда досточтимый Ананда явился к Возвышенному, приветствовал его и сел подле него. Сидя так, досточтимый Ананда сказал:

— Господин, вполне ли знает Возвышенный, как достичь мира Брахмы при помощи магической силы, при помощи тела, созданного умом?

— Действительно, я знаю это, Ананда.

— Господин, вполне ли знает Возвышенный, как достичь мира Брахмы при помощи этого тела, составленного из четырех великих элементов?

— Действительно, я знаю это, Ананда.

— Необычайно это, господин! Чудесно, господин, что Возвышенный обладает этим знанием!

— Да, Ананда, поистине необычны татхагаты и одаренные необычными силами. Поистине чудесны татхагаты и одаренные необычными силами.

Всякий раз, Ананда, когда татхагата сосредоточивает тело в уме и сосредоточивает ум в теле, когда он, вступив в сознание легкости и радости, пребывает в нем, — и в такое время, Ананда, тело татхагаты бывает более жизнерадостным, более легким, более гибким и сияющим.

Предположим, Ананда, что железный шар целый день нагревался; он становится легче, мягче, становится более гибким и более сияющим. То же самое, Ананда, происходит с телом татхагаты.

И вот, Ананда, в то время, когда татхагата так сосредоточивает тело в уме и ум в теле, тело татхагаты, совершая лишь малое усилие, поднимается с земли в небо и различными способами проявляет магическую силу, а именно: будучи одним, оно становится многими и так далее; и татхагата обладает силой над телом даже вплоть до мира Брахмы.

Так же, Ананда, как семя хлопчатника или крапивы бывает легким и уносится ветром и лишь при небольшом дуновении ветра взмывает с земли в небо... точно так же, когда татхагата сосредоточивает ум в теле и тело в уме... он разными способами проявляет магическую силу... даже до самого мира Брахмы.

(«Сутта-нипатта» V, 283–284)

Сверхнормальные силы

«Я, бхикку, когда я того желаю, выходя за пределы сознания форм всеми способами, благодаря разрушению содержания ощущения, и не обращая внимания на всевозможные чувства, вступаю в сферу безграничного пространства и пребываю в нем, (зная): вот безграничное пространство.

Кассапа, бхикку, когда он того желает, выходя за пределы...

Я, о бхикку, когда я того желаю, полностью выходя за пределы безграничного пространства, вхожу в сферу безграничного сознания и пребываю в нем, (зная:) вот безграничное сознание.

Кассапа, бхикку, когда он того желает, полностью выходя за пределы...

Я, бхикку, когда я того желаю, полностью выходя за пределы бесконечного сознания, вхожу в сферу пустоты и пребываю в ней, (зная:) вот пустота.

Кассапа, бхикку, когда он того желает, полностью выходя за пределы...

Я, бхикку, когда того желаю, полностью выходя за пределы сферы пустоты, вступаю в ту сферу, где нет ни восприятия, ни его отсутствия, и пребываю в ней.

Кассапа, бхикку, когда он того желает, выходя полностью за пределы...

Я, бхикку, когда того желаю, выходя полностью за пределы сферы, где нет ни восприятия, ни его отсутствия, вступаю в сферу прекращения сознания и пребываю в ней.

Кассапа, бхикку, когда он того желает, выходя полностью за пределы...

Я, бхикку, когда того желаю, пользуюсь обладанием различными видами магической силы. Будучи одним, я становлюсь многими формами; из обладания многими формами я становлюсь единым; появляясь и исчезая, я прохожу беспрепятственно и не зная преград сквозь стены, сквозь земляные валы, сквозь горы — так же легко, как сквозь воздух; я опускаюсь вниз или поднимаюсь вверх внутри твердой почвы, как в воде; я хожу по воде, не волнуя ее, как по твердой почве; я делаю воздух своим ложем подобно крылатой птице; я касаюсь руками Луны и чувствую ее; я также касаюсь руками Солнца и чувствую его, хотя они и являют собой существа таинственной силы; я простираю свою силу при помощи своего тела до самого мира Брахмы.

Кассапа, бхикку, когда он того желает, пользуется обладанием...

Я, бхикку, когда того желаю, при помощи божественной способности слуха, проясненной и превосходящей способности человека, могу слышать, как божественные, так и человеческие звуки, как далекие, так и близкие.

Кассапа, бхикку, когда он того желает, при помощи божественной способности слуха...»

Вспоминание прошлых рождений

Я, бхикку, когда я того желаю, могу вызвать в уме мои прошлые разные состояния рождения, например одно рождение, два рождения, пять, десять... сто рождений, сто тысяч рождений: разрушения разных кальп, различные обновления кальп, т. е. разрушения и возобновления кальп; я вспоминаю их так: я жил там, я назывался так-то, я принадлежал к такому-то роду, к такой-то варне, имел такую-то поддержку, пережил такие-то приятные и болезненные обстоятельства, жил столько-то, исчезал там-то и возникал в другом месте; и я жил еще там, назывался так-то, принадлежал к такому-то роду, к такой-то варне (как выше) — таким образом я могу вызвать в уме мои предыдущие состояния существования во всех их особых подробностях и со всеми их характерными свойствами.

Кассапа, бхикку, когда он того желает, может вызвать в уме...

Я, бхикку, когда того желаю, могу созерцать божественным зрением, проясненным и превосходящим зрением человека, как умирают и вновь появля-

ются люди — низкие и превосходные, чистые и грязные, уходящие к счастливому или несчастливому состоянию согласно своим делам (так, что я мог бы сказать:) «Увы, почтенные, эти существа, предававшиеся практике дурных дел, дурных слов, дурных мыслей, насмехавшиеся над благородными, придерживавшиеся ложных взглядов и пожинавшие плоды своих ложных взглядов, — эти существа, по растворении их тел после смерти, возникают вновь в мире отбросов, на пути скорби, падения и постоянного возвращения по кругу; ах, почтенные, и эти существа, предававшиеся практике добрых дел, добрых слов, добрых мыслей, не насмехавшиеся над благородными, придерживавшиеся здравых взглядов и пожинавшие плоды этих своих здравых взглядов, — эти существа, по растворении их тел после смерти, возникают вновь в небесном мире, на пути счастья».

Таким образом, при помощи божественного зрения, проясненного и превосходящего зрение человека, я действительно созерцаю существа (как выше)... согласно их делам.

Кассапа, бхикку, когда он того желает, может так созерцать при помощи...

И я, бхикку, благодаря разрушению *асав*, вступил в такое состояние освобожденности, в состояние ума, свободного от *асав*, пребывая в котором, я постигаю его при помощи собственного сверхсознания даже в этой нынешней жизни.

Кассапа, бхикку, благодаря разрушению *асав*...

Чтение мыслей

Я, бхикку, когда я того желаю, знаю умы других существ, других людей, постигая их своих умом. Я знаю, что страстный ум страстен; что бесстрастный ум бесстрастен; я знаю, что ненавидящий ум полон ненависти; что заблуждающийся ум пребывает в заблуждении; я знаю, что напряженный ум пребывает в напряжении, а колеблющийся ум колеблется; я знаю, что возвышенный ум возвышен, что смиренный ум полон смирения; что высший более высок, а низший — более низок; я знаю, что сосредоточенный ум сосредоточен, освобожденный — освобожден.

Кассапа, бхикку, когда он того желает, знает умы других существ...

(«Сутта-нипатта» II, 123)

Приближение к цели

В Саваттхи. Тогда Возвышенный так обратился к собравшимся бхикку:

— О бхикку, я не одобряю ложных взглядов ни у мирянина, ни у странствующего. Тот, кто шествует с ложными взглядами, будь он мирянином или странствующим, в подобном случае по причине своего неправильного поведения, не достигнет метода, не достигнет дхаммы, не достигнет добра.

И что же такое, о бхикку, ошибочный взгляд? Это — ошибочный подход, ошибочная цель, ошибочные речь, действие, образ жизни, ошибочное усилие, ошибочные внимательность и сосредоточенность. Вот что такое ошибочный подход. Я не одобряю его, бхикку, ни у мирянина, ни у странствующего; ибо такие люди в подобных случаях по причине их не-

правильного поведения не достигнут метода, не достигнут дхаммы, не достигнут добра.

Но, бхикку, я одобряю совершенный подход, одобряю его как у мирянина, так и у странствующего. Ибо каждый из них, шествуя по совершенному пути напрямик, достигнет метода, достигнет дхаммы, достигнет добра.

В силу такого случая и по причине совершенного поведения он достигнет освобождения. И что же такое этот совершенный подход? Это — правильный взгляд, правильная цель и так далее... таков совершенный подход. И я одобряю его как у мирянина, так и у странствующего. Ибо и тот и другой достигнут метода, достигнут дхаммы, достигнут добра в силу благоприятного случая и по причине совершенного поведения.

(«Сутта-нипатта» V, 18)

Ноша

В Саваттхи... Тогда Возвышенный обратился со следующими словами:

Бхикку, я научу вас ноше, покажу, как взяться за нее, как поднять ее и положить на спину, как положить ее на землю. Прошу вас, послушайте.

Что такое эта ноша, о бхикку?

Это масса пяти факторов вожделения — вот как следует ответить на такой вопрос. Какие же это пять? Масса телесных факторов, масса факторов чувства, восприятия, деятельности и сознания, связанных с вожделением. Это, бхикку, я называю «ношей».

И что значит, бхикку, «взяться за ношу»?

«Это человек, — следует ответить на такой вопрос. — Такой-то досточтимый, под таким-то име-

нем, из такого-то семейства». Это, бхикку, я называю «взяться за ношу».

Что же такое, бхикку, «поднять ношу»?

Это — такая страсть, которая ведет вниз, к повторному рождению, вместе с соблазном и чувственностью, которые устремляются со страстью то туда, то сюда, а именно: это страсть к ощущению, страсть к повторному рождению, страсть к связи с повторным рождением. Это, бхикку, называется «поднять ношу».

Что же такое, бхикку, «сложить ношу»?

Это совершенное бесстрастие, прекращение страсти, оставление страсти, отказ от страсти, освобождение от страсти, отсутствие стремления к этой страсти. Это называется «сложить ношу», о бхикку.

Так говорил Возвышенный. Сказав это, Благотворитель и Учитель произнес далее:

*Поистине, ноша — пятеричная масса;
Хватается за ношу — человек;
Взвалить ее на плечи — пережить печаль
в этом мире;*

*Сложить ее — блаженство.
Если человек снимает с плеч эту ношу
И не берется за другую,
Если он с корнем вырывает все это вожделение,
Более не мучимый голодом, он — свободен.*

(«Сутта-нипатта» III, 25)

Постижение

Однажды Возвышенный пребывал вблизи Саваттхи, в роще Джета, в парке Анатхапиндики. И вот в то

время досточтимый Кхема и досточтимый Сумана также находились вблизи Саваттхи, в Темном Лесу. Тогда эти досточтимые Кхема и Сумана приблизились к Возвышенному, приветствовали его и сели подле него. Сидя так, досточтимый Кхема сказал Возвышенному:

— Господин, такой бхикку, который стал арахантом, разрушителем *асава*, проживший жизнь, выполнивший свою задачу, сложивший ношу, достигший собственного спасения, разорвавший оковы, которые привязывают к становлению, кто благодаря знанию стал вполне свободным, — такой бхикку не думает: «Я лучше» или «Я хуже» или «Я равен» — по отношению к другим.

Так сказал досточтимый Кхема, и Учитель одобрил его слова. После чего досточтимый Кхема, сказав: «Учитель одобряет!» — встал, поклонился справа и ушел.

Вскоре после его ухода досточтимый Сумана обратился к Возвышенному с теми же словами, и Учитель одобрил его слова. После чего досточтимый Сумана, сказав: «Учитель одобряет», — поднялся с места, поклонился Возвышенному справа и ушел.

Вскоре после того как эти двое бхикку ушли, Возвышенный обратился к бхикку:

— Бхикку, вот как члены рода подтверждают постижение. Сказана самая суть, и «я» не было внесено в вопрос.

Но есть некоторые заблуждающиеся существа, которые, по-моему, насмеваются, когда говорят о полном постижении. Такие впоследствии приходят к полному крушению.

*Не колеблемы мыслями о равном, высоком
или низком.
Такие, как эти. Их единственная мысль:
«Разрушено рождение, прожита святая жизнь,
Свободны мы от оков, привязывающих
к рождению».*

(«Анuttара-никая» III, 359)

Арахант

Так, Кунда, говоря об арахантах, должен ты отвечать тем, кто придерживается других взглядов.

Друг, бхикку, ставший арахантом, — это такой человек, в котором разрушены *асавы*, кто прожил жизнь, кто выполнил свою задачу, кто сбросил свою ношу, кто достиг собственного благополучия, кто до конца разрушил оковы, привязывающие к становлению, кто освобожден благодаря знанию, — такой человек неспособен к девяти видам неправильного поведения, а именно:

*Намеренно отнимать жизнь у живого существа;
при помощи воровства присваивать то,
что не дано;
совершать половой акт;
принимать опьяняющие напитки;
накапливать (пищу) для удовлетворения
аппетита, как это делает домохозяин;
идти по ложному пути ненависти;
идти по ложному пути заблуждения;
идти по ложному пути страха.*

(«Дигха-никая» III, 133)

Как узнать араханта

Тогда раджа Пасенади Косалан вскоре после того, как ушли эти аскеты, отправился туда, где находился Возвышенный, и, подойдя ближе, он приветствовал его и сел подле него. Сидя так, раджа Пасенади спросил Возвышенного:

— Господин, находятся ли эти шраманы среди тех, кто в этом мире является арахантами или достиг пути араханта?

— Трудно тебе, махарадж, живущему жизнью домохозяина, пользующемуся наслаждениями чувств, живущему дома, в своей спальне, полной детей, наслаждающемуся бенаресским сандалом, носящему гирлянды цветов, пользующемуся благовониями и ароматными маслами, принимающему в дар золото и серебро, — трудно такому, как ты, видеть с уверенностью: «Это араханты» или «эти шраманы достигли пути араханта».

Нет, махарадж, только живя вместе с человеком, находящимся на пути, мы узнаем его подлинный характер; и лишь спустя долгое время, когда мы не останавливаемся на какой-то мимолетной мысли и не обращаем на нее слишком мало внимания, для чего нужен человек, обладающий прозрением, а не тупица.

Только благодаря постоянному общению, махарадж, можно узнать человека в его целостности; и это лишь после долгого времени, не останавливаясь на какой-то мимолетной мысли и не обращая на нее слишком мало внимания...

Только в неудаче, махарадж, можно узнать поддержку человека; и это лишь спустя долгое время, когда мы не останавливаемся на какой-то мимолет-

ной мысли и не обращаем на нее слишком мало внимания...

Мудрость человека, о махарадж, можно уяснить только в беседе с ним; и это лишь после долгого времени, когда мы не останавливаемся на какой-то мимолетной мысли и не обращаем на нее слишком мало внимания. Для этого нужен человек, обладающий прозрением, а не тупица.

(«Удана», стр. 65–66)

Глава 13

ДЕВАДАТТА*

Честолюбие и разочарование

И вот в то время Возвышенный проповедовал, окруженный большим числом бхикку; среди слушающих были также раджа и его двор.

Тогда Девадатта, встав с места и перекинув через плечо верхнее одеяние, склонился перед Возвышенным со сложенными руками и сказал:

— Господин, Возвышенный ныне постарел; он уже не молод; он далеко в годах; он пришел к концу жизни. Пусть теперь мой господин живет без тревог, пусть пребывает, отдавшись тому счастью, которое содержит эта жизнь. Пусть он передаст мне заботу о сообществе бхикку, и я возьму на себя управление этим сообществом бхикку.

— Достаточно, Девадатта! Не ищи возможности взять на себя управление этим сообществом бхикку!

Затем во второй и еще в третий раз Девадатта обратился с той же просьбой и получил тот же ответ. Тогда Возвышенный сказал:

— Даже Сарипутта и Моггаллана Великий не получили бы от меня управления сообществом бхикку; тем более не передам его тебе, низкому человеку, *чавасса-кхелапаксса***.

Тогда Девадатта подумал так: «Возвышенный даже в присутствии раджи и его двора называет меня

* *Девадатта* — двоюродный брат Будды; он создал свою секту, снедаемый жадной руководств; он убедил принца Аджатасатту поддержать его.

** Т. е. живущему на подаяние, добытое низкими средствами.

низким человеком, "чавасса-кхелапаксса", и восхваляет Сарипутту с Моггалланой». Так рассерженный и озабоченный, он поклонился Возвышенному, приветствовал его, обойдя справа, и ушел. Это и было первым случаем недовольства Девадатты против Возвышенного*.

(«Виная» II, 7, 2)

Честолюбие

И вот однажды Возвышенный пребывал в Раджагахе, на вершине пика Коршуна; это было вскоре после изгнания Девадатты. По этому случаю Возвышенный обратился к бхикку, говоря о Девадатте:

— К его собственной беде, бхикку, пришли к Девадатте выгода, благорасположение и лесть; они привели его к падению. Как платан приносит плоды к своей собственной гибели, к собственному разрушению; как бамбук или тростник приносят плоды к собственной гибели, к собственному разрушению, — точно так же, как самка мула рождает детеныша к собственной гибели, к собственному разрушению, — точно так же выгоды, милость и лесть пришли к Девадатте к его гибели, к его падению. Столь ужасны, бхикку, выгоды, благорасположение и лесть; они являют собой острое болезненное препятствие к достижению непреходящего и надежного мира.

* После этого Сарипутте было поручено формально вывести Девадатту из сообщества бхикку, после чего Девадатта сделал впоследствии несколько попыток убить Будду, но это ему не удалось. Конец его был печальным, ибо он совершил непростительные грехи — попытался убить собственного отца, создать раскол в сообществе бхикку и убить араханта.

По этой причине, бхикку, так должны вы воспитывать себя: когда на нашу долю выпадут выгоды, благорасположение и лесть, мы отвергнем их; когда они выпадут на нашу долю, они не захватят наши сердца, не укрепятся в них.

Так говорил Возвышенный; и когда Счастливым сказал это, он, как учитель, прибавил далее:

*Платан, бамбук и тростник
Гибнут из-за приносимого плода.
Почтение, оказанное глупцу, губит его,
Как мулиха умирает, родив муленка.*

Милость принца

Однажды Возвышенный находился в Раджагахе, в бамбуковой роще, у площадки для кормления белок.

В то время принц Аджатасатту поддерживал Девадатту — рано и поздно он посылал ему пятьсот повозок, в которых привозили пятьсот кухонных горшков с пищей. Тогда многие бхикку предстали перед Возвышенным, приветствовали его и уселись подле него. Сидя так, они рассказали Возвышенному обо всем случившемся.

— Не желайте выгод, милостей и лести, о бхикку! До тех пор, бхикку, пока принц Аджатасатту таким образом поддерживает Девадатту, посылая ему поздно и рано пятьсот повозок, в которых везут пятьсот кухонных горшков с пищей, — можно ожидать только гибели Девадатты, а не роста его в благополучных условиях.

Как если бы, бхикку, кто-то бросил крошки печенья на нос бешеного пса, а пес от этого взбесился бы еще сильнее, — так же, бхикку, пока принц Аджата-

сатту так поддерживает Девадатту... можно ожидать только гибели Девадатты, а не роста его в благополучных условиях. Столь ужасны, бхикку, выгоды, милости и лесть. Они являют собой острое, болезненное препятствие к достижению непреходящего и надежного мира.

По это причине, бхикку, так должны вы воспитывать себя: когда на нашу долю выпадут выгоды, милости и лесть, мы отвергаем их; когда они выпадут на нашу долю, они не захватят наши сердца, не укрепятся в них.

(«Сутта-нипатта» II, 242)

Глупцы действуют необдуманно

Тогда Возвышенный обратился к бхикку и сказал: «Однажды, о бхикку, в лесной стороне был большой пруд, и около него обитали слоны. Они, погружаясь в пруд, вырывали со дна стебли лотоса, мыли их дочиста и, отмыв от грязи, выдергивали из воды и проглатывали. Это дело было для них источником здоровья и силы и впоследствии не приводило к смерти или к смертоносной болезни.

И вот, бхикку, молодые слонята, следуя примеру взрослых слонов, тоже стали погружаться в пруд и вырывать со дна стебли лотоса; но они выдергивали их, не очищая, и глотали вместе с грязью и всем, что на них оказывалось. Это дело было для них источником нездоровья, подрывало силу и впоследствии оказывалось причиной смерти или, по крайней мере, смертельной болезни. Точно так же, бхикку, подражая мне, умрет Девадатта, несчастный человек».

*Как юный слоненок,
Подражавший могучему зверю, который
Страхивает грязь и ест стебли лотоса,
Всю ночь напролет не отходит от берега,
Пожирает грязь (и гибнет от этого),
Так умрет и тот несчастный,
Который подражает мне.*

(«Виная» II, 7, 5; «Сутта-нипатта» II, 268)

Гибель

Девадатта, о бхикку, охваченный восемью дурными условиями, с умом, одержимым восемью дурными качествами, обречен на чистилище, на состояние «страдания», в течение целой кальпы, без всякой надежды на избавление. Что же это за восемь условий:

Он охвачен и одержим любовью к приобретению и утратой приобретенного, любовью к славе и утратой славы, любовью к почестям и утратой почестей, охвачен и одержим дурными желаниями и дурными друзьями. Таковы, бхикку, восемь условий.

Кроме того, бхикку, есть еще три дурных условия; охваченный и одержимый ими, Девадатта обречен на такую тяжелую судьбу. Что же это за три?

Потому что у него были дурные желания, потому что у него были дурные друзья, потому что он свернул в сторону (с Пути) и остановился в неподвижности благодаря достижению меньших сил*.

(«Виная-питака» II 7, 7)

* Иначе говоря, он достиг низших магических сил, которые отвлекли его в сторону от главной цели.

Неблагодарность

Шакал (1)

Пребывая вблизи Саваттхи... (Возвышенный сказал следующее:)

— Слышали вы, бхикку, шакала, который лает ночью и рано на рассвете?

— Да, господин.

— Это, бхикку, большой шакал, страдающий от болезни, называемой паршой. Куда бы он ни наклонялся, он туда идет, куда он так наклонился, там он и остается; куда он наклоняется, там и присаживается на задние лапы; куда он наклоняется, там и ложится, сколько бы холоден ни был ветер, который на него дует.

Возможно, бхикку, для одного из бхикку, давших обет сыну Сакья, было бы хорошо, если бы он достиг такого состояния рождения, как это.

Поэтому, бхикку, так должны вы воспитывать себя: будем пребывать в серьезности. Именно так должны вы воспитывать себя.

Шакал (2)

... Пребывая вблизи Саваттхи... (как выше).

— Да, господин.

— Может быть, бхикку, то чувство благодарности и признательности, которое существует у этого искалеченного шакала, не найдешь у одного из бхикку, давших обет сыну Сакья.

Поэтому, бхикку, так должны вы воспитывать себя: будет мы благодарны, полны признательности; да не будет для нас напрасно дано даже мельчайшее благодеяние. Точно так должны вы воспитывать себя*.

(«Самъютта-никая» II, 182–183)

* Слова об «одном из бхикку», согласно комментарию, сказаны о Девадатте.

ГЛАВА 14

ИСТИННЫЕ И ЛОЖНЫЕ УЧЕНИЯ

Проверка истинности учения (1)

Как-то Маха-паджапати Готамид отправился к Возвышенному, приветствовал его, стал подле него и сказал:

— Господин, для меня было бы благом, если бы Возвышенный показал мне учение, слушая которое из уст Возвышенного, я мог бы пребывать в уединении, оставаться одиноким, ревностным, упорным, решительным.

(Учитель сказал:)

— Какие бы учения ни встречались тебе, Готамид, если ты можешь с уверенностью сказать себе так: «Эти учения ведут к страстям, а не к бесстрастию; к рабству, а не к непривязанности; к возрастанию (мирных) приобретений, а не к уменьшению их; к алчности, а не к умению довольствоваться немногим; к недовольству, а не к удовлетворенности; к общению, а не к одиночеству; к лени, а не к энергии; к удовольствию от зла, а не от добра, — тогда ты можешь с уверенностью утверждать о таких учениях: это не дхамма, это не дисциплина, это не провозвестие Учителя».

Но какие бы учения тебе ни встретились, если ты можешь с уверенностью сказать себе (что они противоположны тому, что я сказал тебе), — о таких учениях ты можешь с уверенностью утверждать: «Это дхамма, это дисциплина, это провозвестие Учителя».

Проверка истинности учения (2)

Однажды Возвышенный пребывал в Бхаганагаре, вблизи святилища Ананды. Тогда Возвышенный обратился к бхикку, сказав: «О, бхикку!»

«Господин!» — ответили эти бхикку, устремив внимание к Возвышенному. Возвышенный говорил так:

— Есть четыре большие проверки, бхикку, которые я вам покажу. Пожалуйста, слушайте, пользуйтесь вниманием, а я буду говорить.

— Мы слушаем, господин, — ответили эти бхикку Возвышенному; тогда он сказал:

— Каковы же, о бхикку, эти четыре проверки?

В таком случае, бхикку, какой-нибудь бхикку, возможно, скажет вам: «Друг, я слышал это из собственных уст Возвышенного, я получил это знание, находясь лицом к лицу с Возвышенным; это — дхамма, это — дисциплина, это — провозвестие Учителя».

Так вот, бхикку, вам не следует ни принимать радостно слова такого бхикку, ни отвергать их; но, не принимая их с радостью и не отвергая безусловно, вы должны тщательно продумать эти слова, одно за другим, слог за слогом, и сопоставить их с *суттой*, сравнить с *винаей*. И если они не сходятся с *суттой*, не согласуются с *винаей*, тогда вы можете прийти к такому заключению: «Несомненно, это не слова Возвышенного, не слова араханта, не слова полностью просветленного; они были неправильно восприняты этим бхикку». Сказав это, о бхикку, вы должны отвергнуть их.

Опять же, бхикку, в том случае, если какой-нибудь бхикку, возможно, скажет вам: «Друг, я слышал это из уст»... (как выше)... — и если эти слова

действительно сходятся с суттой и действительно согласуются с винаей, вы можете прийти к такому заключению: «Несомненно, это слова Возвышенного, араханта, полностью просветленного; они были правильно восприняты этим бхикку». Сказав так, вы должны принять их, как таковые, о бхикку.

Это первая большая проверка.

Затем опять-таки в этой связи какой-нибудь бхикку, возможно, скажет: «В такой-то обители пребывает сообщество бхикку, и среди них есть старший, руководитель этих людей; и, находясь лицом к лицу с ним, я слышал (то-то и то-то)...»

Так вот, бхикку, вам не следует ни радостно принимать слова такого бхикку, ни безоговорочно отвергать их; но проверьте их (как сказано выше)... Затем, если они не сходятся с суттой, не совпадают с винаей, вы можете прийти к такому заключению: «Несомненно, это не слова Возвышенного, не слова араханта, не слова полностью просветленного; они были неправильно восприняты этим бхикку». Сказав это, бхикку, вы должны отвергнуть их.

Опять же, бхикку, какой-нибудь бхикку, возможно, скажет (как выше)... и если это сходится (как выше)... вы можете заключить: «Это слова Возвышенного...»

Это, бхикку, вторая большая проверка.

Затем опять-таки, бхикку, в этой связи какой-нибудь бхикку, возможно, скажет: «Вот в такой-то обители пребывают старшие бхикку обширного общего значения, которые получили учение, которые сердцем усвоили дхамму, сердцем усвоили настоящую дисциплину, выучили наизусть краткое содержание учения. Находясь лицом к лицу с этими старшими бхикку, я слышал и получил это учение так:

"Это дхамма, это дисциплина, это провозвестие Учителя"».

Тогда (как выше)... если это не совпадает... отвергните его.

И опять-таки, бхикку, если это действительно совпадает... вы должны принять его.

Такова, бхикку, третья большая проверка.

Опять же, бхикку, в этом случае какой-нибудь бхикку, возможно, скажет: «В такой-то обители пребывает в уединении старший бхикку, человек широкого общего знания, который получил учение, который сердцем усвоил дхамму, сердцем усвоил дисциплину, выучил наизусть краткое содержание учения... Находясь лицом к лицу с этим старшим бхикку, слышал я это... Затем, если оно не сходится... отвергните его.

И сходным образом, если оно сходится... примите его (как выше)».

Такова, бхикку, четвертая большая проверка; таковы эти четыре большие проверки.

(«Анuttара-никая» II, 167)

Пользуйтесь собственным суждением

Так я слышал. Однажды Возвышенный странствовал в Косале, сопровождаемый большим числом бхикку из сообщества; он пришел в Кесапутту, пригород благородных людей племени каламов.

И вот до каламов, живших в Кесапутте, дошел слух о том, что в Кесапутту прибыл сын сакьев Готама, который ушел из племени сакьев и сделался странником. Тогда за пределами Кесапутты относительно Готамы, Возвышенного, ходили следующие слухи:

Это он, Возвышенный, арахант, полностью просветленный, одаренный знанием и правильным поведением. Счастливей, Познавший миры, Колесничий существ, готовых к укрощению, учитель дэвов и людей, Будда, Возвышенный! Он знает этот мир вместе с его дэвами, марами и брахмами, он знает сонмы брахманов и шраманов, дэвов и людей; он познал его собственными сверхъестественными силами и провозглашает это. Он проповедует дхамму, благую в начале, благую в середине, благую и в ее конце; по букве и по духу полностью совершенную и очищенную, святую жизнь устанавливает он. Поистине, благом будет узреть такого араханта, как этот!

И тогда каламы Кесапутты пришли к Возвышенному и сказали:

— Господин, сюда, в Кесапутту, пришли некоторые шраманы и брахманы. Они превозносят свои учения, возвеличивают собственные взгляды, а взгляды других с презрением отвергают, унижают и оплевывают.

Затем, господин, пришли в Кесапутту другие брахманы и шраманы... и они поступают так же. И когда мы слушаем их, у нас возникают сомнения и колебания по поводу того, какое из сообществ говорит правду, а какое лжет.

— Вполне возможно, что вы будете колебаться, вполне возможно, что вы будете сомневаться; ибо ваши колебания возникают по поводу вопроса, открытого для сомнения.

Так вот, каламы, не следуйте слухам, ни тому, что передано вам другими людьми, ни тому, что говорят люди, ни тому, что утверждает авторитет ваших традиционных учений. Не следуйте рассуждениям, ни умозаключениям, ни доводам по поводу метода, ни

размышлениям о чьем-то мнении и его одобрении, ни уважению, какого, по вашему разумению, заслуживает какой-то шраман. Но, каламы, когда вы сами знаете: «Эти учения хороши; они заслуживают одобрения; они одобрены мудрыми; эти учения, если им следовать на практике, приводят к удаче и процветанию», — тогда принимайте их. Если же вы знаете сами: «Эти учения нехороши; они заслуживают порицания; они вызывают презрение у мудрых; эти учения, если им следовать на практике, приведут к неудаче и страданию», — тогда отвергните их.

(«Анuttара-никая» I, 188)

Непонимание

(Бхикку Ариттха, в прошлом рождении дрессировщик коршунов, неправильно объяснил учение Учителя об опасности вожделения и о реальности препятствий, как таковых.)

Тогда Возвышенный обратился к бхикку, говоря:

— Так ли вы, бхикку, понимаете дхамму, показанную мною, как ее понимает этот бхикку Ариттха, бывший дрессировщик коршунов? Ибо, не сумев правильно понять смысл моих слов, он неправильно толкует их и роет для себя яму, в которую упадет, порождая этим дурные последствия. Так ли это?

— Конечно, нет, господин. Потому что Возвышенный по-разному объяснил нам препятствия; и они суть подлинные препятствия для тех, кто их практикует. Неутомимы вожделения, полны горя, полны страдания. В них много несчастий; вожделения подобны скелетам из костей, как это сказано Возвышенным, подобны клочкам мяса, подобны пылающе-

му факелу, подобны горящему углю; (они беспочвенны) подобно сну, подобно заимствованию, они подобны плодам на дереве, подобны месту бойни, подобны наконечнику копья, подобны голове змеи, — таковы вождедения, о которых говорит Возвышенный; они полны горя и страдания; в них много несчастья.

— Хорошо сказано, бхикку! Поистине, вы хорошо понимаете дхамму, показанную вам мною. Разными способами, как вы повторяете, были объяснены мною препятствия... однако вот этот бхикку Ариттха, в прошлом укротитель коршунов, не сумел правильно постичь смысл моих слов, неправильно толкует их и роет для себя яму, чтобы упасть в нее, приобретая этим дурные последствия. Несомненно, в течение долгих и многих дней это будет несчастьем и печалью для этого бхикку, для этого заблуждающегося человека. Ибо, поистине, бхикку, без существования вождедений, без осознания вождедений, без пребывания мысли в вождедениях не может случиться так, чтобы человек практиковал вождедения.

И вот, бхикку, при этом некоторые заблуждающиеся усваивают наизусть, а именно: беседы, песнопения, объяснения, стихи, торжественные речения, слова Учителя, истории о рождениях, рассказы о чудесах и разные другие вещи. Так, заучивая все наизусть, они не исследуют смысл изучаемого при помощи мудрости; они не проявляют интереса к изучаемому; они заучивают наизусть дхамму просто для того, чтобы избежать упреков, просто для того, чтобы излить поток болтовни. Но в том, что касается сущности Учения, которое они таким образом заучивают наизусть, они не имеют в ней никакого участия, никакой доли. Учения плохо воспринимаются ими и ведут их к несчастью и страданию в течение многих

долгих дней. Почему это так? Вследствие неправильного восприятия, неправильного усвоения учений, о бхикку.

Так же, о бхикку, человек, которому нужны водяные змеи, ищет водяных змей, бродит, разыскивая их, видит большую водяную змею и хватается за тело или за хвост, а эта змея оборачивается к нему, кусает ему руку, или пальцы, или какой-нибудь другой член; вследствие этого он приходит к смерти или к страданию, которое кончается смертью. Почему это так? Потому что он неправильно схватил змею, о бхикку.

Точно так же, бхикку, в этом случае некоторые заблуждающиеся заучивают дхамму наизусть и приходят к страданию, потому что неправильно ее воспринимают.

(«Маджджхима-никая» I, 132)

Слепые и слон

Так я слышал. Однажды Возвышенный остановился вблизи Саваттхи, в роще Джета, в парке Анатхапиндики. И вот в тот раз в Саваттхи пришли во множестве странствующие шраманы просить милостыню; это были разные люди — разных взглядов, разных верований, преследовавшие разные цели, переходящие от одних взглядов к другим.

И вот некоторые из этих брахманов и шраманов придерживались таких взглядов: «Вечен этот мир, это истина, все остальное — заблуждение»; другие утверждали: «Мир этот не вечен, это истина, все остальное — заблуждение». Еще другие говорили: «Мир конечен, мир бесконечен»; или еще: «Тело и

душа суть одно»; другие заявляли: «Тело и душа различны»; тогда как некоторые придерживались мнений: «Татхагата существует после смерти»; или: «Татхагата после смерти не существует»; или: «Татхагата после смерти и существует, и не существует»; или: «После смерти татхагата не существует и не не существует». И каждый утверждал, что именно его взгляд является истинным, а все остальные являются собой заблуждения.

И так они жили в ссорах, шумные, вечно спорящие, понося друг друга, швыряясь словами, острыми как копья, повторяя: «Это истина, это не истина, это истина, это не истина».

И вот многие бхикку, рано облачившись, взяв чаши и верхние одежды, вошли в Саваттхи, чтобы просить милостыню; перед возвращением они съели полученную пищу и пришли к Возвышенному, приветствовали его и сели на одной стороне. Сидя так, эти бхикку описали Возвышенному все, что они видели и что слышали об этих отшельниках и брахманах, составляющих целые секты. Тогда сказал Возвышенный:

«Эти члены сект, о бхикку, слепые, лишены зрения. Они не знают действительности, не знают недействительности, не знают ни истины, ни не истины; и вот в таком состоянии неведения они спорят и ссорятся, как вы это описывали. Как-то в прошлое время, бхикку, в этом самом Саваттхи жил некий раджа. И вот тогда, бхикку, этот раджа позвал к себе некоторого человека и сказал ему: "Подойди, добрый человек! Подойди и собери вместе всех слепых, проживающих в Саваттхи!"»

«Слушаю, ваше величество!» — отвечал этот человек; повинувшись радже, он собрал всех слепых, привел

их к радже и сказал: «Ваше величество, все слепые, живущие в Саваттхи, ныне собраны».

— Теперь, мой добрый человек, покажи этим слепым слона!

— Будет сделано, ваше величество! — ответил тот и сделал то, что было приказано, сказав при этом: «Смотрите, слепые, вот каков слон!»

И одному человеку он дал ощупать голову слона, другому — ухо, третьему — клык, еще другим — хобот, ноги, спину, хвост и кисть хвоста, сказав при этом каждому, что перед ним находится слон.

И вот, бхикку, тот человек, представив слепцам слона, явился к радже и сказал: «Ваше величество, слон представлен слепым. Какова будет ваша воля?»

После этого, бхикку, раджа вышел к слепым и спросил каждого из них: «Изучил ли ты слона?»

— Да, ваше величество.

— Тогда скажи мне, каким ты его представляешь.

На такой вопрос те, кому была представлена голова, отвечали: «Ваше величество, слон в точности похож на котел». А те, кому было дано ощупать только ухо, отвечали: «Ваше величество, слон в точности похож на сито». Те, кому был представлен клык, сказали, что слон похож на лемех плуга; те, кто ощупал только хобот, сказали, что слон похож на плуг. Другие приняли тело за амбар, ногу — за столб, спину — за ступу, хвост — за пестик, а кисточку хвоста — всего лишь за метлу. Затем они начали ссориться и кричать: «Да, да! Нет, нет!»... «Слон не такой!», «Нет, он похож на это!» — и продолжали так кричать, пока спор не кончился дракой.

А тот раджа, бхикку, получил полное удовольствие от сцены.

Таковы же и эти странствующие члены сект — это слепые, лишённые зрения, не знающие истины; но каждый из них уверен, что вот это происходит так-то и так-то.

И далее Возвышенный по этому случаю, увидев суть дела, произнес такое торжественное изречение:

*О как они сцепились, как спорят,
Присвоившие себе почетное имя
брахмана и шрамана!
Ибо, споря, каждый привязан к своему мнению.
Такие люди видят только одну сторону вещи.*

(«Удана» IV, 14)

Глава 15

БУДДЫ УКАЗЫВАЮТ ПУТЬ

Первопроходец

В Саватхи... Тогда Возвышенный сказал бхикку следующее:

— И вот в этом случае, бхикку, какова особенность, какова та отличительная черта, которая отличает татхагату, араханта, полностью просветленного, от такого бхикку, который освобожден благодаря прозрению?

— Господин, для нас вещи коренятся в Возвышенном, имеют в Возвышенном своего водителя и свое Убежище. Благо для нас, господин, если бы Возвышенный раскрыл нам смысл этих слов. Слушая Возвышенного, бхикку удержат его слова в своих умах.

— Тогда слушайте, бхикку, и тщательно прилагайте к услышанному свои умы. Я буду говорить.

— Да будет так, господин! — отвечали Возвышенному бхикку.

— Татхагата, о бхикку, который будучи арахантом, полностью просветлен, — это такой человек, кто дает ранее не возникшей причине способ проявиться, возникнуть; тот, кто выявляет путь, ранее не выявленный; это познавший путь, понимающий путь, искусный в пути. И вот, бхикку, его ученики суть путники, которые следуют за ним. Такова, бхикку, особенность, та особая черта, которая отличает татхагату, араханта, полностью просветленного, от такого бхикку, который освобожден, благодаря прозрению.

(«Сутта-нипатта» III, 66)

Татхагата (1)*

Так говорил Возвышенный, так говорил арахант (как я слышал):

Мир, бхикку, был полностью понят татхагатой; татхагата свободен от мира.

Возникновение мира, бхикку, было полностью понято татхагатой; возникновение мира было установлено татхагатой.

Прекращение мира, бхикку, было полностью понято татхагатой; прекращение было постигнуто татхагатой.

Путь, ведущий к прекращению мира, был полностью понят татхагатой; путь, ведущий к прекращению мира, был пройден на практике татхагатой.

Все в этом мире, бхикку, а также в мире дэвов с его марами и брахмами, с сонмами брахманов и шраманов из числа дэвов и людей, — все, что было видно, слышно, осязаемо, познано, достигнуто, было предметом устремления, что было пройдено умом, — поскольку все это было полностью постигнуто татхагатой, постольку его и называют татхагатой.

Между тем днем, бхикку, в который татхагата полностью понимает несравненное совершенство мудрости, и тем днем, когда он умирает той смертью, которая не оставляет за собой никакой основы для повторного рождения, днем *анупадисесая ниббанадхатуйя париниббаяти*, — (в течение всего этого времени) все, что он произносит и устанавливает, все это несомненно таково, а не иное. Поэтому он и называется татхагатой.

* Комментаторы выводят это слово из многих источников, среди которых можно отметить две, а именно: «татха-гата», т. е. «так ушедший»; или «татха-агата», т. е. «так пришедший» (подобно другим буддам) или «тот, кто пришел к реальности».

Как татхагата говорит, так он и действует; как он действует, так и говорит. Таким образом, поскольку он действует так, как говорит, и говорит так, как действует, — поэтому его называют татхагатой.

В этом мире — вместе с миром дэвов с его марами и брахмами, с его брахманами и шраманами, вместе со всеми сонмами дэвов и людей — татхагата пребывает всепобеждающим, никем не побежденным; он — всевидящий Наблюдатель. Поэтому его называют татхагатой.

Такова суть сказанного Возвышенным.

(«Ити-вуттака», 112)

Учения

Есть в этом мире, о бхикку, мировое условие, в которое татхагата полностью проник, которое постиг. Полностью постигнув его и проникнув в него, он провозгласил его, он учит ему и определяет его, раскрывает его и анализирует.

И что же это за мировое условие, бхикку, имеющее место в этом мире, в которое татхагата полностью проник, которое постиг; и полностью проникнув в него, постигнув его, что он провозглашает, чему учит, что определяет, что раскрывает и что анализирует?

Тело, о бхикку, есть то мировое условие, свойственное этому миру, в которое татхагата полностью проник... которое анализирует. И того бхикку, кто не понимает и не видит, когда татхагата провозглашает, учит, определяет, раскрывает и анализирует... того я, бхикку, считаю ничтожеством, ибо это глупец, человек мирского ума, слепой, лишенный зрения, незнающий, невидящий.

Чувство, о бхикку, есть мировое условие, свойственное этому миру, а также восприятие, действие, сознание, — таковы мирские условия в этом мире, в котором татхагата полностью проник... которые анализирует. И того, бхикку, кто не понимает, когда татхагата провозглашает, учит, определяет, анализирует сознание... того, бхикку, я считаю ничтожеством, как глупца, человека мирского ума, слепого, лишённого зрения, незнающего, невидящего.

Как синий и белый лотос, бхикку, рожденный в воде, достигает в воде полного расцвета, поднимается на поверхность и стоит, незапятнанный водой, — так же, бхикку, татхагата (рожденный в этом мире) достиг полного развития в этом мире, вышел за пределы этого мира и пребывает в нем незапятнанным.

(«Сутта-нипатта» III, 139)

Татхагата (2)

Тогда досточтимый Анурадха явился к Возвышенному и сел подле него. Сидя так, досточтимый Анурадха обратился к Возвышенному:

— Я живу здесь, господин, в лесной хижине, недалеко от Возвышенного. И вот пришли ко мне многие шраманы-еретики... Они сказали мне: «Друг Анурадха, татхагата, сверхчеловек, один из лучших, завоевавший высшее приобретение, определяется (одним из четырех способов:) татхагата существует после смерти; или татхагата не существует после смерти; или он и существует, и не существует после смерти; или он не существует и не не существует». На это, господин, я ответил этим шраманам-еретикам:

«Друзья, о татхагате говорят по-иному, нежели эти-ми четырьмя способами».

Тогда, господин, те еретики-шраманы сказали обо мне: «Этот бхикку, должно быть, из новообращенных, недавно посвящен; или, если он старший, — это невежественный глупец». После чего, господин, те еретики-шраманы, обругав меня новичком и невежественным глупцом, встали и ушли. Но вскоре после того как они ушли, господин, у меня появилась мысль: «Если бы эти еретики-шраманы задали другой вопрос, как же я, отвечая им, мог бы изложить взгляды Возвышенного, чтобы не исказить Возвышенного, не утверждать неправды?» Как следовало бы мне ответить в соответствии с его учением, чтобы тот, кто согласен с его учением и следует его взглядам, не мог заслужить упрека?

— Ну, а что думаешь ты сам, Анурадха? Постоянно тело или непостоянно?

— Непостоянно, господин.

— По этой причине, Анурадха, тот, кто так видит, знает: «Для жизни в этих условиях нет будущего».

И вот, что думаешь об этом ты, Анурадха? Считаешь ли ты тело татхагаты татхагатой?

— Конечно, нет, господин.

— Считаешь ли ты татхагатой (его) чувство, (его) восприятие, (его) деятельность, — или что-то пребывающее вне их? Считаешь ли ты его сознанием или пребывающим вне его?

— Конечно, нет, господин.

— И теперь что думаешь ты, Анурадха? Считаешь ли ты татхагату не имеющим тела, не имеющим чувства, восприятия, деятельности, сознания?

— Конечно, нет, господин.

— Тогда, Анурадха, поскольку в самой этой жизни татхагату нельзя считать существующим в истине, в реальности, тебе надлежит говорить о нем следующее: «Друзья, тот, кто есть татхагата, сверхчеловек, один из лучших существ, достигший высочайшего приобретения, не может быть определен ни одним из четырех способов: ведь о нем нельзя сказать, что он существует после смерти, или не существует после смерти, или и существует и не существует после смерти, или не существует и не не существует после смерти». Так ли это, Анурадха?

— Конечно, так, господин!

— Хорошо сказано! Хорошо сказано, Анурадха! И ранее, и сейчас также, Анурадха, только страдание и прекращение страдания — вот что я возвещаю!
(«Сутта-нипатта» III, 86)

Четыре уверенности татхагаты

Тогда Возвышенный сказал:

Есть эти четыре уверенности татхагаты, Сарипутта, вооруженный которыми, татхагата знает свое водительство, издает свой львиный рык, слышный в сообществах, и приводит в движение превосходнейшее из колес. Что же это за четыре?

Я не вижу основания, Сарипутта, чтобы кто-либо в этом мире, будь то брахман или шраман, или дэва, или мара, или брахма, или кто-то иной, законно упрекнул меня в том, что я не обладаю совершенным постижением тех вещей, которые я, как полностью просветленный, провозглашаю постигнутыми. Не видя такого основания, я достиг состояния спокойствия, неустрашимости, уверенности.

Провозгласив уничтожение своих *асава*, я не вижу оснований, чтобы кто-либо законно упрекнул меня в том, что я не разрушил *асавы*.

То, что я провозгласил препятствиями, действительно является таковыми; и я не вижу оснований, чтобы кто-либо законно упрекнул меня, (утверждая), что в практике их нет вреда.

Я не вижу оснований для кого-либо отрицать то, что провозглашенная мною дхамма ведет соответственно практикующего ее к совершенному разрушению страдания...

Таковы, Сарипутта, четыре уверенности татхагаты.

(«Маджджхима-никая» I, 71)

Татхагата только указывает путь

Так я слышал. Однажды Возвышенный пребывал в Саватхи, в Восточном парке, в многоярусном доме матери Мигары.

Тогда брахман Моггаллана, счетчик, пришел к Возвышенному, дружески его приветствовал и после обмена вежливыми речами сел подле него; сидя так, брахман Моггаллана, счетчик, обратился к Возвышенному:

— Подобно тому как мы постепенно приобретаем обозрение этого многоярусного дома, учитель Готама, как мы движемся вверх по ступеням до самой последней ступени лестницы, — так же происходит и постепенное обучение нас, брахманов; иначе говоря, в нашем обучении (ведам), как и при обучении стрельбе из лука, где обучение бывает последовательным, — так и у нас, учитель Готама, подход оказыва-

ется постепенным, например, при обучении счету. Когда мы принимаем некоторого ученика, мы заставляем его считать так: «Один раз один, дважды два, трижды три, четырежды четыре — и так далее, до ста». Так вот, можно ли, учитель Готама, в этой дисциплине дхаммы указать сходное последовательное обучение?

— Да, брахман, это так. Возьми к примеру, брахман, разумного объездчика лошадей: он берет в руки чистопородного коня, дает ему первый урок при помощи узды и поводьев, а затем переходит к дальнейшему обучению. Так же точно, о брахман, татхагата берет в руки человека, которого надо обучить, и так дает ему первый урок: «Иди сюда, бхикку! Будь добродетельным, пребывай сдержанным благодаря ограничению обязанностей; стань сведущим в практике правильного поведения; видя опасность в мелочных ошибках, возмись за обучение, будь учеником в нравственном поведении».

Как только он усвоил все это, татхагата так дает ему второй урок: «Иди сюда, бхикку! Видя глазом предмет, не обольщайся его общим видом или подробностями. Упорствуй в сдерживании той подавленности, которая приходит вследствие страсти, вызванной тем, что остаешься с необузданным ощущением зрения; в сдерживании тех дурных состояний, которые охватывают нас подобно потоку; следи за чувством зрения, добейся власти над чувством зрения; так же поступай и с другими органами чувств; когда ты ухом услышишь звук или носом уловишь запах, или языком ощутишь вкус, или телом почувствуешь прикосновение к какому-то осязаемому предмету, когда ты осознаешь какую-то вещь умом, не обольщайся ее общим видом или подробностями».

Как только он усвоил все это, татхагата так дает ему следующий урок: «Иди сюда, бхикку, будь умерен в еде; серьезно и внимательно принимай пищу — не для развлечения, не для излишества, не для того, чтобы прибавить телу личное очарование или привлекательность, а делай это для стойкости тела, для его поддержки, для предохранения его от вреда, для поддержания практики праведной жизни; принимай ее с мыслью: "Я сдерживаю мое прежнее чувство, я не дам возникнуть новому чувству, чтобы устойчивость и покой могли стать моими свойствами"».

Затем, брахман, когда он достиг сдержанности в пище, татхагата так дает ему следующий урок: «Иди сюда, бхикку; пребывай погруженным в бдительность; весь день, когда ты ходишь или сидишь, очищай свое сердце от тех вещей, которые могут тебе помешать. Ночью проводи первую стражу в хождении взад и вперед или в сидении и делай то же самое; ночью, во вторую стражу, ляг на правый бок в позе льва, положив одну ступню на другую; внимательный, владеющий собой, установи свои мысли на понятии усилия; затем, в третью стражу ночи, встань и, шагая взад и вперед или сидя, очищай сердце от вещей, которые могут стать помехами».

Затем, о брахман, когда бхикку погрузился в состояние бдительности, татхагата так дает ему следующий урок: «Иди сюда, бхикку! Стань обладателем внимательности; выходя или возвращаясь, держи себя под наблюдением; глядя вперед или назад, сгибаясь или разгибаясь, одеваясь или неся одеяние и чашу, во время еды, жевания, вкушения, облегчения себя, во время ходьбы, стояния, сидения, лежания, во время сна или бодрствования, во время разговора или молчания, держи себя под наблюдением».

Затем, брахман, когда он приобретает власть над собой, татхагата так дает ему следующий урок: «Иди сюда, бхикку! Ищи для себя уединенное жилище — в лесу или среди корней дерева, на горе или в пещере, в горном гроте, или на площадке для сожжения трупов, в лесном приюте или на открытом воздухе; возьми охапку соломы; и тогда бхикку делает это, когда он съел свою пищу, он усаживается со скрещенными ногами и выпрямленным туловищем и переходит к практике четырех джхан».

И вот, брахман, для тех бхикку, которые являются учениками, которые еще не достигли господства над умом, которые пребывают в устремлении к непревзойденной безопасности (которая есть ниббана)... таков способ моего учения.

А что касается тех бхикку, которые являются арахантами, которые разрушили *асавы*, прожили жизнь, выполнили свою задачу, сбросили ношу, завоевали свое спасение, полностью разрушили оковы становления, освобожденные благодаря совершенному прозрению, — для таких, как они, эти вещи ведут к облегчению этой нынешней жизни, а также к внимательности и самообузданию.

Когда все это было сказано, брахман Моггаллана, счетчик, сказал Возвышенному:

— Но скажи мне, учитель Готама, все ли ученики достойного Готама, получившие такие советы, так обученные досточтимым Готамой, — все ли они достигают абсолютного совершенства, которое есть ниббана? Или некоторые из них оказываются неспособными ее достигнуть?

— Некоторые из моих учеников, брахман, получающие советы и так обученные, действительно достигают ее; другие — нет.

— Но в чем же причина, учитель Готама, в чем здесь дело? Вот здесь у нас ниббана; а вот у нас путь к ниббане; здесь же у нас достойный Готама, как наставник. В чем же дело, говорю я, почему некоторые ученики, получившие такие советы и обучение, достигают ниббаны, а другие — нет?

— Это, брахман, такой вопрос, на который я здесь не отвечу. Но ответь мне на другой вопрос; правда, если ты считаешь себя способным на это. Вот что скажешь ты, брахман? Хорошо ли тебе известна дорога в Раджагаху?

— Да, учитель! Поистине, я хорошо знаю дорогу в Раджагаху.

— Тогда что ты скажешь, брахман? Предположим, приходит человек, которому очень нужно попасть в Раджагаху. Он приходит к тебе и говорит: «Господин, я хочу пойти в Раджагаху; покажи мне путь в Раджагаху». Далее, предположим, ты говоришь ему: «Хорошо, добрый человек, вот дорога в Раджагаху; пройди немного, тогда ты увидишь деревню, называемую так-то и так-то; пройди немного дальше, и ты увидишь такое-то и такое-то предместье; пройди немного дальше, и ты увидишь восхитительный парк, прекрасное зрелище, великолепный лотосовый пруд Раджагахи».

И вот, получив от тебя такой совет, такое наставление, он идет не по указанной дороге и уходит в сторону, обратив лицо к западу. Затем к тебе приходит какой-то другой человек с такой же просьбой, и ты даешь ему такое же наставление; и вот он следует твоему совету и безопасно приходит в Раджагаху. Так вот, брахман, в чем здесь дело, в чем причина? Здесь у нас Раджагаха; здесь у нас дорога в Раджагаху, а здесь ты, как наставник. Но после всех твоих

советов и наставлений один человек пошел по неверной дороге и отправился на запад, тогда как другой безопасно добрался до Раджагахи.

— Разве это мое дело, учитель Готама? Ведь я только указываю путь.

— Хорошо, брахман! И вот здесь у нас ниббана, здесь у нас путь к ниббане, и здесь стою я, как наставник на Пути. Однако некоторые из моих учеников, получившие такой совет и такие мои наставления, действительно достигают ниббаны, а другие не достигают ее.

Что же делаю я в этом случае, о брахман? Татхагата — тот, кто указывает Путь.

(«Маджджхима-никая» III, 107)

1) О монахи! Так же как белоснежная Вассика, жасмин, покрытая свежими цветами, сбрасывает вниз засохшие и завядшие цветы,

Так и вы сбрасывайте вожделение, страсть и ненависть.

2) Спокойный телом, речью и умом, о монахи, кто бы он ни был: в любой ситуации полностью сдержанный:

Кто все эти мирские желания полностью преодолел и совершенно отстранился от них, тот зовется спокойным.

3) Воодушевляющий сам себя, Проверяющий сам себя, Оберегающий сам себя бдительным и внимательным умом, Полный решимости и настойчиво Стремящийся к цели, — о монахи, такой будет жить счастливо.

4) Сам сдерживай свои мысли,

Сам в себе найди опору и убежище.

Как торговец безусловно воспитывает благород-

ного коня и сдерживает его от ошибок с помощью узды, —

Так и вы сдерживайте сами себя.

5) Монах, исполненный совершенной радости и обретший удовлетворенность сам в себе, неколебимый в Учении Возвышенного,

Передает блаженство туда, где все обстоятельства прекращаются, —

Передает состояние покоя.

6) Монах, даже если он молодой, старательно прилагающий усилия, способный быстро воспринимать Учение Возвышенного,

Освещает этот мир как Луна, освободившаяся от облаков, освещает ночь.

(«Дхаммапада» 377–382)

Татхагата (3)

Тело татхагаты все еще остается, о бхикку, однако рассечена та (нить), которая привязывает его к существованию. Пока его тело продолжает существовать, дэвы и люди видят его. По разрушении тела после смерти, когда окончилась эта жизнь, ни дэвы, ни люди не смогут более его увидеть.

Как бывает, о бхикку, когда подрублен ствол пучка манго: все те плоды манго, которые висят на этом стволе, падают вместе с ним, точно так же, бхикку, тело татхагаты все еще остается, но рассечена та (нить), которая привязывает к существованию. Пока продолжает существовать его тело, дэвы и люди видят его. По разрушении тела после окончания этой жизни ни дэвы, ни люди не смогут более его увидеть.

(«Дигха-никая» I, 45)

Превыше смерти

В некотором случае досточтимый Кассапа Великий и досточтимый Сарипутта находились около Варанаси, в Исипатане, в Оленьем парке.

Тогда досточтимый Сарипутта вечером вышел из своего уединенного жилища, пришел к досточтимому Кассаве Великому и сел подле него. Сидя так, досточтимый Сарипутта сказал досточтимому Кассаве Великому: «Так как же, друг Кассапа? Существует ли татхагата превыше смерти?»

— Не провозглашено Возвышенным, друг Кассапа, что татхагата существует превыше смерти. Как же тогда, друг? Значит, татхагата не существует после смерти?

— И это не провозглашено Возвышенным, друг.

— Как же тогда, друг? Выходит, татхагата не существует и не не существует после смерти.

— И это также не было провозглашено Возвышенным.

— Но почему же, друг, это не было провозглашено Возвышенным?

— Это такой вопрос, который не связан с пользой или с первыми принципами святой жизни. Он не ведет к отвращению, отталкиванию, прекращению, к спокойствию, к сверхнормальным силам; он не ведет ни к совершенной мудрости, ни к ниббане. Вот почему, друг, это не провозглашено Возвышенным.

— Что же тогда было им провозглашено?

— Что есть страдание, о друг, было провозглашено Возвышенным; что есть возникновение страдания; что есть прекращение страдания; что есть путь, ведущий к прекращению страдания. Вот что было провозглашено Возвышенным.

— Почему же, друг, так было провозглашено?

— Потому что это связано с пользой, с первыми принципами святой жизни; потому что это ведет к отвращению, к отталкиванию, к спокойствию, к сверхнормальным силам, к совершенной мудрости и к ниббанае. Поэтому-то это и было провозглашено Возвышенным.

(«Сутта-нипатта» II, 222, 223)

Мнения и факты

Так я слышал. Однажды Возвышенный пребывал в Саваттхи, в роще Джета, в парке Анатхапиндики.

Тогда у досточтимого Малункьяпутты, пребывавшего в отдалении и в уединении, возникла цепь таких мыслей:

Что касается этих мнений по разным вопросам, которые Возвышенный оставил непровозглашенными и отвергнутыми, — как, например, о том, вечен этот мир или не вечен, конечен этот мир или бесконечен; или: что такое эта жизнь, что такое тело; или: жизнь — это одно, а другое — тело; или: татхагата превыше смерти, татхагата не превыше смерти, татхагата и превыше смерти и не превыше смерти, — что касается этих мнений, то Возвышенный не провозглашает их мне. Мне же самому они недоступны. Я сам подойду к Возвышенному и задам ему вопрос: если Возвышенный провозгласит мне истину этих предметов, тогда я буду следовать святой жизни под водительством Возвышенного; если же Возвышенный не провозгласит их мне, тогда я оставлю святую жизнь, оставлю обучение и вернусь к низшей (мирской) жизни.

И вот досточтимый Малункьяпутта, встав вечером и выйдя из своего убежища, приблизился к Возвышенному, подошел к нему, приветствовал и сел подле него. Сидя так, досточтимый Малункьяпутта описал Возвышенному свои вышеупомянутые мысли и сказал:

— Если Возвышенный провозгласит мне эти предметы, я буду вести святую жизнь под водительством Возвышенного. Но если Возвышенный не провозгласит их мне, я оставлю обучение и вернусь к низшей (мирской) жизни.

Итак, если Возвышенный знает: вечен мир, да провозгласит он, что это так. Если знает: не вечен мир, да провозгласит он мне это. Также и по отношению к другим взглядам, которые я упомянул. Но если Возвышенный не знает, какое рассуждение правильно, пусть скажет прямо: «Я не знаю, я не понимаю». И то же самое по отношению к другим взглядам, которые я назвал.

— Но скажи, Малункьяпутта, разве я говорил тебе: «Приди ко мне, Малункьяпутта, следуй святой жизни под моим руководством, и я объявлю тебе о том, вечен или не вечен мир и т. д.»

— Нет, господин.

— А говорил ли ты мне, Малункьяпутта, такие слова: «Господин, я буду следовать святой жизни под водительством Возвышенного, а Возвышенный объявит мне, вечен или не вечен мир и т. д.?»

— Нет, господин.

— Значит, это правда, как ты говоришь, Малункьяпутта, что я никогда не говорил тебе: «Приди ко мне, Малункьяпутта, следуй святой жизни под моим руководством и т. д.»; значит, правда и то, что ты не говорил мне: «Я буду вести святую жизнь под води-

тельством Возвышенного, и Возвышенный объявит мне эти вещи». Поскольку это так, заблуждающийся человек, кто же ты такой, кого ты таким образом отвергаешь? Того, кто сказал бы, о Малункьяпутта: «Я не буду вести святую жизнь под водительством Возвышенного, пока Возвышенный не объявит мне, вечен мир или нет и т. д., пребывает ли татхагата превыше смерти или нет и т. д.» Такой человек, о Малункьяпутта, пришел бы к концу жизни, но этот его вопрос все еще не получил бы ответа татхагаты.

Предположим, Малункьяпутта, что какой-то человек оказался пронзен стрелой, хорошо пропитанной ядом; и вот его близкие друзья и родственники вызвали лекаря. Затем, предположим, этот человек скажет: «Я не дам вынуть эту стрелу, пока не узнаю, кто был человек, пронзивший меня стрелой, какое имя он носит, какого он рода, высокого, низкого или среднего роста, какого цвета его кожа — черного, коричневого или светло-желтого, живет ли он в какой-то деревне, в предместье или в городе; я не дам вынуть стрелу, пока не узнаю, каким луком была послана стрела, был ли то длинный лук или арбалет и т. д.»

Предположим, он скажет далее: «Я не дам вынуть эту стрелу, пока не узнаю, какая тетива послала эту стрелу, была ли она сделана из лианы, из тростника или из сухожилия, из пеньки, из луба...»

«...Пока не узнаю, из чего сделана пронзившая меня стрела: или это зрелый побег, или молодой побег камыша»;

«...Пока я не узнаю, чьими перьями она убрана: будут ли то перья коршуна, или цапли, или стервятника, или павлина, или ястреба»;

«...Пока не узнаю, чьими сухожилиями была связана пронзившая меня стрела: сухожилиями быка или буйвола, оленя или обезьяны»;

«...Пока я не узнаю, была ли то просто стрела, или лезвие бритвы, или камень, или зуб теленка, или наконечник копья, или стрела с зубчатым наконечником».

Так вот, Малункьяпутта, такой человек успел бы умереть, а вопрос продолжал бы оставаться невыясненным.

Точно так же, Малункьяпутта, тот, кто скажет: «Я не стану вести святую жизнь под водительством Возвышенного, пока он не объявит мне, вечен ли этот мир или нет, что такое эта жизнь и это тело, разные ли вещи — жизнь и тело, пребывает ли татхагата превыше смерти, или он и превыше и не превыше смерти, или татхагата не превыше и не не превыше смерти», — такой человек успеет умереть, но этот предмет так и не будет провозглашен татхагатой.

И вот, Малункьяпутта, утверждать, что самое существенное в святой жизни, даже ее существование, должно зависеть от этих двух провозглашенных мнений, т. е. вечен мир или не вечен и т. д., — это будет ошибкой.

Но я — тот, кто провозглашает следующее: «Вечен мир или нет, но в нем существует рождение, существует разложение, существует смерть, существуют печаль, горе, несчастье, сожаление, отчаяние»; и вот разрушение этих вещей я действительно провозглашаю.

Точно так же и с другими мнениями — о бесконечности мира... о том, что жизнь есть это тело... что татхагата превыше смерти и т. д. ...и с противоположными им мнениями.

По этой причине, Малункьяпутта, твердо помни: то, что я провозгласил, провозглашено, а то, чего я не провозгласил, не провозглашено. Запомни это хорошоенько.

И что же не провозгласил я, Малункьяпутта? Вечен или не вечен этот мир... превыше ли смерти татхагата, или он пребывает как-то иначе и т. д.

И почему же, Малункьяпутта, я не провозгласил этого?

Потому что эти вещи не связаны с пользой; потому что они не являют собой принципы святой жизни; потому что они не ведут к отталкиванию, к отвращению, к успокоению, к высшему знанию, к высочайшей мудрости, к ниббане. Вот почему я не провозгласил их.

И что же я провозгласил, Малункьяпутта? Я провозгласил: это страдание; это причина страдания; это прекращение страдания; это путь, ведущий к прекращению страдания.

И почему же, Малункьяпутта, я провозгласил это? Потому что оно связано с пользой, потому что оно являет собой принцип святой жизни, потому что оно ведет к отталкиванию, к отвращению, к прекращению, к успокоению, к высшему знанию, к высочайшей мудрости, к ниббане. Вот почему я провозгласил это, о Малункьяпутта.

По этой причине, Малункьяпутта, твердо запомни непровозглашенное мной как непровозглашенное, а провозглашенное — как провозглашенное.

Так говорил Возвышенный; и досточтимый Малункьяпутта с восторгом слушал сказанное Возвышенным.

(«Маджджима-никая» I, 63)

Что раскрыто?

Однажды Возвышенный пребывал в Косамби, в роще Симсапы. И тогда Возвышенный, взяв горсть листьев симсапы, сказал собравшимся бхикку:

— Теперь что вы думаете, бхикку? Что больше: эти немногие листья симсапы, которые я держу в руке, или те, которые находятся над вами, во всей этой роще симсапы?

— Господин, невелико число этих листьев, которые находятся в руке Возвышенного; гораздо большее их число находится над нами, в роще симсапы.

— Точно так же, бхикку, те вещи, которые я знаю своим высшим знанием, но не раскрыл вам, во много раз больше числом, нежели те, которые я раскрыл. И почему, бхикку, я не раскрыл их?

Потому что, бхикку, они не ведут к пользе, не связаны со святой жизнью, не направлены к отталкиванию, к прекращению, к успокоению, к высшему знанию, к совершенной мудрости, к ниббане. Вот почему я не раскрыл их.

Что же тогда, бхикку, я раскрыл? Что вот оно, страдание, вот возникновение страдания, вот прекращение страдания, что вот он, подход к прекращению страдания. И почему я так раскрыл это? Потому что, бхикку, это ведет к пользе... к ниббане. Поэтому, бхикку, старайтесь с усердием постичь: это страдание, это возникновение страдания, это прекращение страдания, это путь к прекращению страдания.

(«Сутта-нипатта» V, 437)

Глава 16

ВОДИТЕЛЬ

Корабль

*Как боги почитают Индру, так должны и мы
Почитать человека, от которого узнаем дхамму.
Учитель, почитаемый и ублаженный нами,
Изъясняет нам дхамму из глубин своего знания.*

*Зная его и наблюдая его,
Мудрый ученик шествует соответственно
учению,*

*Он становится мудрецом, опытным и
проницательным,
Если серьезно следует такому водителю.*

*Но следуя низкому человеку, глупцу,
Завистнику, не достигшему реального,
Не усвоив дхаммы в этом мире,
Мы придем к смерти с нерешенными
сомнениями,*

*Как вступивший в поток
С вздувшейся водой, грязной и быстро текущей,
Унесен вниз стремительным течением.
Как же ему перевезти через поток других?*

*Так же и тот, кто никогда не уяснил дхамму,
Не прислушивался к учениям мудрых,
Остался незнающим, с нерешенными
сомнениями,*

Как может он сделать, чтобы другие поняли?

*Подобно паромщику на палубе крепкого корабля,
Прекрасно оснащенного веслами и рулем,
Который перевозит через реку многих людей,
Искусный, опытный кормчий, знающий
свою задачу.*

*Так же и знающий, сдержанный,
Полный глубокого учения, неколебимый,
Несомненно, даст другим понимание,
Тем, что сидят подле него и внимательно
слушают.*

*Поэтому вполне можно служить такому
доброму человеку,
Полному глубокого знания, зрелой мудрости:
Ибо он знает реальность и шествует прямо,
Проникает в глубь дхаммы, достигает
блаженства.*

(«Сутта-нипатта» 316–322)

Пересечь поток

Так я слышал. Однажды Возвышенный пребывал в Уккачеле, на берегах Ганги, среди народа ваджджи. И тогда Возвышенный обратился к бхикку со словами: «Бхикку!» «Да, господин!» — ответили те бхикку Возвышенному. Возвышенный сказал:

В давнее время, бхикку, жил в Магадхе пастух, человек малого ума. В последнем месяце дождей, в осеннее время, не осмотрев должным образом ближний и дальний берега Ганги, он погнал свое стадо через поток к дальнему берегу, принадлежащему Сувидеха, — и погнал скот как раз там, где не было брода.

И вот скот сгрудился в кучу посреди потока и погиб. Почему же? Просто потому, что тот пастух, человек малого ума, в последнем месяце дождей, в осеннее время, не осмотрев ни ближний, ни дальний берег Ганги... погнал скот через поток как раз в том месте, где не было брода.

Точно так же, бхикку, какие бы вам ни встретились брахманы и шраманы, которые не знают этого мира, не знают иного мира, сферы Мары, сферы превыше Мары, сферы смерти и сферы превыше смерти, — те люди, которые думают, что им следует слушать таких брахманов и шраманов, доверять им, — они обнаружат, что их доверие ведет их к неудаче и к страданию на многие дни.

И вот, бхикку, также в давнее время жил в Магадхе пастух, сообразительный человек; и он в сходном случае погнал свой скот через реку после того, как надлежащим образом осмотрел ближний и дальний берега реки Ганги; он погнал его в землю Сувидеха как раз в том месте, где находился брод; и он погнал скот следующим образом:

Сначала он погнал через реку быков, отцов стада, его вожаков; они перешли течение Ганги и в сохранности вышли на берег.

Затем он погнал через реку крепких коров и бычков; они также в сохранности вышли на дальний берег.

Затем погнал он через реку молодых бычков и коров, и они также перешли течение Ганги и в сохранности вышли на дальний берег.

За ними он погнал телят, тонких, юных созданий; и они также перешли течение Ганги и в сохранности вышли на дальний берег.

В этом случае, бхикку, оказался также один нежный теленок-сосунок, которого перенесли через реку; он был только что рожден беременной матерью; и вот он тоже пересек течение Ганги и в сохранности вышел на дальний берег. И вот как же все это произошло? Просто потому, бхикку, что пастух сообразил, как нужно поступить в таком случае.

Точно так же, бхикку, все те брахманы и шрама-ны, которые разбираются в этом мире, и в мире превыше этого, в мире Мары, и в мире превыше Мары, в сфере смерти, и в сфере превыше смерти, — те, кто считает, что нужно слушать таких мудрецов и доверять им, найдут, что такое поведение ведет к их пользе и к счастью в течение многих долгих дней.

И вот, бхикку, так же, как эти быки, отцы стада и его вожаки, перешли через течение Ганги и вышли в сохранности на дальний берег, так же и те бхикку, которые суть араханты, разрушители *асава*, прожившие жизнь, выполнившие свою задачу, сложившие ношу, достигшие собственного спасения, разорвавшие оковы, привязывающие к повторному рождению благодаря совершенному прозрению, — это те, кто перешел через поток Мары и в сохранности вышел на дальний берег.

И так же, как эти крепкие коровы и бычки, преодолели поток Ганги и в сохранности вышли на дальний берег, так же и те бхикку, которые разорвали пять оков, приковывающих к низшим предметам в жизни, родились повторно в небесных мирах без родителей и окончательно ушли оттуда, не возвращаясь в этот мир, — они также должны перейти через поток Мары и выйти в сохранности на дальний берег.

И так же, как те, кто перешел через течение Ганги и вышел в сохранности на дальний берег, — так же и

те бхикку, которые благодаря разрушению трех оков, благодаря истощению чувственности, гнева и заблуждений, стали однажды возвращающимися, — когда они еще раз возвращаются в этот мир, они должны положить конец печали. И они также непременно пересекут поток Мары и выйдут в сохранности на дальний берег.

И как те телята-сосунки, тоненькие, юные создания, пересекли течение Ганги... точно так же будет и с теми бхикку, которые благодаря разрушению трех оков вступили в поток, спаслись от падения вниз, достигли уверенности в совершенной мудрости... они также должны пересечь поток Мары и выйти в сохранности на дальний берег.

И как тот нежный теленок-сосунок, который только что родился от беременной коровы и был перенесен через течение Ганги... так же и те бхикку, которые следуют дхамме и шествуют в вере: они также непременно пересекут поток Мары и выйдут в сохранности на дальний берег.

И вот, бхикку, я — тот человек, который сведущ в этом мире, сведущ в мире превыше этого, в сфере Мары и в сфере превыше Мары, в сфере смерти и в сфере превыше смерти... Я — тот человек, бхикку, слушая которого с готовностью и с готовностью доверяя ему, люди непременно получают выгоду и достигнут счастья в течение многих долгих лет.

(«Маджджхима-никая» I, 34)

Те, кто поддается своим желаниям, оказываются залиты потоком страстных желаний. (Они оказываются под властью своих собственных желаний.) Как паук оказывается пойман в сплетенную им самим паутину.

Мудрые отсекают эту сеть желаний и странствуют свободные от страсти и желаний, свободные от печали и горя.

Отвязавшись от всего прошлого, от всего настоящего и от всего будущего, переведи себя на другой берег. (Пересеки поток существования.)

С полностью освобожденным во всех смыслах умом, ты больше не увидишь рождения и смерти.

(«Дхаммапада» 347, 348)

Плот (1)

Тогда Возвышенный пришел к реке Ганге; а в то время река Ганга была полна до самых краев, так что из нее могли напиться коровы. И вот некоторые люди, желая переправиться на другой берег, стали искать лодку, тогда как другие бросились на поиски плота из бревен; еще другие принялись связывать тростник.

Но как сильный человек вытягивает свою руку, а затем опускает ее обратно, так же и Возвышенный исчез с этой стороны реки Ганги и стал на дальнем ее берегу вместе с сообществом бхикку.

И вот Возвышенный увидел, что некоторые люди ищут плот из бревен, тогда как другие ищут лодку, а еще другие связывают тростник. Тогда, видя истину этой вещи, Возвышенный произнес такие вдохновенные слова:

*Пересекающие глубины океана
Строят мост и покидают болото;
Но мудрые пересекли поток.*

Плот (2)

«Пользуясь образом плота, о бхикку, я научу вас дхамме; ибо плот — это нечто такое, что оставляют позади и не берут с собою. Пожалуйста, послушайте; напрягите свои умы, я буду говорить».

«Да будет так, господин», — отвечали эти бхикку Возвышенному.

Возвышенный сказал: «Как если бы некий человек, бхикку, отправился в далекое путешествие, увидел перед собой обширное водное пространство, и вот эта сторона полна сомнений и страхов, а на той стороне — безопасность и свобода от страха; но у него нет лодки, чтобы пересечь это водное пространство, нет никакой возможности переправиться с этой стороны на другую. Тогда он думает так: "Вот огромное водное пространство... но у меня нет лодки... А что, если мне собрать траву, палки, ветви и листья, сделать из них плот и на нем грести руками и ногами, чтобы таким образом благополучно переправиться на дальний берег?"»

И вот затем, бхикку, человек этот собирает вместе палки... и подплывает к дальнему берегу. Когда он переплыл водное пространство и подплыл к другой стороне, он думает: «Этот плот принес мне большую пользу; лежа на нем, я греб руками и ногами и подплыл к дальнему берегу. Предположим, теперь я взвалю его на голову или подниму на плечи и отправлюсь своим путем?»

— А что думаете вы, бхикку? Поступая так, избавится ли этот человек от тяжести?

— Конечно, нет, господин.

— Что же делать этому человеку, бхикку, чтобы освободиться от тяжести плота? Для этого, бхикку,

человек, который пересек водное пространство и приплыл к дальнему берегу, должен думать так: «Этот плот принес мне большую пользу: лежа на нем, я переплыл водное пространство и добрался до дальнего берега. А что, если теперь я вытащу этот плот на берег или столкну его в воду и отправлюсь своим путем?» Поступая таким образом, бхикку, человек избавится от плота.

Точно так же, бхикку, пользуясь образом плота, я научил вас дхамме, как чему-то такому, что нужно оставить позади, а не брать с собой. Так, бхикку, поняв этот образ плота, *вы должны оставить позади пути праведности, не говоря уже о неправедных путях.*

(«Маджджхима-никая» I, 134)

Бодхисаттва Меттея, будущий будда

И вот, бхикку, в те дни появился в мире Возвышенный по имени Меттея, «Добрый», арахант, полностью просветленный, одаренный мудростью и праведностью, Счастливый, Познавший мир, несравнимый Возничий, правящий людьми, которых следует укротить, Учитель дэвов и людей, Возвышенный, подобный мне будда. Он благодаря своим сверхъестественным силам познает мир и сделает его познаваемым, а также миры дэвов с их марами, браманами, с сонмами брахманов и шраманов, дэвов и людей вместе, как это делаю я. Он возвестит дхамму, прекрасную в ее начале, прекрасную в середине и прекрасную в конце; он сделает познаваемой всю совершенную жизнь праведности в ее целостности, во всей ее чистоте, в духе и букве, как это ныне делаю я. Он по-

ведет сообщество бхикку, насчитывающее много тысяч, точно так же, как ныне я веду Сообщество бхикку, насчитывающее много сотен*.

(«Дигха-никая» III, 76)

* В первых словах имеется в виду время царствования Санкхи, царя Праведности, когда люди будут жить 80 000. Это единственное упоминание в Каноне о владыке Меттее.

Глава 17

ЧТО ТАКОЕ НИББАНА?

Послание о ниббанае

Это подобно пограничному городу некоего раджи, крепко построенному, со стенами и башнями, имеющему в стенах шесть врат. В этом городе существует мудрый и бдительный Хранитель Врат, который не впускает в город врагов и приветствует друзей. С востока приходят двое быстрых Вестников; они спрашивают Хранителя Врат: «Друг, где Владыка этого города?»

И он отвечает: «Вот там — он сидит в самой середине, где пересекаются Четыре Пути».

И эти Близнецы-Вестники вручают Владыке этого города Послание Истины и отправляются своим путем по Тропе, по которой пришли.

Также с запада и с севера приходят по двое быстрых Вестников и говорят Хранителю Врат: «Друг, где находится Владыка этого города?» И подобным же образом он отвечает им, а они вручают Владыке города Послание Истины и отправляются своим путем.

Так вот, бхикку, я рассказал вам притчу; а вот объяснение этой притчи.

Город — это наше тело, составленное из четырех великих элементов, рожденное родителями, вскормленное пищей, подвластное разрушению и обреченное на полную гибель.

Шесть его Врат суть шесть путей чувственных впечатлений;

Страж Врат — это сознание;
Пара быстрых Вестников суть спокойствие и прозрение.

Владыка Града есть Ум.

Дороги четырех направлений, пересекающиеся посреди города, суть элементы земли и воды, огня и воздуха.

Приносимое Вестниками Послание Истины — это ниббана, необусловленное.

И тропа, по которой они приходят и уходят, — это Благородный Восьмеричный Путь, а именно: правильный взгляд, правильная цель, правильная речь, правильное действие, правильный образ жизни, правильное усилие, правильная внимательность, правильная сосредоточенность.

(«Сутта-нипатта» IV, 194)

Непроявленное

Возвышенный сказал:

В прошлые дни, бхикку, некоторые купцы, плававшие по океану, бывало, брали с собой птицу, которая могла видеть землю, и с этой птицей уплывали далеко в океан, на глубокие места. И вот когда с корабля не было видно земли, они имели обыкновение выпускать такую птицу, видящую землю. Птица летала на север, на юг, на запад, на восток, поднималась высоко вверх, летала и в других направлениях; и если она видела где-то в окружности землю, она улетала туда; а если в окружности земли не было видно, она возвращалась на корабль.

Так же и вы, бхикку, не сумев получить ответ на свой вопрос, хотя ваши искания доходили до самого

мира Брахмы, — вы приходите опять ко мне. Но этот ваш вопрос, бхикку, не был поставлен правильно, а именно: «Господин, где эти четыре великих элемента — земля, вода, огонь и воздух — перестают существовать, не оставляя после себя никаких следов?» Вот как вам следует поставить вопрос:

*Где вода, земля, огонь и воздух не находят
для себя никакой почвы?*

*Также где грубое, чистое и нечистое,
Ум и тело — где они прекращаются,
Не оставляя за собой никакого следа?*

И вот ответ на этот вопрос будет таким: «Это такое состояние, состояние виньяна, которое невидимо и безгранично; это место для причала, доступное ото всюду».

*Там ни вода, ни земля, ни огонь, ни воздух
Не находят для себя почвы.*

*Там длинное, короткое, тонкое,
Также грубое, чистое и нечистое,
Тело и ум — все они исчезают,
Не оставляя за собой никакого следа.*

*С прекращением сознающего ума
Исчезают и все эти элементы*.*

(«Дигха-никая» I, 222)

* Следует обратить внимание на то, что под «четырьмя великими элементами» буддизм подразумевает не просто четыре видимых элемента, а силы, результатами которых выступают эти четыре, т. е. элемент *протяженности*, *сцепления*, *распространения*, или *жара*, и элемент *вибрации*. В «Самгютта-никае» I, 15 встречается часть этих стихов; и д-р Рис-Дэвидс удачно перевела эти слова, *апо*, *патхави*, *теджо*, *вайо*, следующим образом:

*Где четыре элемента — сцепляющийся, протяженный,
Горящий и движущийся — не находят для себя почвы.*

Несоставное

Я научу вас, бхикку, несоставному и пути к этому несоставному. Прошу вас, послушайте об этом.

Так вот, бхикку, что такое это несоставное? Разрушение чувственности, ненависти, заблуждения, о бхикку, называется несоставным.

И что такое, о бхикку, путь, ведущий к несоставному? Это внимательность по отношению к сфере тела — вот что называется путем. Итак, бхикку, я показал вам несоставное и ведущий к нему путь.

Все, что может быть сделано учителем, желающим блага своим ученикам из сострадания к ним, — все это я сделал для вас, бхикку.

Здесь, бхикку, корни деревьев, здесь уединенные места для жилья. Прошу вас, продолжайте размышлять, не прекращайте стараний, чтобы потом не мучило вас раскаяние. Это — мое наставление вам*.

(«Сутта-нипатта» IV, 359)

Слово «*виньянам*» здесь означает сознание ниббаны у араханта. «Место для причала», «*пахам*», согласно Буддхагхоше, здесь означает «ступени в обе стороны по берегу». В «Диалогах Будды» II, 283 проф. Рис-Дэвидс переводит это слово так: «(Интеллект араханта), доступный с любой стороны». Ср. «*Удана*» 9. Ниббана поэтому является собой состояние превыше сознания ума. В своем обычном состоянии и понимании *виньянам* подвержена гибели, как одна из пяти скандх.

* В разделе канона, следующем за этой суттой, прибавляются другие факторы, а именно: спокойствие, размышление, сосредоточенность ума без объекта, утверждение внимательности, четыре наилучшие усилия, четыре основания силы, пять управляющих способностей, пять сил, семь факторов мудрости и Путь.

Два пути

В Саваттхи... в парке. И вот в то время досточтимый Тисса, племянник отца Возвышенного, так сказал многим бхикку:

«Поистине, друзья, мое тело стало таким, как если бы его волокли по земле; моему помутившемуся зрению не видны четыре направления; и учение более не представляется мне ясным. Лениость и вялость охватили мое сердце; эта праведная жизнь безрадостна для меня; и я нетверд в учении».

На это многие бхикку решили отправиться к Возвышенному; они пришли к нему, приветствовали его и сели подле него. Сидя таким образом, эти бхикку обратились к Возвышенному и сказали: «Господин, досточтимый Тисса, племянник отца Возвышенного, так говорит многим бхикку: "Поистине, друзья, мое тело сделалось таким, как если бы его волокли по земле; моему помутившемуся зрению не видны четыре направления; и учение более не представляется мне ясным; лень и вялость охватили мое сердце; эта праведная жизнь безрадостна для меня; и я нетверд в учении"».

На это Возвышенный обратился к некоему бхикку:

— Пойди, о бхикку, и от моего имени пригласи сюда бхикку Тиссу; скажи ему: «Друг Тисса, учитель желает поговорить с тобою».

— Да будет так, господин, — ответил тот бхикку Возвышенному, отправился к досточтимому Тиссе и сказал ему: «Друг Тисса, учитель желает поговорить с тобою».

— Да будет так, бхикку, — сказал досточтимый Тисса в ответ тому бхикку; он пришел к Возвышенному, приветствовал его и сел подле него.

Когда он так сел, Возвышенный обратился к досточтимому Тиссе со следующими словами:

— Верно ли говорят, Тисса, что ты сказал многим бхикку следующее: «Поистине, друзья, тело мое стало таким, как если бы его волокли по земле... (и так далее)... и я нетверд в учении?»

— Правда, господин.

— Так вот, что думаешь ты, Тисса, по этому поводу? Разве в теле, которое не избавилось от вожделения, желаний, любви, жажды, лихорадки и страсти, — разве в таком теле не возникают состояния изменения и неустойчивости? Не возникают ли при этом печаль и горечь, горе, сожаление, отчаяние?

— Возникают, господин!

— Хорошо сказано! Хорошо сказано, Тисса! И не так ли обстоит дело с чувствами, с восприятием, с деятельностью, с сознанием?

— Да, господин!

— Хорошо сказано! Хорошо сказано, Тисса! Значит, так же обстоит дело с сознанием, которое не освободилось от вожделения, от желания, от любви, от жажды, от страсти и лихорадки; в таком сознании действительно возникают печаль и горечь, горе, сожаление и отчаянье? И вот, что думаешь ты, Тисса? Если тело освободилось от всех этих качеств, возникнут ли в таком теле горе, печаль, сожаление, горечь и отчаяние?

— Конечно, нет, господин.

— Хорошо сказано! Хорошо сказано, Тисса! Также и в случаях чувства, восприятия, деятельности — возникнут ли они?

— Конечно, нет, господин.

— Хорошо сказано! Хорошо сказано, Тисса! Также и в случаях сознания, освободившегося от вожделе-

ния. Что же ты думаешь, Тисса: постоянно тело или непостоянно?

— Непостоянно, господин.

— А чувство, восприятие, деятельность? Постоянно или непостоянно сознание?

— Непостоянно, господин.

— По этой причине тот, кто видит это, чувствует это, испытывает отвращение к телу, к чувству, к восприятию, к деятельности. Он испытывает отвращение к сознанию; а испытывая отвращение к нему, он не испытывает к нему вожеления; не испытывая вожеления, он свободен; и в такой свободе приходит прозрение, которое и есть освобожденность бытия. Так он постигает: разрушено повторное рождение; прожита праведная жизнь; выполнена задача; для жизни в этих условиях нет будущей основы.

Представь теперь, Тисса, двух человек: один из них искусен в ходьбе, а другой неискусен. И неискусный спрашивает путь у того, кто искусен в этом деле. И тот, другой, отвечает: «Да, таков путь, добрый человек; пройди немного, и ты увидишь, как дорога делится на две; оставь левую дорогу, иди по правой; пройди немного, и вот ты увидишь густой лес; пройди еще немного, и ты увидишь большое топкое болото; пройди еще немного, и ты увидишь крутой обрыв, а еще дальше — восхитительную равнину».

Такова моя притча; она показывает смысл моих слов, Тисса; и вот этот смысл таков: «искусный в ходьбе человек» — это татхагата, арахант, полностью просветленный, а «неискусный в ходьбе» — это обычные, многие люди. «Разделенная дорога», Тисса, означает состояние колебания, «путь налево» — это название ложного восьмеричного пути, а именно: ложные взгляды, ложные намерения и так далее.

«Путь направо», Тисса, — это название этого Благородного Восьмеричного Пути, а именно: правильные взгляды и так далее. «Густой лес», Тисса, подразумевает неведение. «Большое топкое болото», о Тисса, представляет чувственные желания, а «крутой обрыв» означает горе и отчаяние. «Восхитительная долина», Тисса, означает ниббану.

Ободришь же, Тисса! Не падай духом! Я дам совет! Я поддержу! Я научу!

(«Сутта-нипатта» III, 106)

Ниббана

В Саваттхи. Досточтимый Радха пришел к Возвышенному и сел. Сидя подле него, досточтимый Радха так обратился к Возвышенному:

— Существо! Существо! — так говорят, господин. Прошу, господин, скажите, насколько можно называть человека существом.

— Это желание, Радха, это вожделение, это прельщение, это страсть, связанная с телом, — они сплетены там, крепко сплетены в нем; поэтому человека и называют существом.

Это желание, это вожделение, эта страсть, это прельщение, которые связаны с чувством, с восприятием, с деятельностью, с сознанием, — они сплетены в нем, крепко сплетены; поэтому человека называют существом.

Это подобно тому, Радха, как бывает, когда мальчики и девочки играют с маленькими песочными крепостями. Пока они не освободились от вожделения, не освободились от желания, не освободились от привязанности, от жажды, от лихорадочного желания и

страсти к этим маленьким песочным крепостям, до тех пор, Радха, они наслаждаются ими, забавляются ими, считают их важными, ревностно охраняют.

Но, Радха, как только эти мальчики или девочки освободились от вожделения, от желания и привязанности, освободились от жажды, от лихорадочного желания и страсти к этим маленьким песочным крепостям, они сейчас же разбрасывают их руками и ногами, разбивают их, опрокидывают, перестают играть с ними.

Так же и ты, Радха, отбрось тело, разбей его, опрокинь, перестань играть с ним, устремись к его разрушению.

Так же и с чувством, с восприятием, с деятельностью, с сознанием... отбрось сознание, Радха, разбей его, опрокинь, перестань играть с ним, устремись к разрушению страсти к нему.

Поистине, Радха, это разрушение страсти и есть ниббана.

(«Сутта-нипатта» III, 188)

Кто тверд и настойчив,
Кто путь скверных рождений отсек
и все омрачения преодолел,
кто весь обман развеял;
Кто достиг другого берега:
у кого нет вожделений, нет сомнений,
нет цепляний;
Кто непоколебимый и спокойный —
такого я называю Брахманом.

(«Дхаммапада» 414)

Ниббана — это освобождение

Тогда досточтимый Радха пришел к Возвышенному; придя к нему, он приветствовал Возвышенного и сел подле него. Сидя так, досточтимый Радха так обратился к Возвышенному:

— Господин, говорят: «Мара! Мара!» Прошу господина сказать, как далеко находится Мара.

— Там, где есть тело, Радха, там будет Мара или вещи природы Мары, — во всяком случае, то, что гибнет. По этой причине, Радха, считай тело Марой, считай его обладающим природой Мары, считай его гибнущим, считай его обманщиком, смотри на него как на стрелу, на боль, на источник боли. Те, кто смотрит на него таким образом, смотрят правильно.

И то же самое можно сказать о чувстве, о восприятии, о деятельности, о сознании.

— Но, господин, для чего это — правильно смотреть?

— Правильно смотреть, Радха, надо для отвращения.

— Но это отвращение, господин, — для какой цели оно?

— Отвращение, Радха, для того, чтобы вызвать бесстрастие.

— А бесстрастие, господин, — для какой цели оно?

— Бесстрастие, Радха, служит для того, чтобы достичь освобождения.

— Для чего же это освобождение, господин?

— *Освобождение, Радха, означает ниббану.*

— А ниббана, господин, — какова ее конечная цель?

— Этот вопрос, Радха, заходит слишком далеко; ты не в состоянии охватить все ограничения этого во-

проса. Святая жизнь, Радха, имеет корни в ниббане; ниббана — это ее цель, ниббана — ее задача.

(«Сутта-нипатта» III, 187)

Ниббана — это конец горя

Так я слышал. Как-то однажды Возвышенный пребывал вблизи Саваттхи, в роще Джета, в парке Анатхапиндики. И вот в тот раз Возвышенный наставлял бхикку, побуждая их к действиям, зажигая и радуя благочестивой беседой о ниббане; и эти бхикку поняли ее смысл, слушали ее со вниманием, постигли умом все учение, слушали учение открытыми ушами.

И тогда Возвышенный, видя их устремленность к ниббане, произнес эти торжественные слова:

«Существует, бхикку, особое условие, при котором нет ни земли, ни воды, ни огня, ни воздуха, ни сферы бесконечного пространства, ни сферы бесконечного сознания, ни сферы пустоты, ни сферы восприятия или отсутствия восприятия; где нет ни «этого» мира, ни «того» мира; где нет ни Луны, ни Солнца. Это условие, бхикку, я не называю ни приходом, ни уходом, ни стоянием, ни падением, ни вставанием; оно не имеет неподвижности и не обладает движением, не имеет основы; это — *конец горестям*».

*Трудно узреть то, что называют лишенным «я».
Нелегко воспринять истину.*

*Но знающий пробивается сквозь вожеления,
Видящий все — ни к чему не привязан.*

И еще раз по этому случаю Возвышенный произнес такие торжественные слова:

Существует, бхикку, нечто нерожденное, не ставшее, не сделанное, не составленное. Если бы, бхикку, не существовало то, что является нерожденным, не ставшим, не составленным, тогда никак невозможно было бы спастись от того, что рождено, что стало, что сделано, что составлено.

И еще раз по этому же случаю Возвышенный произнес такие торжественные слова:

У того, кто находится в зависимости (от других), существуют колебания. У независимого нет никаких колебаний. Там же, где нет колебаний, существует спокойствие. Где существует спокойствие, там нет страстного наслаждения; а где нет страстного наслаждения, там нет ни прихода, ни ухода (в повторном рождении). Где нет ни прихода, ни ухода (в повторном рождении), нет и падения (из одного состояния в другое). Где нет падения из одного состояния в другое, там нет ни «здесь», ни «там», ни «не здесь и не там». Это окончание горести.

(«Удана» 80, VIII)

Прекращение становления есть ниббана.

(«Сутта-нипатта» II, 68)

Остров убежища

«Стоя среди течения, среди устрашающего потока,

Для удрученных разрушением и смертью,

Скажи мне об острове, — сказал Каппа, —

Скажи мне об острове, достойный господин.

Где более не окажется этих явлений!»

«Стоя среди течения, среди устрашающего потока,

*Для удрученных разрушением и смертью,
Я скажу тебе, Каппа, об острове, — произнес
Возвышенный.*

Скажу тебе об острове,

*Где более не будет ни одного такого явления,
Ничем не обладать, ни к чему не привязываться,
Таков этот остров, несравненный остров,
Это окончание разрушения и смерти.*

*Ниббаной я называю его, о Каппа, — сказал
Возвышенный.*

Таков этот остров, Каппа.

Знающие это, кто в этой самой жизни,

*Выросли устойчивыми, стали безмятежными, —
Они не станут подданными Мары, его рабами.
Таков этот остров, — сказал Возвышенный,
Где более не будет ни разрушения, ни смерти».*

(«Сутта-нипатта» V, 1091–1094)

Поэтому, Ананда, пребывайте на острове внутри себя, найдите убежище внутри себя; не ищите убежища ни в чем ином; обретите остров в дхамме, найдите убежище в дхамме; не ищите убежища ни в чем ином.

И как же, Ананда, пребывает бхикку на острове внутри себя, пребывает в убежище внутри себя, не пребывая ни в каком ином убежище? Как пребывает он на острове дхаммы, как находит убежище в дхамме и не ищет убежища ни в чем ином?

При этом, Ананда, бхикку пребывает, созерцая тело, как состоящее из частей, ревностный, внимательный, владеющий собой благодаря сдерживанию алч-

ности и недовольства, присущих мирским предметам. Так же и в чувствах пребывает он, созерцая чувства, ревностный, внимательный, владеющий собой благодаря сдерживанию алчности и недовольства в мирских предметах. Так же и внутри своего ума пребывает он... и в состояниях своего ума пребывает он, созерцая состояния своего ума, ревностный, внимательный и владеющий собой, благодаря сдерживанию алчности и недовольства в мирских предметах.

Вот так, Ананда, бхикку пребывает на острове внутри себя, находит убежище внутри себя... И всякий бхикку, Ананда, который или сейчас, или после моей смерти пребудет на острове внутри себя, найдет убежище в себе и не будет искать убежища ни в чем ином, пребудет на острове дхаммы, обретет убежище в дхамме и не будет искать убежища ни в чем ином, — такой бхикку, Ананда, выйдет из тьмы; и каким бы ни был этот бхикку, ему следует иметь желание учиться*.

(«Дигха-никая» II, 101)

* «Выйдет из тьмы», *букв.* «тама-т-агге», или «поверх мрака», согласно толкованию комментария; но я предпочитаю перевод м-с Рис-Дэвидс «поверх бессмертного», что на пали читается «тамат-агге».

Глава 18

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

Непонятливость Ананды

В святилище Капалы. Тогда Возвышенный сказал досточтимому Ананде: «Когда кто бы то ни было, Ананда, практикует Четыре Пути Силы в их полном развитии, сделал их своим орудием, положил их в основу своего существования, собрал воедино, полностью освоил для пользования, — такой бхикку, если он того пожелает, может пребывать в течение целой кальпы или остальной части *кальпы*.

(Эти четыре пути: *чандо*, побуждение; *читта*, мышление; *виманса*, исследование; *вирья*, энергия.

Некоторые секты раннего буддизма утверждали, что здесь «*кальпа*», или «*каппа*», означает не мировой цикл, а период жизни человека.)

В случае татхагаты, Ананда, имеет место практика Четырех Путей Силы, их полное развитие; они сделаны орудием, положены в основу существования, собраны воедино, полностью освоены для пользования. И он, если того пожелает, может пребывать в течение кальпы мирового периода, или в течение остальной части кальпы.

И вот несмотря на то что Возвышенным был сделан такой явный намек, такое явственно проясняющее замечание, досточтимый Ананда все же не смог проникнуть в его слова; так что он не попросил Возвышенного: "Господин, да пребудет Возвышенный в течение мирового периода, да пребудет Счастливым в течение мирового периода для пользы, для благо-

получия многих, из сострадания к миру, для блага, для благополучия дэвов и людей". До такой степени ум его был ошибочно направлен Владыкой зла».

(Далее Возвышенный еще три раза повторил те же самые слова, но Ананда ничего не сказал.)

Тогда Возвышенный обратился к досточтимому Ананде:

«Иди, Ананда! Делай то, что ты считаешь надлежащим!»

На это досточтимый Ананда, повинувшись Возвышенному, поднялся со своего места, приветствовал его с правой стороны и вскоре после этого сел у корней дерева.

Тогда вскоре после ухода досточтимого Ананды Мара, Владыка Зла, пришел к Возвышенному и стал подле него. Став так, Мара, Владыка Зла, так обратился к Возвышенному:

«Да отойдет ныне навсегда мой господин, Возвышенный! Господин, пришло время Возвышенному навсегда отойти. Ибо так было сказано Возвышенным: "Я не отойду навсегда, Владыка Зла, пока со мной не будут бхикку, ученики, должным образом обученные и дисциплинированные, мудрые, обладающие обширными знаниями, сердцем познавшие дхамму, шествующие согласно предписаниям дхаммы, шествующие согласно долгу, живущие в соответствии с дхаммой: так чтобы самостоятельно усвоив учение Учителя, они могли провозглашать его, учить ему, показывать, устанавливать, раскрывать, анализировать и разъяснять; так чтобы они могли отвергать любые возникшие ложные мнения, почувствовав их неправильность при помощи дхаммы, и таким образом показать чудо дхаммы... Я не отойду навсегда, пока со мной не будут бхиккуни, а также братья-

миряне и сестры-мирянки в качестве учеников и учениц... должным образом обученные и дисциплинированные".

И теперь говорю я, господин, бхикку, ученики Возвышенного, бхиккуни, братья-миряне и сестры-мирянки Возвышенного вооружены знанием, как я сказал... а потому да отойдет Возвышенный навсегда, да отойдет Счастливый навсегда, да отойдет он согласно слову моего господина Возвышенного...

Ибо как сказал мне Возвышенный: "Я не отойду навсегда, о Владыка Зла, пока эта праведная жизнь не станет могучей, процветающей, пока она не распространится широко и не умножится, так чтобы она оказалась широко провозглашенной дэвами и людьми". И ныне все это осуществлено... поэтому да отойдет навсегда мой господин, Возвышенный. Да отойдет навсегда Счастливый. Пришло время Возвышенному отойти навсегда!»

На эти слова ответил Возвышенный Маре, Владыке Зла:

«Будь доволен, Владыка Зла! В скором времени состоится окончательный уход татхагаты. По окончании трех месяцев с сегодняшнего дня состоится окончательный уход татхагаты!»

Так в святилище Капалы, внимательный и полный самообладания, Возвышенный отверг агрегат жизни. И когда этот агрегат жизни был отвергнут Возвышенным, произошло сильное землетрясение; раздался ужасающий грохот, от которого вставали дыбом волосы. И видя значение всего этого, Возвышенный трижды произнес эти торжественные слова:

*Все ее части, как малые, так и бесконечные,
Составляющие собственную жизнь, —*

*Все их мудрец отверг!
Внутренне спокойный, сдержанный,
Он, подобно молнии, взорвал все,*

что составляет «я».

(«Дигха-никая» II, 104–107)

(После этого Будда объясняет Ананде причины такого землетрясения. Землетрясения имеют место и в силу естественных причин, и в силу магии адептов. Но есть шесть других видов землетрясений, а именно: когда бодхисаттва решает повторно родиться в последний раз; когда он рождается таким образом; когда он достигает просветления; когда он приводит в движение колесо дхаммы; когда он решает окончательно уйти; когда он окончательно отходит.

Затем Учитель сообщил Ананде о просьбе Мары.)

На это досточтимый Ананда обратился к Возвышенному:

— О господин, пусть Возвышенный пребудет с нами в течение кальпы! Да пребудет Благотворитель в течение кальпы!

— Довольно, Ананда! Не проси об этом татхагату! Ныне прошло время, Ананда, для того чтобы просить об этом татхагату.

Затем во второй и в третий раз Ананда обратился с той же просьбой; и в третьем случае Возвышенный сказал:

— Ананда, веришь ли ты в мудрость татхагаты?

— Да, господин.

— Тогда почему же ты надоедаешь татхагате повторными просьбами даже в третий раз?

— Но, господин, находясь перед лицом Возвышенного, я все время помню эти слова: «Каждый, кто развил... четыре пути силы и тому подобное... мо-

жет, если того пожелает, пребывать в течение кальпы или в течение оставшейся части кальпы. И вот Возвышенный совершил это... Поэтому он мог бы, если бы того захотел, пребывать таким образом с нами».

— Ананда, веришь ли ты в мудрость татхагаты?

— Верю, господин.

— Тогда, Ананда, твоя ошибка, твое заблуждение состоит в том, что в то время как татхагатой был сделан такой явный намек, такое явственное замечание, ты не смог проникнуть в смысл сказанного, чтобы попросить татхагату: «Да пребудет Возвышенный в течение кальпы, да пребудет Возвышенный в течение кальпы для пользы многих, для блаженства многих, из сострадания к миру, для блага, для пользы, для блаженства дэвов и людей». Ибо если бы ты, Ананда, попросил дважды, татхагата мог бы отвергнуть твою просьбу, однако при третьей просьбе он мог бы согласиться. Поэтому, Ананда, здесь твоя ошибка, твое заблуждение*.

(«Дигха-никая» II, 115)

Пришло время мне уйти...

Тогда Возвышенный обратился к бхикку, сказав им:

— Послушайте ныне, бхикку, и я напому вам: подвержены распаду все составные предметы! Так пребывайте же в тщательном внимании! В ближайшее время должен состояться окончательный уход татхагаты. По истечении промежутка в три месяца с сегодняшнего дня татхагата навсегда уйдет!

* После смерти Учителя сообщество поставило Ананде в вину его невнимательность.

И вот Возвышенный подавил эту болезнь и остался в живых, держась за агрегат жизни.

Затем болезнь Возвышенного успокоилась, и он оправился от нее. Вскоре после того как он поднялся, Возвышенный вышел из своего жилища и сел в его тени на приготовленное для него место. Тогда досточтимый Ананда приблизился к Возвышенному, подошел к нему, приветствовал его и сел подле него. Сидя так, досточтимый Ананда обратился к Возвышенному со следующими словами:

— Господин, я видел Возвышенного здоровым, и я видел его в болезни; и хотя мое тело, господин, стало как бы выжженным, а сознание помутилось, хотя все происходящее более не является для меня ясным из-за болезни Возвышенного, все же, господин, я в большей мере успокоился бы при мысли о том, что Возвышенный, несомненно, не отойдет навсегда, пока не выскажет свой воли по поводу сообщества бхикку!

— Чего же ждет от меня сообщество бхикку, Ананда? Я научил вас дхамме, Ананда, не разделяя учения на внутреннее или внешнее. У татхагаты, Ананда, нет *ачарья-муттхи*, нет сжатого кулака учителя.

Если же, Ананда, кто-нибудь впоследствии подумает: «Я поведу сообщество бхикку» или: «От меня зависит сообщество бхикку», — пусть он сделает какое-то высказывание. Что же касается меня, Ананда, то ныне я — разбитый, старый человек, глубокий старик, проживший долгую жизнь; я пришел к концу своего странствия, я пришел к границе жизни. Мой возраст ныне подходит к восьмидесяти годам; подобно тому, Ананда, как изношенная повозка продолжает двигаться, потому что ее удерживают обвязанные вокруг нее канаты, так и татхагата в своем

теле, Ананда, думается мне, продолжает двигаться, благодаря внешней помощи.

Только в те времена, когда татхагата отвлекает свое внимание от всего внешнего, когда прекращается деятельность нескольких его внешних чувств, когда он вступает в беспредметную сосредоточенность ума и пребывает в ней, — только в такое время, Ананда, тело татхагаты переживает легкость.

(«Дигха-никая» II, 99)

Приношение Кунды

И вот в то время Возвышенный находился в Паве, в манговой роще Кунды, принадлежащей к варне мастеров по металлу.

Тогда мастер по металлу Кунда услышал: «Говорят, что Возвышенный, совершая свой обход среди маллов, пришел в Паву вместе с большим обществом бхикку и ныне находится в моей манговой роще». Поэтому мастер по металлу Кунда явился к Возвышенному, приветствовал его и сел подле него. Сидя так, он слушал Возвышенного, и Возвышенный своими наставлениями и благочестивой беседой тронул сердце Кунды, воспламенил и обрадовал его. Тогда Кунда, получивший наставление, тронутый, воспламененный и радостный, обратился к Возвышенному, сказав: «Да примет мой господин, Возвышенный, вместе с сообществом бхикку завтрашнюю пищу из моих рук!» И Возвышенный своим молчанием выразил согласие.

Тогда Кунда, видя согласие Возвышенного, поднялся с места, склонился перед Возвышенным и, отдав ему приветствие справа, ушел.

И вот когда прошла ночь, мастер по металлу Кунду приготовил в собственном доме изысканную пищу, твердую и мягкую, вместе с большим количеством жирной свинины — и отправил Возвышенному приглашение к указанному времени.

Тогда Возвышенный поднялся рано на рассвете, облачился и, взяв верхнее одеяние и чашу, отправился в дом Кунды, мастера по металлу, сопровождаемый сообществом бхикку. Придя туда, он сел на приготовленное место; сидя там, Возвышенный обратился к Кунде и сказал: «Кунда, дай мне этой жирной свинины, которую ты приготовил; а этим бхикку подай любую приготовленную тобой пищу, мягкую и твердую».

«Очень хорошо, господин», — сказал Кунда в ответ Возвышенному и сделал так, как ему было сказано.

Тогда Возвышенный обратился к Кунде со словами: «Кунда, собери всю оставшуюся жирную свинину и зарой ее в яму. Ибо я не могу увидеть в этом мире, Кунда, вместе с миром дэвов с его марами и брахмами, со всеми сонмами брахманов и шраманов, дэвов и людей, — не могу увидеть никого, кто мог бы переварить эту съеденную пищу, кроме одного лишь татхагаты».

«Очень хорошо, господин», — сказал Кунда, вышел и зарыл в яму оставшуюся жирную свинину; затем он пришел к Возвышенному, приветствовал его и сел подле него. Когда он так уселся, Возвышенный, дав свои наставления Кунде в благочестивой беседе, тронул его, воспламенив и обрадовав, поднялся с места и ушел.

И вот когда Возвышенный съел пищу, поданную ему мастером по металлу Кундой, его охватила тяже-

лая болезнь; у него начался понос и появились сильные боли, как это бывает перед смертным концом. Возвышенный бестрепетно переносил эти боли, оставаясь спокойным и сдержанным. Затем Возвышенный призвал досточтимого Ананду и сказал: «Отправимся, Ананда, в сторону Кусинары». «Да будет так, господин», — отвечал Возвышенному досточтимый Ананда.

Мудрец, съев пищу Кунды, мастера по металлу, — так я слышал, — оказался охвачен ужасной болезнью, близкой даже к смерти;

Когда Учитель съел жирную свинину*,
Внутри него возникла ужасная болезнь.

Опорожнив кишечник, Возвышенный воскликнул:

«Теперь я иду в город Кусинару!»

Тогда Возвышенный, отойдя в сторону от дороги, подошел к корням дерева; подойдя туда, он обратился к досточтимому Ананде, говоря: «Подойди ко мне, Ананда! Приготовь мое одеяние, сложи его вчетверо. Я устал, я сяду».

* «Жирная свинина», *сукара-маддава*, была предметом многих споров. Комментатор Дхаммапала в «Комментарии на Удану» говорил просто: «В "Великом комментарии" написано: сукара-маддава есть мясо, ставшее мягким и жирным. Но некоторые говорят, что это не свинина, а молодые побеги бамбука, вытоптаннные кабанами. Другие утверждают, что это — гриб "змеиный кашюшон", растущий в таком месте, которое часто посещают кабаны. Еще другие говорят, что эти слова означают соус карри».

Нужно еще добавить к этому, что независимо от того, было ли то мясо или какое-то растительное блюдо, сам Будда не был вегетарианцем, как это видно из многочисленных мест канона, и не предписывал вегетарианства своим ученикам, от которых требовалось, чтобы они ели все, что им подавали, поскольку нищенствующие не могли выбирать себе еду. См. ценную статью проф. Отто Шрадера «Ахимса и вегетарианство» в «Цейлонском Национальном Обозрении», 1910 г.

«Слушаю, господин», — сказал досточтимый Ананда и сложил одеяние вчетверо.

Тогда Возвышенный уселся на это приготовленное место. Усевшись, он сказал: «Подойди, Ананда! Прошу тебя, принеси мне воды напиться. Я чувствую жажду, я хочу пить, Ананда!»

На это досточтимый Ананда сказал Возвышенному: «Господин, только (через ручей) проехало целых пятьсот повозок. Вода взбаламучена колесами, а ручей этот мелок, так что вода стала грязной и дурно пахнущей. Но недалеко отсюда, господин, течет река Кукуттаха со своей чистой и приятной водой; она прохладна и прозрачна. К ней легко подойти, она приятна и доставляет удовольствие при питье. Там Возвышенный сможет напиться и охладить свои члены».

И вот Возвышенный во второй и в третий раз обратился с той же просьбой, а досточтимый Ананда давал тот же ответ; но на третий раз он ответил Возвышенному: «Да будет так, господин!» — и, взяв чашу, отправился к ручью. Ручей в самом деле был взбаламучен колесами повозок, вода в мелком ручье была грязной и неприятно пахла. Но как только досточтимый Ананда подошел к ручью, потекла чистая и прозрачная вода, свободная от грязи.

Тогда досточтимому Ананде пришла на ум следующая мысль: «Поистине, чудо! Несомненно чудесный случай! Велико магическое искусство, велика сила татхагаты! Ибо этот ручей, взбаламученный колесами повозок... теперь течет свободным от грязи после моего приближения к нему».

Итак, взяв чашу и наполнив ее водой, он пошел к Возвышенному и, придя, воскликнул: «Поистине, чудо, господин! Велико магическое искусство, вели-

ка сила татхагаты! Да выпьет воды Возвышенный, да выпьет воды Счастливей!»

(«Дигха-никая» II, 126; «Удана» VIII, 5)

Заслуга Кунды

Тогда Возвышенный сказал досточтимому Ананде: Может случиться, Ананда, что кто-нибудь станет возбуждать сожаление у Кунды, мастера по металлу, говоря: «Это нехорошо для тебя, друг Кунда, что татхагата отошел после того, как съел последнюю пищу из твоих рук». Любое сожаление (так возникающее) нужно устранить, говоря ему: «Это хорошо, друг Кунда, хорошо для тебя, это прекрасно, что татхагата отошел после того, как принял последний раз пищу из твоих рук. Находясь перед лицом Возвышенного, друг Кунда, я сам слышал его слова: "Эти два угощения имеют сходные плоды и результаты, далеко превосходящие всякое иное угощение по своим плодам и результатам". Что означают эти два? То угощение, съев которое, татхагата был просветлен наивысшим полным просветлением; и то угощение, съев которое, татхагата отошел тем наивысшим отходом, который не оставляет никакой основы (для повторного рождения). Эти два угощения имеют сходные плоды, сходные результаты, далеко превосходящие всякие иные угощения по плодам и результатам. И этот поступок был совершен достойным Кундой, поступок, который в будущем принесет благие результаты, принесет в виде результатов красоту личности, счастье, небесный мир, славу и силу! Такими, Ананда, выражениями, такими словами надо устранить какое бы то ни было сожаление»

ние, могущее возникнуть у Кунды, мастера по металлу».

Затем, видя значение этой вещи, Возвышенный трижды произнес такие вдохновенные слова:

*Для дающего возрастает заслуга;
В том, кто подчинил себя, не накапливается
ненависть;*

*Праведный отбрасывает злобу;
Искоренив чувственность, гнев и заблуждение,
Человек приходит к миру.*

(«Дигха-никая» II, 135–136;
«Удана» VIII, 5)

Смертное ложе Учителя

Тогда Возвышенный обратился к досточтимому Ананде и сказал: «Подойди, Ананда, перейди через реку, и мы пойдем в Кусинару, к тому повороту, который ведет к роще Сала народа маллов».

«Да будет так, господин», — ответил Возвышенному Ананда. И вот Возвышенный отправился туда; (когда он достиг рощи Сала) он сказал досточтимому Ананде: «Посмотри, Ананда! Приготовь мне ложе между двух одинаковых деревьев сала. Я устал, Ананда, я хочу лечь».

«Да будет так, господин», — ответил Ананда и сделал, как ему было сказано. Тогда Возвышенный лег на правый бок в позе льва, положив одну ступню на другую, спокойный и уравновешенный.

Подлинное поклонение

Затем Возвышенный сказал досточтимому Ананде:

«Посмотри, Ананда! Оба дерева сала покрыты цветами; необычно рано появившимися цветами они осыпали тело татхагаты, окропили его, укрыли его, поклонились татхагате. Более того, небесные благовония продолжают падать с неба, орошая тело татхагаты, окропили его и, покрывая его, воздавали поклонение татхагате. И в небесах звучит небесная музыка, воздавая поклонение татхагате; небесные песнопения изливаются с небес, воздавая поклонение татхагате.

Однако не этим по-настоящему почитают татхагату, воздают ему почет и уважение, служат и выказывают благоговение. Тот, кто пребывает в исполнении дхаммы как в больших, так и в малых обязанностях, Ананда, будь то бхикку или бхиккуни, мирянин или мирянка, тот, кто шествует без отклонений в согласии с дхаммой, — именно он по-настоящему почитает татхагату, воздает ему почет и уважение, служит и выказывает благоговение татхагате в совершенстве поклонения.

Поэтому, Ананда, говоря: "Мы пребудем в исполнении дхаммы в больших и малых обязанностях, шествуя без отклонений в согласии с дхаммой", — так должны вы воспитывать себя».

Как поступить с телом

И досточтимый Ананда спросил Возвышенного: «Господин, а как мы должны поступить с телом татхагаты?»

«Не беспокойся относительно обрядов по захоронению тела, Ананда! Смотри, Ананда! Стремись к собственному благополучию, занимайся собственным благополучием, — пребывай внимательным, ревностным и решительным. Есть разумные кшатрии, разумные брахманы и домохозяйева, Ананда, последователи татхагаты. Они совершат обряды по захоронению тела татхагаты».

Эти четыре места

Далее Возвышенный сказал досточтимому Ананде: «Есть эти четыре места, Ананда, на которые преданные дхамме члены рода должны взирать с волнением. Что же это за четыре?»

Говоря: "Здесь татхагата рожден", — должен преданный дхамме член рода взирать на то место, Ананда, где родился татхагата;

Говоря: "Здесь татхагата достиг наивысшего просветления", — должен преданный дхамме член рода, Ананда, взирать на место (где растет дерево бодхи);

Говоря: "Здесь татхагата привел в действие непревзойденное колесо дхаммы", — должен преданный дхамме член рода, Ананда, взирать на это место;

Говоря: "Здесь татхагата отошел в таком окончательном отходе, который не оставляет никакого остатка для повторного рождения", — должен преданный член рода, Ананда, взирать на это место. Таковы эти Четыре Места.

Придут, Ананда, верующие бхикку и бхиккунни, миряне и мирянки; и так будут они говорить на местах об этих четырех местах.

И всякий человек, Ананда, который найдет свой конец с мирным сердцем и в странствии к (этим) святыням, после разрушения своего тела будет рожден повторно в блаженном небесном мире».

(«Дигха-никая» II, 141)

Любимый ученик

И вот досточтимый Ананда ушел к своему жилью и стоял там, прислонившись к дверному косяку, и плакал, говоря:

«Увы! Я все еще ученик; мне нужно многое сделать; а мой Учитель уйдет окончательно; уйдет тот, кто был добр ко мне!»

Тогда Возвышенный обратился к бхикку: «Бхикку, а где Ананда?»

«Досточтимый Ананда, господин, находится здесь, — отвечали они. — Он ушел в свое жилье, стоит, прислонившись к дверному косяку, плачет и говорит: "Увы! Я все еще ученик, мне нужно еще многое сделать, а мой Учитель уйдет окончательно, уйдет тот, кто был добр ко мне!"»

Тогда Возвышенный призвал некоего бхикку и сказал ему: «Пойди, бхикку, и передай Ананде мои слова: "Друг Ананда, Учитель зовет тебя!"»

«Да будет так, господин!» — ответил тот бхикку, пошел к досточтимому Ананде и сказал: «Друг Ананда, Учитель зовет тебя».

«Очень хорошо, друг», — ответил этому бхикку досточтимый Ананда; он пришел к Возвышенному, приветствовал его и сел подле него.

И когда он так сидел, Возвышенный обратился к досточтимому Ананде: «Достаточно, Ананда! Не пе-

чалься, не жалуйся! Разве не говорил я тебе много раз, Ананда: "Во всех вещах дорогое и сладостное есть элемент изменения, отделения, чуждого. Как же тогда было бы возможно, Ананда, чтобы рожденное, возникшее, составленное из частей, обладающее природой распада, не распалось бы? Этого не может быть!"

В течение многих долгих дней, Ананда, татхагата пользовался твоей личной службой, полезной, нераздельной, не знавшей ограничений. Своими поступками ты приобрел заслуги, Ананда! Обратись же к усилию! Скоро ты станешь совершенным!»

Затем Возвышенный обратился к бхикку: «Бхикку, кем бы ни были в прошлые времена араханты, полностью просветленные, у всех этих Возвышенных были личные слуги, точно такие же, каким был у меня Ананда. Какие бы араханты, полностью просветленные, ни появились в будущем, у всех этих Возвышенных будут личные слуги, точно такие же, каким был у меня Ананда.

Мудрый человек Ананда, о бхикку! Он знает: это надлежащее время для того, чтобы прийти и увидеть татхагату. Это надлежащее время для бхикку, для бхиккуни, для братьев и сестер мирян и мирянок. Он знает: это надлежащее время для раджей, для больших министров, для Учителей других взглядов и их учеников.

Четыре чудесные, странные явления связаны с Анандой, о бхикку. Какие же это четыре? Если сообществу бхикку случится увидеть Ананду, бхикку всегда приятно видеть его. Тогда Ананда дает им обучения, и пока он продолжает говорить, они всегда рады его словам; и это сообщество бхикку чувствует неудовольствие лишь тогда, когда Ананда кончает говорить.

Опять-таки, бхикку, если сообществу бхиккуни, или братьев-мирян, или сестер-мирянок случается видеть Ананду, им весьма приятно видеть его; они с наслаждением слушают, как он говорит, и чувствуют неудовольствие, когда он кончает говорить.

Так же существуют эти четыре чудесных странных явления в связи с монархом, повелителем мира. Каковы же эти четыре?

Если, о бхикку, сообществу кшатриев, брахманов, домохозяев, шраманов случается увидеть монарха, повелителя мира, им весьма приятно видеть его; и пока он говорит, они наслаждаются тем, что он говорит, им неприятно, когда он кончает говорить.

Точно так же, бхикку, существуют эти четыре чудесных, странных явления, связанные с Анандой... как я сказал вам».

(«Дигха-никая» II, 143)

Последний обращенный

И вот в то время шрамана Субхадда остановился в Кусинаре; и этот Субхадда услышал такие вести: в этот именно день, как говорят, в последнюю стражу ночи, состоится окончательный отход шрамана Готамы. Тогда шраману Субхадде пришла в голову такая мысль:

«Как я слышал со слов других шраманов, старых и проживших многие годы, учеников и учителей: редко, очень редко появляются в мире татхагаты, люди, которые являются арахантами, полностью просветленными. И вот здесь ночью, в последнюю стражу, состоится окончательный отход шрамана Готамы. А тут как раз в моем уме возникло сомнение, и

я уверен в шрамане Готаме. Шрамана Готама может показать мне учение, так что я сумею рассеять это состояние сомнения моего ума».

Тогда шрамана Субхадда пошел к роще Сала, принадлежащей племени маллов, и вышел на дорогу, где находился досточтимый Ананда; придя туда, он рассказал досточтимому Ананде о том, что он подумал (как выше); и затем он воскликнул: «О наставник Ананда! Если бы я только смог узреть шраману Готама!»

На эти слова досточтимый Ананда возразил шрамане Субхадде: «Довольно, друг Субхадда! Не беспокой Учителя! Возвышенный утомлен!»

Затем шрамана Субхадда повторил ту же просьбу второй и третий раз — и получил тот же ответ.

Но тут Возвышенный услышал этот разговор между досточтимым Анандой и шраманой Субхаддой. И он обратился к досточтимому Ананде, говоря: «Довольно, Ананда! Не препятствуй Субхадде! Пусть Субхадда получит разрешение увидеть татхагату. О чем бы ни просил меня Субхадда, он будет просить об этом исходя из желания знать, а не из желания беспокоить меня. И все, что я скажу ему в ответ, он быстро поймет».

Поэтому досточтимый Ананда затем сказал: «Войди, друг Субхадда! Возвышенный разрешает тебе войти».

Таким образом странствующий шрамана Субхадда вошел к Возвышенному и, подойдя к нему, вежливо его приветствовал; после обмена дружескими приветствиями он сел около Возвышенного и, сидя так, обратился к нему со следующими словами:

— Наставник Готама, все эти брахманы и шраманы, имеющие последователей и сообщества слушате-

лей, учителя сообществ, хорошо известные и прославленные основатели сект, почитаемые толпой как святые, такие люди, как Пурана Кассапа, Махакали из коровьего загона, Аджита, который носит власяницу, Каччаяна, живущий у подножия дерева пакудха, Санджая, сын Белаттхи, и Нигантха из рода Натха, — действительно ли они постигли, как они это утверждают, своим собственным знанием истину всех вещей? Или они, все как один, не постигли ее? Или одни из них постигли ее собственным знанием, а другие — нет?

— Оставь это, Субхадда! Не беспокой себя такими вопросами! Ибо не важно, постигли они истину все, как один, или некоторые постигли, а другие нет. Я покажу тебе дхамму, Субхадда! Пожалуйста, слушай внимательно, пользуйся своим умом. Я буду говорить.

— Да будет так, господин! — сказал шрамана Субхадда, обратив все внимание к Возвышенному. Тогда Возвышенный сказал ему следующее:

Если в какой бы то ни было дисциплине дхаммы, о Субхадда, мы не находим Благородного Восьмеричного Пути, в ней мы также не найдем шраманы ни первой, ни второй, ни третьей, ни четвертой ступени. И если в какой-то дисциплине дхаммы, Субхадда, мы находим Благородный Восьмеричный Путь, мы находим в ней также шраману первой, второй, третьей и четвертой ступени. Так вот, Субхадда, в этой (моей) дисциплине дхаммы мы находим Благородный Восьмеричный Путь; мы также находим в ней шраман этих четырех ступеней. В других сектах спорящих, Субхадда, нет шраман; но если бы, Субхадда, в этих сектах бхикку жили бы совершенной жизнью, мир не был бы лишен арахантов.

*Было мне двадцать девять лет,
Когда я отправился на поиски Блага.
И вот, Субхадда, прошло более пятидесяти лет
Со времени, как я покинул мир,
Чтобы установить дхамму праведности,
Вне которой нет отшельников,
Нет никаких шраман ни одной из четырех
ступеней. Лишены шраман, Субхадда, прочие
секты спорщиков. Но если в этой секте
бхикку станут жить совершенной жизнью,
мир не будет лишен арахантов.*

При этих словах шрамана Субхадда сказал Возвышенному: «Чудесно, о господин! Чудо, о господин!» и т. д. как при посвящении Сабхийи, гл. IV «Поучения»*.

(«Дигха-никая» II, 148)

Последние слова

Тогда Возвышенный обратился к досточтимому Ананде:

— Может случиться, Ананда, что ты скажешь: «Ушло слово наставника! Теперь нет более наставника!» Но ты не должен так смотреть на это, Ананда; ибо дхамма и дисциплина, которым я учил и которыми руководствовался, — они будут вашими учителями, когда я уйду.

Теперь, Ананда, в то время как бхикку имеют обыкновение называть один другого «друг», когда я уйду, не следует придерживаться этого обычая. Но вообращенного бхикку, Ананда, старший бхикку

* Составители сутты прибавляют, что «он был последним человеком, лично обращенным Возвышенным».

должен называть по имени, или родовым именем, или словом «друг»; а сам новообращенный должен обращаться к старшему бхикку со словами: «господин» или «почтенный».

Опять же, Ананда, если Сообщество того пожелает, пусть оно после моего ухода отменит меньшие и большие обязанности.

Что же касается бхикку Чанна, то пусть к нему будет применено *брахмаданда*, крайнее наказание, когда я уйду.

— Господин, а что вы называете крайним наказанием?

— Что бы ни желал, что бы ни говорил этот бхикку Чанна, о Ананда, другим бхикку не следует разговаривать, не следует порицать его, не следует давать ему наставления.

Затем Возвышенный обратился к бхикку:

— Может быть, о бхикку, в уме кого-то из вас существует какое-то сомнение или затруднение относительно будды, или относительно дхаммы, или относительно сангхи, или относительно Благородного Восьмеричного Пути, или относительно того, как прийти к этому пути. Если это так, бхикку, пожалуйста, спрашивайте меня сейчас, чтобы впоследствии не испытывать раскаяния при мысли: наш наставник был здесь, с нами, мы видели его, — и все же не имели смелости спросить Возвышенного, хотя и находились в его присутствии.

При этих словах все бхикку хранили молчание.

Тогда Возвышенный обратился к бхикку с этими же словами во второй и еще в третий раз. И в третий раз бхикку оставались безмолвными. Тогда сказал Возвышенный:

— Может быть, бхикку, вы не задаете вопросов из уважения к наставнику? Говорите тогда со мной, бхикку, как друг со своим другом.

И на это те бхикку продолжали молчать.

Тогда, обращаясь к Возвышенному, досточтимый Ананда воскликнул: «Как странно, господин! Это чудесно, господин! Я так уверен, господин, в сообществе бхикку. Нет ни одного бхикку, который испытывал бы малейшее сомнение или затруднение относительно будды, дхаммы, сангхи, Благородного Восьмеричного Пути или подхода к нему!»

«Ты говоришь, будучи уверенным, Ананда; но у татхагаты есть знание факта: ни у одного бхикку нет ни малейшего сомнения или затруднения относительно этого. Из этих моих пятисот бхикку, Ананда, даже самый отсталый вступил в поток, избавлен от падений и наверняка достигнет высочайшей мудрости»*.

Затем Возвышенный обратился к бхикку:

«Подойдите, бхикку, напоминаю вам: все, что рождено, подвергнется распаду. Пребывайте же во внимательности!»

Таковы были последние слова Возвышенного.

(«Дигха-никая» II, 154)

* Комментатор полагает, что эти слова были сказаны в ободрение Ананде, который один оставался несовершенным.

Научно-популярное издание

СЛОВА БУДДЫ

Перевод с английского

Н. Фон Бок

Редактор

В. Карпинский

Корректор

Юлия Жаркова

Макет

Николай Красноперов

Обложка

Инна Горцевич

ООО «Издательство Ганга»

www.ganga.ru

117574, Москва, ул. Голубинская, 17/9, 501

E-mail: ganga@ganga.ru.

Адрес сайта в Интернете: www.ganga.ru

Подписано в печать 02.08.2011. Формат 60х90/16

Печать офсетная.

Усл. печ. л. 24,0. Тираж 1000 экз. Заказ №